

3
2006

РОСССНЯ XXI

3.2006 май-июнь

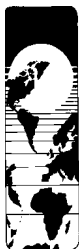
Общественно - политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Нарастает ли давление на Россию? _____ 4

Геоглобалистика

Владимир Дегоев

«Губернизация» против этнократизма
(о некоторых методологических подходах
к северокавказским проблемам) _____ 56

Страницы истории

Андрей Левандовский

Взрывная сила «Судебных уставов» _____ 66

Европейские параллели

Валентина Марьина

К истории советско-чехословацких
отношений 1938–1940 гг. _____ **84**

Виктор Мальков

Прибалтийский узел.
1939–1940 гг. _____ **122**

Актуальный архив

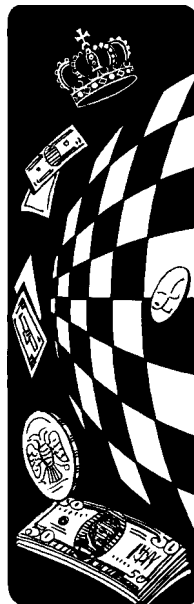
Альберт Ненароков

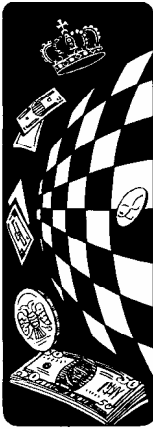
В.С.Войтинский – Гарви и гарвьятам.
Письма 1933–1939 гг.: о времени,
событиях и политиках
(окончание) _____ **152**

Мы, так сказать, потенциально подчинены дистанционному контролю каждого. <...> Очень скоро каждое место в этом мире станет потенциальной мишенью для разрушительного оружия, выпускаемого в любом другом месте <...> Мы все менее и менее остаемся хозяевами своего права определять, что для нас релевантно, а что нерелевантно.

**Политически, экономически
и социально навязываемые
релевантности, выходящие
за пределы нашего контроля,
должны приниматься в расчет
такими, каковы они есть.
Следовательно, нам необходимо
их знать. Но в какой степени?**

Альфред Шюц

Сергей Кургинян

НАРАСТАЕТ ЛИ ДАВЛЕНИЕ НА РОССИЮ?¹

**ПРЕССИНГ В ДАЛЬНЕМ И БЛИЖНЕМ
ЗАРУБЕЖЬЕ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗИ
С ВНУТРИРОССИЙСКИМИ
ПРОЦЕССАМИ**

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

Pressing on Russia is a problem which deserves analysis offered in the article. Any person who starts a long-term process fraught with prospect of regress (as, for instance, Russian perestroika and its diverse follow-ups) relies on the law of ideological systems rotation and the classical theory of cycles. Anti-Soviet sentiments in Russia have already passed the stage of consumerist liberalism and entered stage 2, i.e. «centrist patriotism» stage. Stage 3, harsh and tough nationalism stage is on agenda. Then perhaps Orthodox fundamentalism and, further on, fascism will follow. To create a barrier to skating down to harsh nationalism new leading social groups, other social system and other management models are needed. However nowadays Russians have neither moral nor material motivation. The major scale strategic modernization is lacking too. The author discusses new trends in pressure on Russia that shift the country towards harsh nationalism. In the first place, these trends include revision of Washington policy towards Moscow. USA demonstrates concern about excessive concentration of power in hands of Putin, about issues of democracy and suggests to punish Russia for its treaty with Tehran (the treaty was made on February 26, 2006), not to allow Russia to «big eight» summit, recommends «not to impede freedom and democracy in neighboring countries». Threats of US nuclear war on Russia are already rung about because US nuclear superiority is allegedly obvious. In order to live Russia needs the mobilization model of development and strategic offensive intellectual openness.

¹ Доклад на заседании клуба «Содержательное единство» 30 марта 2006 года (журнальная версия).

Часть I.

По отношению к чему (кому) проводится прессинг?

Давление на Россию предполагает, что есть те, кто давит, и есть то, на что можно давить. Для того, чтобы обсуждать тему прессинга (а он есть, и я сумею показать это), нужно не только раскрыть, кто давит, но и в каком-то смысле определить точку приложения этого давления. А также показать, как одно связано с другим.

Меня могут спросить – зачем вообще надо ломиться в открытую дверь? Для одной части нашего общества и так ясно, что некий Запад (США в первую очередь) таким-то и таким-то образом чинит козни. И что это происходит сейчас по отношению к России, как раньше происходило по отношению к СССР.

Для другой части нашего общества ясно, что любые рассуждения по поводу иноземных «наездов» суть игра корыстной бюрократии, которая хочет «замылить» честные выборы, ссылаясь на чьи-то козни и их губительность.

Но в том-то и дело, что, помимо этих двух «записных» частей, есть еще часть общества, которая записными воззрениями уже никак не может удовлетвориться. Кроме того, даже в стане «записных» что-то начинает происходить. Нельзя слишком долго повторять одни и те же слова и одновременно жить реальной жизнью, плохо сочетаемой с этими словами. Я подчеркиваю: слишком долго это не может сосуществовать. Просто долго это сосуществовать может и сосуществует. Но «долго» не значит «бесконечно». Лимит на полную автономию слов по отношению к реальности близок к исчерпанию. В России этот лимит был вероятно велик. Но и его сумели подызрасходовать.

И, конечно, интересно, что будет дальше. Как будут сыпаться эти «записные» части, к чему присоединяться, на каких матрицах оседать. Если мы занимаемся мировоззрением, идеологией, политической культурой, политическим языком и при этом хотим не только что-то исследовать, но и на что-то влиять – это все не может нас не волновать. В противном случае надо признаться, что мы занимаемся чем-то совсем другим. А мы занимаемся именно этим.

Итак, давление на Россию, прессинг разного рода (общий, мировой, региональный, особенно на сопредельных территориях, и внутренний, касающийся собственно нашей страны) для нас не данность и не чушь. Для нас это проблема. Это то, что надо анализировать. То, что требует

доказательств. А также каких-то структуризаций, моделей. Что без толку кричать-то?

Для того, чтобы все это произвести, нужно осуществлять проблематизацию уже на старте. По отношению к исходным словам. Говорите «прессинг» – скажите, кто, как и на что давит? Потому что «вообще давить» невозможно. Давят всегда конкретным образом. И на кого-то конкретно. Даже если давят на все население – все равно речь идет о конкретных методах. Экономическая блокада (режим санкций – что, разве такого не было по отношению к тому же Ираку?), война (в Югославии, Ираке – мало ли еще где?)... Россию не бомбят (скажем так: «пока не бомбят»). По отношению к ней не осуществляют санкций или блокад (опять же оговорим: «пока не осуществляют», но ведь НЕ осуществляют же!).

Что тогда такое «давление вообще» на Россию? А если это не «давление вообще» на Россию, то тогда о каком давлении идет речь? О давлении на кого? И с помощью чего? И есть ли, в каком-то смысле, на что давить? Станный вроде бы вопрос. Но, согласитесь, далеко не бессмысленный. Можно, например, надавить на руководство коммунистической партии Китая. И что-то получить, если давление будет удачным. А на кого в России давить? На некую политическую зону... А что это за зона? Есть ли она? Есть ли вообще политика?

Попытаюсь дать какие-то ответы на эти непростые вопросы. И уже в рамках этих ответов что-то конкретное разобрать (отструктурировать, отмоделировать и так далее). Но начну именно с проблематизации наличия.

Когда мы говорим «политика», мы имеем в виду все что угодно. В том числе систему деклараций, предъявляемых обществу с разных этажей, так сказать, «влияния и власти». А также наши собственные соображения о том, каковы интересы, как все должно происходить для того, чтобы... и так далее.

Наверное, все чувствуют, что внутри этой очень уж размытой субстанции есть нечто более концентрированное, жесткое и реальное. Хотя и тоже размытое. Но тем не менее. Я не могу назвать эту более оформленную сущность, например, «ядром российской политики». Поскольку это не ядро, а что-то другое. И я не хочу (по крайней мере, здесь и сейчас) «нагружать» свои построения какими бы то ни было рефлексиями по поводу парapolитики, скрытых замыслов и всего остального.

Я, напротив, хочу сейчас все по возможности «разгрузить». Выявить в происходящем что-то простое, хотя и не вполне очевидное. И уже работая с этим простым, надстраивать над ним или под ним, но, в любом случае, по минимуму, самые необходимые усложнения.

НАРАСТАЕТ ЛИ ДАВЛЕНИЕ НА РОССИЮ?

Итак, предметом моего внимания для начала является некое сгущение в пределах очень эфемерного облака политических сентенций, риторик et cetera (рис.1).

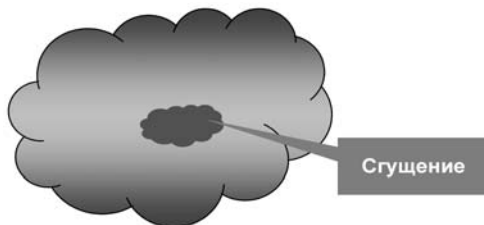

Рис.1

Что это за сгущение? Это, конечно, прежде всего, осуществляемая страной (бюрократией, корпорациями, которые с ней связаны, в какой-то части спецслужбами или армией) система конкретных шагов. Подписан такой-то договор... И еще такой-то... Туда-то поставили оружие... А туда-то – газ... или нефть... Глядишь – что-то и вытанцовывается.

Тут абсолютно ясно, каков круг лиц, способных задавать «па» в подобном «танце». И лично у меня не вызывает никакого внутреннего протеста то, что этот круг лиц очень узок. Он, во-первых, всегда узок. А, во-вторых, в нынешней ситуации чем он будет уже, тем лучше.

Кроме совокупности шагов, есть еще одно, менее очевидное, но достаточно реальное слагаемое. Я имею в виду систему взглядов, причем не чьих-то вообще, а тех, кто что-то определяет в нынешней ситуации. При том, что качество ситуации я уже неоднократно описывал. И у меня нет никаких оснований менять по этому поводу точку зрения. Мне просто скучно много раз подряд фиксировать очевидное.

Итак, система шагов и система взглядов – вот что такое это сгущение (рис.2).

Давая ответ на естественный вопрос: «Организаторы шагов – понятны, но кто носители взглядов?», – мне проще всего сказать, что носителями интересующих меня взглядов являются сами организаторы шагов. Но это будет не до конца верно. Поэтому вначале я все-таки скажу о самой системе взглядов.

Она, система эта, вовсе не представляет собой философию, мировоззрение в полном смысле слова. Эта система гораздо проще, грубее. Мне здесь важно констатировать две вещи.

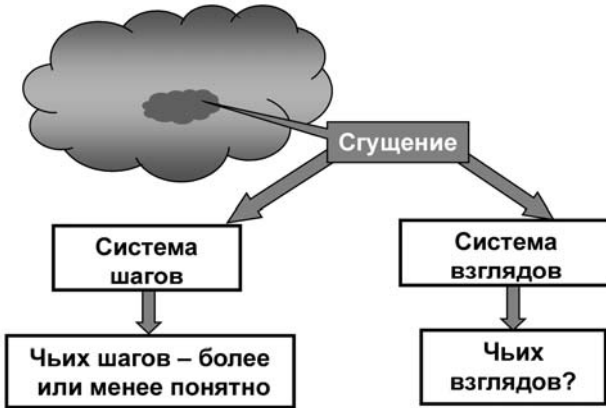

Рис.2

Во-первых, что она все-таки существует.

Во-вторых, что речь идет не о декларациях (пиаре, как сейчас говорят) и не о философии, стратегии, мировоззрении.

Даже эти апофатические, негативные констатации («не декларации», «не философия») уже что-то дают. И поэтому я их зафиксирую (рис.3).

Рис.3

Вроде бы мы что-то зафиксировали. Но лишь «вроде бы». Чтобы по-настоящему двинуться дальше, нам придется достаточно долго топтаться на этом аналитическом (или, если хотите, эвристическом) полустанке.

Часть II.

Реальность и ее место на политической сцене

Предположим, что среднестатистическая российская молодая пара решила построить семью и завести детей. Такое решение есть краеугольный камень социального воспроизводства. Будут дети – будет народонаселение. Не будет – будет Пустырь. И сколько ты ни называй этот Пустырь «Великой Россией» – ничего не изменится. Соседи будут зариться на Пустырь. На Пустыре будут протекать процессы, вряд ли носящие социальный и государствообразующий характер. И так далее.

Россия на сегодня относится по смертности к странам «третьего мира». Но в странах «третьего мира» имеет место высокая рождаемость. А Россия уникальна тем, что по рождаемости она относится к странам «первого мира». Уповать на то, что Россию заселят некие мигранты, мне лично представляется глупым. Потому что мигрантов вообще не будет. Мигранты будут делегатами других цивилизаций, так сказать. Исламской, китайской... Поэтому если в России (прошу прощения) не начнут размножаться ее коренные жители, то есть (дважды прошу прощения) русские, то нам – хана. И рассуждать не о чем. Мы что-то соорудили, какие-то задачи решили, какие-то комфорты кому-то обеспечили. Но все это оказалось несовместимым с витальным приоритетом. То есть нежизнеспособным.

Я еще раз подчеркну: это может быть очень удобным для тех, кто может пользоваться большими свободами (их, конечно, в целом больше, чем в СССР), иначе преуспевать, иначе строить какие-то жизненные эстафеты через институт собственности... Я даже перечислять не буду преимущества. Они есть – и не только для узкой группы олигархов. И от них очень трудно отказаться. Но если они есть, а страны нет, то так и надо говорить. А не камлать о «Великой России». В противном случае, надо искать решение. И сравнивать возможные сейчас решения с теми, которые уже были. А не рассуждать, как плохо было в СССР. Может быть, плохо было. Я вовсе не собираюсь утверждать, что это был рай на

земле. Но что толку топтать пресловутый «совок» (ненавижу это слово), если не можешь решить самые элементарные, самые базовые витальные теоремы.

Итак, молодая русская семья хочет начать это самое социальное воспроизводство. То есть заводить бэби. Она же его не может заводить на коврике под открытым небом, как молодая индийская семья. Холодно, непривычно. И в бараке она его заводить не будет. Потому что она уже вкусила от иных форм социального воспроизводства. Значит, она хочет того... крышу над головой... квартиру то бишь.

Сколько стоит квартира в Москве? Плохая двухкомнатная квартира, в которой можно разместиться, предполагая, что ребенок растет, а может, появится и второй (что составляет известный минимум социального воспроизводства: двое родителей заводят двух детей, родители умирают – на место двоих старших приходят двое младших, и так далее)? Так сколько стоит такая квартира в Москве? Сознательно не хочу задираТЬ цен. Скажу по минимуму: 115 тысяч долларов.

Способ обзаведения ею широко рекламируется. Так или иначе, в рекламе фигурирует и ребенок... По-разному фигурирует, в зависимости от типа рекламы. Но, в любом случае, речь идет о том, что надо взять ипотечный кредит под 10% годовых. Дадут тебе его или нет – это отдельный вопрос. Но, предположим, дадут. Уже в первый год ты должен выплатить по нему одних процентов 11,5 тысяч долларов. То есть для того, чтобы платить проценты (только проценты!) и у тебя не забирали квартиру (а не заплатишь – у тебя ее сразу заберут и весь твой выплаченный пай горит), ты должен брать из своей зарплаты (или зарплаты семейной пары) тысячу долларов в месяц. Но это означает, что ты должен зарабатывать больше тысячи долларов, хотя бы на двоих.

Но ты же не хочешь всю жизнь платить проценты, а потом отдавать квартиру? Ты ее хочешь выкупить. Передать в наследство детям. Значит, ты за сколько-то лет должен выкупить основное тело кредита. Предположим, за двадцать лет. Тогда ты должен платить еще примерно 6 тысяч в год. То есть изымать из семейного бюджета полторы тысячи в месяц только на это занятие. Предположим, что ты с женой получаешь 2 тысячи долларов. Ты можешь полторы вынуть из бюджета? Не можешь ты этого сделать! Потому что, чтобы получать такие деньги на двоих, нужно соответствовать. Как-то одеваться, ездить не только на троллейбусах и трамваях. Определенным образом проводить время. Ребенка, между прочим, тоже надо кормить, поить, одевать, учить, лечить. Значит, ты должен получать не 2 тысячи долларов на двоих, а 4. Есть в Москве семьи, которые получают 4 тысячи и больше? Есть. Можно их

назвать «макросоциальным явлением», «макросоциальным мейнстримом»? Нет, нельзя. Значит, первая теорема социального воспроизводства не решена.

А она была решена. В СССР она была решена грубо и не слишком убедительно. Но бесплатно. Молодая семья предъявляла справку о том, что имеется столько-то и столько-то квадратных метров на человека. И становилась в очередь на квартиру. И каждый знает, что эта очередь длилась не 20 лет. Квартира была плохая. Дуло из всех щелей. Молодая семья вооружалась инструментами и навыками. И как-то все приводила в минимально божеский вид. Кстати, квартиры хотя были и плохими, но сказать, что эти квартиры прямо так сразу сыпались, как всем известные новые шикарные строения «отдыхательного» профиля, – так нет. За такой фокус можно было очень круто схлопотать. Так что халтурили, воровали, но в рамках. Такой вот был способ воспроизводства. Плохой? Согласен!

Американская семья имела лучшие возможности для воспроизводства. Молодая семья со средним доходом 4–5 тысяч долларов в месяц брала кредит в 250 тысяч, покупала хороший дом. В доме ниоткуда не сифонило. В нем была не одна комната для малышей, а две, а то и три детские спальни, а также все остальное. Папаша с мамашей платили не 10% по ипотеке, а какие-нибудь доли процента. В итоге они за 20 лет, внося по 12–15 тысяч в год (меньше, чем треть зарплаты, что возможно, хотя и трудно) и дрожа как осиновые листья оттого, что могут потерять работу (то есть находясь в унижительной кабале лучшую часть жизни), получали дом. У этого способа решать социальную теорему воспроизводства есть минусы. Потому что эта кабала жутко сказывается на психике, качестве жизни. Но есть и плюсы.

Разные там сказки о том, что американцы имели жилье в собственности, а у нас собственности не было, я не хочу принимать во внимание. В СССР квартиру у семьи отобрать было невозможно, и это все знают. А сейчас это делается запросто. И на это есть сотни мошеннических способов. А, главное, собственность, не собственность... с точки зрения социального воспроизводства, это не основной вопрос.

Я не обсуждаю, хорошо ли так жить. Я говорю, что так жить можно. Хотя, наверное, и тягостно. А при зарплате полторы тысячи долларов на двоих и при необходимости указанным образом покупать квартиру, жить вообще нельзя. То есть нельзя заводить детей. То есть гарантированно (не хочу сводить демографию к социальному минимуму, но ведь и это важно) можно строить здесь только Пустырь, а вовсе не великую страну.

Мне скажут, что такие цены на квартиры существуют только в Москве. Но ведь и такие зарплаты существуют только в Москве. Молодой специалист, который приходит на элитный завод ВПК, расположенный где-нибудь в Самаре, получает 4500 рублей в месяц. То есть примерно 150 долларов. Сколько может стоить квартира в большом городе? Ну, 20 тысяч долларов, что маловероятно. 10% – это сколько? Это примерно 2 тысячи долларов в год на проценты с кредита. Или примерно 150 долларов в месяц. Чтобы за 20 лет выплатить тело кредита, нужно еще платить по тысяче в год. Или по 80 в месяц. Всего надо платить 250 долларов. А зарплата молодого специалиста, работающего в жизненно важном для страны ВПК, зарплата инженера, который должен делать ракеты, вдвое меньше. И даже если он с семьей все отдает на покупку квартиры (а он все отдать не может), то он ее не купит. В любом случае, он перегружен этой социальной проблемой. А значит, он под ее грузом с высокой степенью вероятности перестанет социально воспроизводиться.

Вот вам первая несоразмерность – бесплатный подарок №1 в СССР в виде плохой и труднополучаемой квартиры и фига вместо квартиры для нынешних среднестатистических жителей, вступающих в семейную жизнь.

Но, кроме бесплатного подарка №1, был бесплатный подарок №2. И назывался он здравоохранением. Что с этим сегодня? Мать одного моего знакомого сломала шейку бедра. Устройство, которое надо купить, чтобы сращивать кость, – 4 тысячи долларов. Операция – 6 тысяч долларов. Нет этих денег? Меланхолично наблюдайте за тем, как ваша мама умирает от отека легких или чего-то в этом роде.

У сестры другой моей знакомой (все конкретные случаи с конкретными, вполне уважаемыми людьми) тоже возникли медицинские сложности. Молодой врач говорит: «Цена решения проблемы – 30 тысяч долларов». Речь идет об операции, без которой маячит однозначный летальный исход. Сестра спрашивает: «Да откуда мне взять-то, как я могу?» Врач отвечает (уже новая генерация – жизнь-то идет, люди меняются): «У вас ведь есть квартира? Продайте!»

Бесплатный подарок №3 – образование. А также возможность пользоваться его плодами в виде минимально приоритетной социализации. Недаром матери так хотели, чтобы дети шли учиться. Они после учебы занимали приемлемое место на социальной лестнице. Теперь нет ни возможности получить образование, ни места на этой лестнице.

Подарок №4 – цены на продукты первой необходимости. К которым, между прочим, относились и хлеб, и мясо-молочные продукты, и сахар,

и мало ли еще что. Дефициты? Очереди? Я же не говорю, что теорема социального воспроизводства решалась хорошо. Я говорю, что она решалась. А главное – был создан мир, в котором (сам знаю, в нем жил) не надо было комплексовать по поводу того, что костюм не той марки, а на кухне не западный блестящий мебельно-индустриальный комплекс, а какая-нибудь отечественная «развалюха». Тогда никто этим унижен не был. Потому что мир был иначе устроен. И кто бы что ни говорил, но школьник, приходящий в нормальную школу, не испытывал с порога всего набора социальных унижений, которые ему сейчас обеспечены. И которые он будет сейчас остро воспринимать, ибо мир устроен иначе. («А, мальчик, у тебя нет компьютера?!»)

Подарок №5 – профиль жизни, профиль социального изоморфизма. Вот так живет военный (офицер, генерал). Вот так живет профессор. А так – какой-нибудь номенклатурщик. Была, была разница! И не всегда социально приемлемая. Но какая-то логика присутствовала. А когда парень, ставший инженером на самарском ВПК, должен знать, что нищета унижительна, а уровень его жизни – это нищета (в СССР не было ни нищеты, ни унижения от нищеты), он должен еще лицезреть эталон в виде какого-нибудь молодого миллиардера. И читать в газетах, слушать по телевидению, как именно этот миллиардер добился успеха.

Подарок №6 – защищенность жизни. Опять же, не говорю, что она была идеальной. Но по отношению к ней сегодняшняя – это нечто. Как отбирают квартиры, как подставляют, как сила торжествует над правом – об этом кричат по всем программам телевидения, во всех газетах.

Подарок №7 – человеческое качество. Недавно на нашем киноклубе показывали фильм «Мне двадцать лет». Есть много вопросов к фильму, а у меня – так, может быть, больше, чем у многих других. Но то, что тогдашняя молодежь имела другой совокупный потенциал, нежели та, которая сегодня стоит у игровых автоматов, – факт, который, видимо, тоже не требует доказательств. Тип сознания, уровень культуры... Читающая публика, не читающая... С ценностями, без них... Мобилизуемая на что-то или не мобилизуемая... Солидарная, диффузная... Способная или не способная к состраданию... Мы же все видим, что та советская общность распалась. А нация не выстраивается. Нет ничего, что могло бы ее сцементировать. А если ее нет – что есть? Стаи на Пустыре? О каком социальном воспроизводстве можно тогда говорить? О какой стране, тем более великой?

Подарок (он же обязательство) №8 – техническое воспроизводство. Ладно, оставим в стороне необходимость амортизационных отчислений. Хотя в США структура этих отчислений планируется и контролируется

для каждого частного предприятия. И это аксиома технического прогресса (как минимум, воспроизводства техносреды).

Но ведь к этому все не сводится. У нас амортизационные отчисления не планируются не только для частных предприятий, но и для государственных тоже. Но зато для частных предприятий планируется список расходов, которые признают расходами, – то есть тем, что может быть вычтено из доходов при вычислении прибыли. Так вот, в это, по сути, не входит покупка новой техники. По крайней мере, она так затруднена, что дальше некуда. В Америке руководитель «Рэнд Корпорейшн» будет наказан, если не купит новых компьютеров вовремя. А если купит раньше времени – будет поощрен. А я, как руководитель организации, могу честным образом покупать компьютеры из чистой прибыли только после уплаты всех налогов, включая налог на прибыль. При том, что американский коллега будет показывать чистую прибыль только в одном случае – если он хочет распределить дивиденды. Понятна разница? У нас программируется техническое недопроизводство!

По телевидению показывают, что на московских шлюзах управляющие колеса чуть ли не дореволюционные. Что их взрывали в войну, потом сваривали и они все еще работают. Если на этих шлюзах, упаси бог, что-нибудь случится – Москву затопит. Население слушает... Начальство слушает... ФСБ слушает... Хоть бы хны!

Проблема технического недопроизводства уже тянет на сотни миллиардов, если не на триллионы, долларов. То есть бюрократически программируется экономика деградации. И это – при высоких ценах на нефть. А все рассуждают о программах развития.

Словом, во всем – от семьи до страны (прямо по Энгельсу) – тактические проекты комфортно решаются. А стратегические не решаются вообще. Купить шубу, платье, косметику... поехать в Турцию купаться – это пожалуйста. Квартиру себе или детям – фиг! И так во всем. Стратегия на нуле. Причем стратегия – не как особо вкусное пирожное, а как хлеб насущный. Стратегия как набор условий, минимально необходимых для того, чтобы была страна.

При этом политики рассуждают весьма специфически. Они дают оценку, исходя из социальной температуры. А не из характера заболевания. Население терпит, социальная температура низкая. Значит, все хорошо. Население перестает терпеть, социальная температура высокая. Значит, все плохо. Но, как известно, не каждая смертельная болезнь сопровождается высокой температурой.

Что представляет собой формат организуемой жизни?

Если этот формат действительно является форматом ликвидации, форматом организации стай и Пустыря, то его надо менять.

Если население его терпит, то это еще ужаснее, чем если бы оно его не терпело. Потому что оно терпит деградацию и смерть. Может, даже кайфует от деградации и смерти. Ну и что? Тем сложнее вести его, это население, дорогой жизни. А если этой дорогой его не вести, то не надо говорить о великой стране, о стране вообще... Нельзя, в конце концов, бесконечно лгать по столь болезненным и очевидным вопросам.

Я вовсе не призываю вернуться к советским решениям. Тем более, что это крайне проблематично, а сами решения имели серьезные изъяны. Я только знаю, что если других решений нет, а эти решения как-то что-то решают, то лучше эти, чем никакие. И, в любом случае, я знаю, что при отсутствии решений наступит смерть.

Идут процессы – демографические, социальные, культурные, духовные... Боюсь этого слова, но буквально антропологические. Они все нисходящие. Они все несовместимы с наличием страны, с продолжением российской истории. Хотим страну, хотим историю – надо эти процессы остановить. Что? Они зашли слишком далеко и эта остановка несовместима с демократией? Тогда придется решать проблемы грубым мобилизационным способом. Желательно самым эффективным, самым гибким, самым мягким из приводящих к решению. Но, если так далеко залетели, что только жесткие способы приводят к решению, значит, нужны жесткие.

Только я прошу не путать нынешний мягкий управленческий кайф, содержащий элементы специфических полицейских технологий, и грубую мобилизационную схему, о которой я говорю. Потому что этот кайф (уже осуждаемый всем миром, как диктатура) ничего не решает по существу. Он создает видимость. А также способствует тактическим успехам самого разного рода. Материально-личным в том числе. Но он уводит от реальности. Он размещает всю политику вне нее. И это главный промежуточный вывод (рис.4).

Обсуждается проблема миграции. Гайдар что-то лепечет: «Пусть негры въезжают, китайцы, ислам – неважно, нужна рабочая сила. В США тоже въезжали». Но в США работал «котел». Он переплавлял негра, славянина, англичанина, немца, итальянца, француза в американца. Это и есть Проект Модерн. По сути, это значит, что новый образ жизни, полученный в США, стирал этнический опыт хоть негра, хоть немца и создавал новую программу иного, более высокого качества. Программу американскую. Для того, чтобы такую программу создавать, надо иметь высочайший приоритет автохтонного над въезжающим.

Рис.4

А если лидер национал-большевиков Лимонов растаптывает всю русскую литературу, и говорит о Пушкине «шоколадный карлик Пушкин», и при этом призывает бороться за Касьянова, то, простите, какая НАЦИЯ? Какой НАЦИОНАЛ-большевизм? Национал-большевизм – вообще дело сомнительное. А если разбирать по существу – что это все такое?

Скажут: «На Западе тоже есть проблемы». Конечно, есть. Но там продолжается воспроизводство со сбоями. Здесь же воспроизводятся только сбои. Воспроизводятся дисфункции! Они воспроизводятся, а не наличествуют параллельно с воспроизводством. Какой-то очень странный молодой генерал на высоколобом и весьма престижном клубе долго рассуждал, что русским вообще ничего не нужно: ни армии, ни технологий. Потому что у них в Байкале очень много пресной воды. А вода станет главным ресурсом XXI века.

Все время хотелось спросить генерала: «Почему ты считаешь, что это твой ресурс? Вот уже Олбрайт говорит, что русские слишком большой кусок заглотнули – и ресурсов, и территории. Хорошо, понадобится завтра вода. За ней придут другие – соседи или еще кто-то из "сильных мира сего". И они скажут, что это их, а не твое. Ты что сделаешь? Либо утрешься, либо предъявишь адекватные силовые аргументы. Но, чтобы их предъявить, нужна армия. А значит, ВПК, наука, население, причем грамотное и хоть относительно здоровое, консолидирующие ценности и мало ли еще что...».

Глядя на генерала, я понял, что спрашивать не нужно. Что его речь – это какая-то странная комбинация фанатизма и глубокой самоиздевки. И мне начинает порой казаться, что не только его речь так построена. А и речь большинства наших современных политиков. Но такое построенные речи не может не свидетельствовать об определенном построении сознания, мышления, психики.

И тогда, конечно, возникает вопрос: кто на кого давит? Что такое этот прессинг? Это усилие, направленное на сдвиг? Или фиксация наличествующего? Если наша политика приведет к тому, что Сибирь, например, обезлюдеет полностью, то китайское вторжение или американское предложение продать Сибирь за триллион долларов – все это чем будет? Фиксацией нашего результата или отдавливанием нас с территории жизни на территорию смерти? Нас отдавливают или мы отступаем? Может, нам помогают отступать – это отдельный вопрос. Но, пока мы не признаем, что речь идет не о прессинге вообще, а в каком-то смысле о фиксирующем прессинге, ничего не изменится.

Между тем официоз говорит прямо обратное: «Россия стала восходить, процветать, это не устраивает недругов, и они наезжают». Почему она стала восходить? В чем она стала процветать? Где тут кончается самообман и начинается пиар? Пока что ограничусь вопросами. И продолжу рассмотрение основной темы.

Часть III.

Реальность и ее воздействие на пиар (он же – идеология)

Возникает некая идеологическая (шире – пропагандистская, культурно-лингвистическая) Система. Если она сама по себе, а реальная витальная проблематика сама по себе, то что происходит? Как одно с другим сочетается (рис.5)?

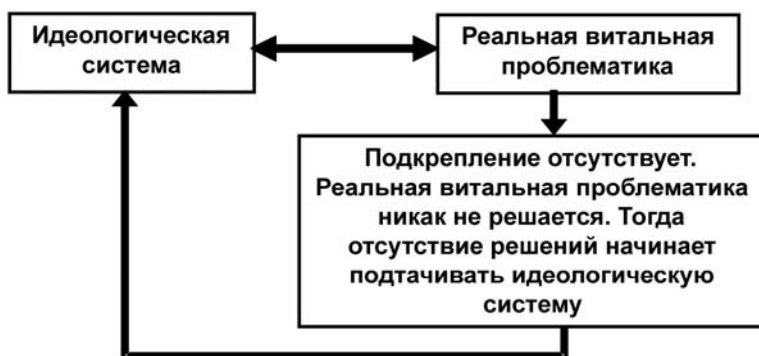

Рис.5

Острота нерешения стратегических витальных проблем – это один параметр уравнения. Назовем его – О.

Другой параметр – время нерешения. Назовет этот параметр – Т. Само же уравнение таково (рис.6).

$$O \times T = h$$

Рис.6

Здесь h – это константа износа самоизолировавшихся идеологических систем.

Первая из таких систем, взятых на вооружение в постсоветской России, была системой демократической или либеральной, как хотите. Можно еще назвать ее «системой Гайдара». Она подняла все возможные O в уравнениях жизни на недостижимую высоту. И тем не менее она держалась на протяжении почти восьми лет. И окончательно «износилась» только к концу 90-х годов, чему в немалой степени помог кризис 1998 года.

Окончательный износ системы определяется по моменту, когда население начинает концентрированно издеваться (смеяться или, как сейчас говорят, «стебаться») над системообразующими конструкциями. В этом, кстати, разрушительная роль анекдотов. Помешать населению стебаться не может никакой страх. Единственное, что может продлить жизнь идеологической системы, – это подкрепления. У советской системы их было сколько угодно: реальные успехи индустриализаций, определенный рост уровня жизни, победа в войне и многое другое. Подкрепления продлевали жизнь системы. Но этих подкреплений было недостаточно. Нужно было модернизировать саму систему. И не обязательно смягчать. Ее можно было развивать. Но это входило в противоречие с интересами правящих групп. И... однако не это составляет тему нашего сегодняшнего анализа.

Идеологическая система русского потребительского либерализма «а ля Гайдар» в чистом виде продержалась очень недолго. Призраки Скокова, Сосковца, Лебеда бродили на ее полутрупе задолго до ее кончины. Высказывание Чубайса по поводу «последнего гвоздя в гроб коммунизма» было сугубо психоаналитическим. Подсознание Чубайса уже чувствовало, что есть гроб и есть последний гвоздь. Вопрос был в том, чей гроб и чей гвоздь. Начать свой пиар в как бы коммунистической газете «Завтра» через десять лет после фразы про «последний гвоздь» – что может быть показательнее?

Короче, гайдаровская система не выдержала бы и двух лет без условно «патриотического» властного дополнительного слагаемого. Но

НАРАСТАЕТ ЛИ ДАВЛЕНИЕ НА РОССИЮ?

оно тогда не имело самостоятельного значения. Понадобилась соответствующая экспозиция, помноженная на остроту нерешения... Плюс работа оппозиции, построившей тот условный суррогатный капитал патриотизма, который можно было позаимствовать, чтобы власть решилась пересесть на нового коня (рис.7).

Рис.7

Какая следующая система может развиваться следом за системой №2? Для того, чтобы начать решать такую сложную теорему, нужно определить фундаментальное краевое условие. Только разместив системы в некую метасистемную рамку, можно получить данные по допустимым фазовым переходам, определяющим характер «системогенезов» (рис.8).

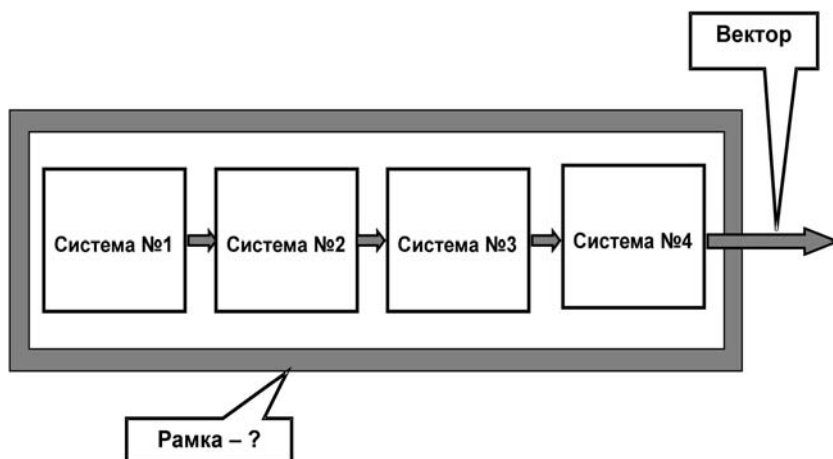

Рис.8

Как ни странно, рамку определить достаточно просто. А раз так, то и вектор, и все остальное тоже вычислить не так уж и трудно.

Рамка – это антикоммунизм. Почему это так? Потому что все правила «системогенеза» сложились в результате борьбы с коммунистами в эпоху развала СССР. Государственные системы (неосоветская «а ля Хасбулатов», ельцинская, путинская) сложились на обломках СССР. Социальные суррогатные системы складываются в контексте советской (то есть от противоположного). Любые уступки советскому носят двусмысленный характер. От того, что Слиска берет с суррогатной советской «свалки» то народные дружины, то товарищеские суды, а ее коллеги додумываются аж до восхваления брежневской системы, ничего не меняется. В решающий момент оттуда все равно звучит звериный рев: «Почему мы должны принимать закон о знамени вашей партии?» (Имеется в виду Знамя Победы в Великой Отечественной войне.)

Смягчается антисоветизм или ожесточается – тоже не имеет значения. При Брежневе многие высокопоставленные номенклатурщики, находясь не на людях, произносили тосты за русскую империю, за православное царство. Но на партактиве они все равно должны были осудить то царство, а ту империю назвать «тюрьмой народов». Таково краевое системное правило. Когда и оно разваливается – начинается совсем иной метацикл.

Краевое правило, о котором я говорю, пока не разваливается. Оно и управляет «системогенезом». Поскольку витальные условия не обеспечиваются и не могут быть обеспечены (антикоммунизм в условиях советской традиции бесперспективен, СССР остается для державников неоспоримым идеалом, идеалом мощи и так далее, класс воров не может управлять, дерегуляция уже требует мобилизационной системы, невозможной вне советского опыта, а он неприменим), то остается менять системы и наблюдать за их износом. Соответственно, антикоммунизм должен меняться.

Вначале он носил «демократоидный» характер.

Потом – «патриотический» характер («мы рыночно-державные прагматики, а не рассказчики бесполезных и вредных сказок»).

Далее, на повестке дня – характер «бело-националистический».

Где-то рядом с ним будет находиться «бело-фундаменталистский».

А затем наступит место фашистского.

Нетрудно видеть и представителей каждого очередного идеосхематизма. По срокам сейчас наступает время идеологической системы №3 (рис.9).

НАРАСТАЕТ ЛИ ДАВЛЕНИЕ НА РОССИЮ?

Рис.9

Параметры Системы №3 были полностью смоделированы. Были уже заданы имена, и они общеизвестны. Главное из них – Дмитрий Rogozin. Само фирменное блюдо, то бишь новая идеологическая система, изготавливалось в околосолженицынских кругах. Ведущим интеллектуальным пропагандистом этой системы являлась Наталья Нарочницкая.

Были и другие претенденты. Например, тот же Егор Холмогоров. И не только он. Консервативная ниша стала заполняться всеми, кто хотел вкусить от следующей эстафетно-парадигмальной победы. То есть всеми, кто становился в некую очередь.

Вопрос состоял в другом: будет ли эта система, система №3, чисто модернизационной, окажется ли она сдвинута в этнонационализм или она будет быстро состыкована с системой №4, предполагающей опору на мейнстримный фундаментализм, который в России может быть только православному? Некие попытки эксплицировать данную разновидность антикоммунизма и придать этому всему основательно политический характер тоже делались. Как тут не вспомнить слова господина Полтавченко о «смутьянах», чьи останки «не совсем справедливо находятся возле Кремля».

В этом смысле был возможен и достаточно стремительный перескок и создание «двугорбых» гибридов (рис.10).

И тут мы возвращаемся к непростым вопросам, которые все-таки приходится обсуждать.

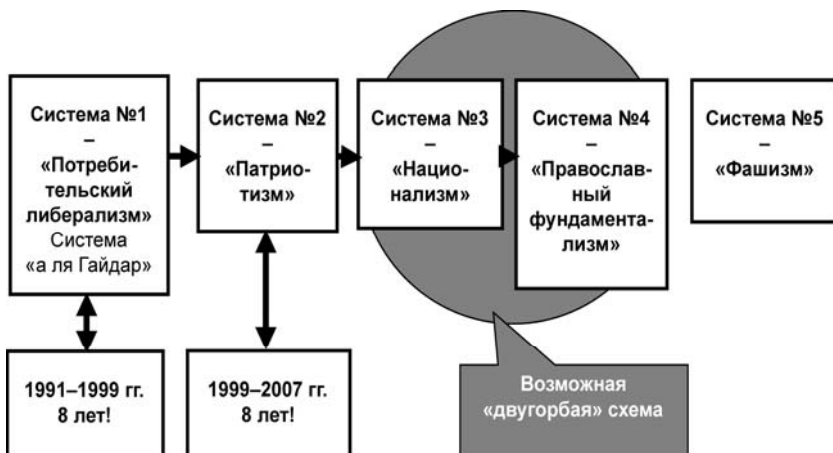

Рис.10

Часть IV. Органика или рукотворность?

Я не хочу ссылаться на конспирологическую литературу, пусть и очень известную, в которой обсуждается (тупо, избирательно, извращенно, но обсуждается) именно этот ряд последовательно сменяемых идеологических систем. Назову его «системогенетическим рядом». Но я рассчитываю на то, что эту литературу читали и что термин «Гарвардский проект» известен. И не вызывает в сознании ложных параллелей... Гарвардский проект... Гарвардские советники Гайдара... Либерализм, неоновые реформы. Я рассчитываю на то, что для читающих понятно: это – Гарвардский проект и гарвардские советники Гайдара – вещи разные.

Если точнее охарактеризовать обсуждение некоего фантомного Большого Гарвардского проекта, то это не обсуждение, а выкрикивание. Мол, «есть какой-то Гарвардский проект... Но на проект этих гадов наша Лубянка ответила контрпроектом!»

Я обращаю внимание на эти выкрики только потому, что вокруг них кипели немалые элитные страсти. Кричали маргиналы, а слушали (организовывали выкрики) фигуры иного масштаба.

Но тогда это и надо обсуждать.

Однако это обсуждение по определению выводит нас за рамки верифицируемого. А значит, и за рамки нормального открытого интеллектуального обсуждения. Вопрос тут не в рисках, а во вкусе и чувстве меры. Говорите, что это так, – приведите доказательства. Привели доказательства – назовите источники. Ах, не можете? Зачем затрагиваете тему? Я много раз, обсуждая вкус и меру в этом вопросе, цитировал Галича: «А мне говорят: "Ты что, – говорят, – орешь, как пастух на выпасе?"».

Значит, дискуссия о причинах актуальности обсуждения выкриков вненормативна и неэффективна.

А дальше-то начинается другое. Действительно, определенные безусловные, но далеко не глупые фигуры, связанные с американским истеблишментом (вопрос о типе связи оставляю за скобками), пытались что-то обсудить с российским правительством относительно того, что я назвал «системогенетическим рядом». И действительно называли этот «ряд» «Гарвардским проектом». Опять же, совершенно невозможно обсуждать, кто и как это делал.

Придется принять в качестве аксиомы, что я вас не дурачу и знаю, зачем обсуждаю эту тему. А что поделать? Тем, кто не хочет верить в аксиомы, предлагаю следующую игру. Во-первых, мог же термин «Гарвардский проект» просто присниться мне в моих художественных снах. Если надо, могу назвать его не «Гарвардским», а «Рарвардским» проектом. Так это будет корректнее. И сразу исчезнет необходимость в каких-либо ссылках. Имею же я право увидеть сон.

Во-вторых, западная элита (да и наша тоже) не состоит из мудрецов-заговорщиков, но она не сводится и к чавкающим кретинам. Если я понимаю закон ротации так называемых неподпитываемых идеологических (смысловых, социокультурных) систем, то и другие его понимают. И эти другие знают также классическую теорию циклов, революционных в том числе (а не только циклов Кондратьева). То есть они понимают, что есть Жиронда, якобинцы, Термидор, Директория, Консульство, диктатура, империя, реставрация, новая Жиронда и так далее. И что эти классические идеальные типы, взятые напрокат из истории Французской революции, имеют универсальный характер.

Значит, любой, кто запускает длинный процесс (а наша Перестройка и все, что за ней последовало, – это, безусловно, длинный процесс), будет опираться и на эти циклы, и на закон ротации неподпитываемых социокультурных систем.

В-третьих, возможны и корректные, не конспирологические, отсылки. Например, отошлю интересующихся к блестящему фрагменту из

интервью Б.Н.Ельцина «Московским новостям» от 21 октября 2003 года, в котором он говорит, что «гайдаровцы», конечно же, были камикадзе, но им нельзя было об этом говорить, потому что они должны были работать.

Приведу цитату из этого интервью:

– Какой смысл был в том, что в 91-м вы сделали рискованный выбор в пользу малоизвестных, но очень амбициозных политиков?

– Мне была абсолютно ясна задача, которую надо решить. Политический строй предстояло не просто изменить, а перевернуть. Вместо советской политической системы должна была появиться демократическая. Вместо административно-командной экономики – рыночная. Вместо цензуры – свобода слова. Я понимал, что безболезненным переход от одного к другому не может быть. Значит, неизбежны непопулярные меры. Нужна была команда матросовых, которые бы приняли огонь на себя и продвигались бы вперед, каким бы сильным ни было общее недовольство.

– Вы понимали, что эта работа может лишить их политического будущего?

– Конечно. Они должны были сделать свое дело и потом уйти...

– Они были готовы сгореть?

– Мы не обсуждали с ними этот вопрос.

– Вообще не говорили о том, что скоро им, возможно, придется уйти?

– Нет, этого нельзя было делать. Им предстояло работать с полной отдачей. Они и работали. Как, впрочем, и я, по двадцать часов в сутки, на сон – четыре часа...

Припоминается и давнее наблюдение моих знакомых: «Сергей Ервандович, обратили внимание, как Лебедь рычит, словно дегенерат? А он ведь не дегенерат! Так почему рычит? Знаем достоверно, что американцы заранее предсказали: после либералов и центристов будут русские националисты. Русских националистов показывает Голливуд. В Гарварде уверены, что к власти должны прийти русские националисты. Лебедь подстраивает себя под голливудский штамп русского националиста и потому так рычит и делает такую тупую рожу. Так в Голливуде понимают русского националиста».

Я мог бы также обратить внимание собравшихся на целый ряд фильмов, вышедших в нашем и не только нашем кино, но, по-моему, уже достаточно. Тем, кто понимает, о чем идет речь, и так все ясно. А кто не понимает – никогда не поймет.

Короче, данная смена систем в пределах единой рамочной парадигмы принималась многими и была допущена как нашей элитой, так и ее зарубежными партнерами. То есть она считалась единственно respectable.

Те, кто был правильно вписан в международный элитный контекст (прошу не путать с разными там «агентурами влияния» и агентствами вообще), тот правильно становился в очередь. Дмитрий Rogozin как раз и встал правильным образом в правильную очередь. И когда его начали долбить по полной программе – он очень изумился.

Можно все свести к частным причинам. Например, сказать, что Rogozin неправильно повел себя с Кремлем, начал дружить чуть ли не с Березовским и Прохановым одновременно, оперся не на тех политтехнологов, неправильно менял политтехнологов, нарушил политкорректность в ключевых вопросах. Все это так. И можно было бы свести все к этому в одном случае. Если бы вместо Rogozina появился какой-нибудь «Магозин». Или – если бы на поправленную rogozinскую «лошадь» села «партия власти», она же «Единая Россия». Или – если бы в целом оказалось задействовано некое консервативное начинание, чем-то напоминающее систему №3.

Но, как говорится, «уж выборы близятся, а консерваторов все нет». Все остановилось, сжались. Все оказалось подвешено.

И тут мы должны внимательнее всматриваться в реальные сюжеты с тем, чтобы обнаружить (раскрыть и описать) не очень очевидную, но достаточно острую и глубокую противоречивость происходящего. И начну я с одной очень развернутой цитаты, посвятив ей прямо-таки одну из частей своего доклада.

Часть V.

Мессидж С.Караганова

Я вообще чем дальше, тем реже вступаю в острую полемику с интеллектуалами-аналитиками.

Во-первых, интеллектуалов становится все меньше. И это оскудение требует коррекции тональности. Таких людей пора вписывать в «Красную книгу» (прошу не рассматривать это как какую-то отсылку к коммунистическому генезису).

Во-вторых, сами интеллектуалы этого типа очень изменились. И не конъюнктурным, а экзистенциальным образом. Геополитический крах –

штука страшная. Он может радовать только совсем оголтелых циников. А аналитик-интеллектуал очень редко принадлежит к такому разряду. Такой интеллектуал, конечно, и патетикой не грешит. Но, чтобы ему совсем был безразличен вполне реальный (а не пиаровский, не пропагандистский) абсолютный крах его страны, которая, по совпадению, является страной, буквально начиненной ядерным оружием, так ведь нет.

В-третьих, очередной крах уже не будет «элитно-политически вегетарианским», как в эпоху распада СССР. Крах страны станет еще и бойней. И на этот раз бойня не минует элиту. Тут трудно угадать, кого она минует, а кого нет. А пахнет – этим. Кого обрадует такой запах?

По всем вышеуказанным причинам я склонен к самым комплиментарным прочтениям чужих интеллектуально-аналитических мессиджей, тем более если они исходят от людей осведомленных и умных, к каковым я Сергея Караганова, безусловно, отношу. Осведомленных, умных и – сдержанных, добавлю я. Причем именно внутренне сдержанных. Что я очень ценю в людях.

Так вот, с поправкой на эту сдержанность, во многом природную и отшлифованную десятилетиями вращения в реальной элите, текст Караганова надо считать предельно алармистским. И именно с этой позиции я предлагаю его рассмотреть.

Речь идет о статье «Россия – США: Обратно к мирному сосуществованию?», опубликованной в «Российской газете» от 24 марта 2006 года.

Сергей Караганов обращает внимание на то, что в марте в США вышло сразу два интересных доклада, посвященных внешней политике.

Первый – официальный доклад президента о национальной безопасности (обнародован 16 марта 2006 года). Последний аналогичный текст был выпущен в 2003 году.

Второй доклад под звучным названием «Неверный путь России» был подготовлен под эгидой Совета по международным отношениям (СМО) (обнародован 6 марта 2006 года).

Караганов, конечно, обеспокоен именно вторым докладом. Он настоящий эксперт по элите, а не истеричный конспиролог. Поэтому он не будет взвинчивать, преувеличивать значение американского Совета по международным отношениям. И называть его главным органом некоего «мирового правительства». Но он не может не понимать при этом, что дело-то, на самом деле, серьезное. Что Совет по международным отношениям, конечно, не та всесильная инстанция, которой его делают безграмотные психопаты от конспирологии, но и не фитюлька. Караганов

не может этого не знать хотя бы потому, что, создавая свой весьма солидный Совет по внешней и оборонной политике, он пытался выстроить симметричный интерфейс Совету по международным отношениям. Ну, и вообще – что есть, то есть.

Поэтому Караганов прямо говорит, что *«Совет по международным отношениям – наиболее влиятельная организация американской элиты, занимающаяся вопросами внешней и оборонной политики»*. Что доклад выпущен *«группой известных американских экспертов и политиков из обеих партий»*. Он не говорит большего, понимая, что те, кто и так знает весомость двухпартийного консенсуса в США, поймут. А остальным хоть кол на голове теши.

Дальше Караганов обсуждает документ. И полемизирует с основными его положениями, исходя из собственного понимания интересов России.

Я считаю полемику грамотной и острой. Совершенно правильной в своих основных положениях. А аналитику документа – абсолютно профессиональной. И все же цитировать я буду не это, поскольку мое уважение к позиции С.Караганова никоим образом не означает полного совпадения моей позиции с его позицией, моего прочтения с его прочтением и так далее.

Прочитывать я хочу другое. А именно – некий алармизм, который в устах Караганова, профессионала, в принципе ничем подобным не грешащего, особенно весом. Этот алармизм (вновь подчеркну – абсолютно сдержанный и респектабельный, что и придает ему весомость) разбросан по всей статье. Я приведу только самые яркие фрагменты.

«В тексте послания (имеется в виду послание президента США, а не доклад СМО; Караганов их интерпретирует и анализирует во взаимосвязи. – С.К.) содержится и скрытая угроза ухудшения отношений в случае, если Москва будет препятствовать демократическому развитию не только у себя дома, но и в близлежащих странах. Поворот в российско-американских отношениях не провозглашается, но на его возможность указывается».

Несколько ниже, полемизируя с американцами, Караганов говорит: *«Авторы (на этот раз имеются в виду авторы доклада СМО. – С.К.) не хотят видеть, что Россия, которой никогда никто всерьез не помогал в ее трансформации, переживает (внимание! – С.К.) естественный период контрреволюции, консервативной консолидации после хаоса 90-х годов»*.

И сделав эту свою концептуальную заявку о путинском периоде как *«естественном периоде контрреволюции, консервативной консолидации после хаоса 90-х годов»*, Караганов переходит (разумеется, не сразу) к наиболее существенным выводам, которые я и хочу развернуто процитировать.

«Так какие же выводы мы должны сделать из анализа этих двух докладов, дискуссии в США в целом?»

Первое. Мы дошли до предела внутривнутриполитической консервативной эволюции. Перейдя этот предел, мы дадим "рыцарям и пажам" "холодной войны" на Западе предлог для ухудшения отношений с Россией. Эти люди потеряны, не могут жить без врага, признать прошлые ошибки. Они будут играть на руку нашим собственным "рыцарям и пажам", которые из-за провинциальности мышления или повинуясь старым стереотипам хотят побороться с Америкой, а не за Россию и вогнать нас в губительную изоляцию.

Нельзя допустить создания "несвященного союза" наиболее отсталых элементов в наших политикообразующих классах. Они или их предшественники уже нанесли нам огромный ущерб, играя друг другу на руку в годы настоящей "холодной войны".

Второе. Не стоит излишне цинично относиться к демократической риторике Америки или Европы, как мы относимся порой к ней в нашей собственной стране. Многие люди, в том числе лидеры, верят в то, что они говорят.

И третье. Не надо слишком пугаться критики. Не стоит зазнаваться. Но мы обретаем чувство родины и государства. К критике стоит прислушиваться, взгляды "рыцарей и пажей" надо учитывать, но идти стоит своим курсом, модернизируя, усиливая и демократизируя страну во имя нас самих, а значит, и на пользу цивилизованному миру.

Наконец последнее. Нас извне и изнутри призывают к возвращению в доисторическую эпоху "холодной войны" или "мирного сосуществования". Ни политически, ни интеллектуально мы не должны поддаваться. Мы прошли через трагедию противостояния. Незачем участвовать в постановке фарса, к которому нас подталкивают».

Не хочу ничего навязывать Сергею Караганову, но мне кажется, что вся статья нацелена на этот финал. А весь финал нацелен на то, чтобы донести до нашей элиты: «Ни шагу дальше!»

«Мы дошли до предела внутривнутриполитической консервативной эволюции» – можно ли сказать резче? Что это значит по существу? Что вся эта респектабельная схема, предполагающая смену идейных систем в рамках одного проекта, остановлена? Так мы и по другим признакам видим, что она остановлена. Не одному Ельцину позволено цитировать Стру-

НАРАСТАЕТ ЛИ ДАВЛЕНИЕ НА РОССИЮ?

гацких – мол, «золотой шар» и всякое там разное. Я тоже могу процитировать, но другое: «Стояли звери около двери. В них стреляли, они умирали».

Тенденция разогнана, и вдруг теперь говорится: «Стоп! Ни шагу дальше! Здесь – блок!» (рис.11).

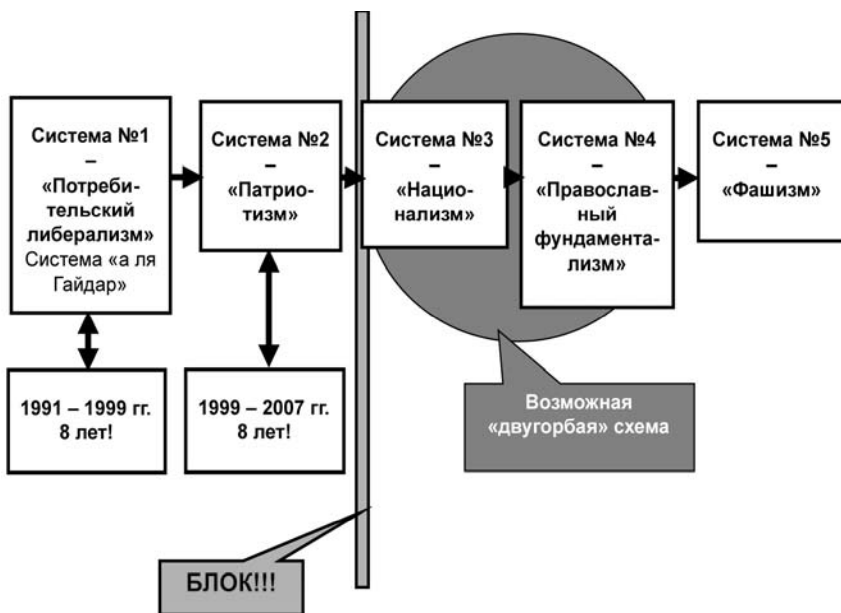

Рис.11

Ну, хорошо, блок-то блок. А дальше что? Политикам-то что делать? Возвращаться к обсуждению гениальной роли Ельцина? А кто это будет слушать? Начинать реанимировать измочаленные идеологические системы? А как их реанимировать? Тем более, что от них уже ушли. Топтаться на месте, заменяя грядущий «вкусный» консервативный «антрекот» совершенно неаппетитной, вареной либерально-консервативной «морковкой»? Но каждый, кто топчется у барьера, накапливает энтропию. Докуда ее накапливать? До очередных анекдотов? А потом – по Стругацким? Стоял, стоял, топтался около двери... Дотоптался до того, что тебя «пу-пу»? А кому охота и зачем?

Начать прорыв? Для этого нужны исторически новые группы с другой мотивацией, другие большие социальные системы, другие управленческие модели. Это все откуда взять? Кто начнет новую страну делать, а не «домашние кинотеатры» покупать? Квалифицированная рабочая сила перетерта в прах прошедшим периодом. Ее почти нет. Кадровый голод безумный. Моральной мотивации нет. Материальной для прорыва недостаточно. И пошло, и поехало. Смотри вышеназванный мною список витальных проблем. Между прочим, список неполный. Например, в нем нет большой стратегической модернизации. Не проведешь – канты. Проводить, опираясь на существующие силы, – невозможно.

А главное – почему барьер? Почему политических «зверей» заставляют стоять «около двери»? Чтобы ответить на этот вопрос, мне нужен мой собственный анализ американских и прочих высказываний. Караганову я это передоверить не могу, при всем к нему уважении. Тем более, что абсолютно ясно: мои оценки, мои приоритеты никак не могут совпадать с приоритетами цитируемого интеллектуала, которому я искренне благодарен за высказанное им беспокойство.

А потому займемся тем самым содержанием, которое и является для меня наполнителем лингвистических оболочек, введенных в название доклада, – «прессинг», «давление». О чем это?

Часть VI.

Кто и как прессингует?

6 марта 2006 года опубликован тот самый доклад Совета по международным отношениям США, который так беспокоит Караганова.

7 марта 2006 года глава МИД России Сергей Лавров начал свой первый официальный полноформатный визит в США. В какой-то степени парадоксально то, что это первый визит такого типа за время, пока Лавров работает в должности. А работает он с 2004 года. Вроде срок немалый. Но за весь этот срок Лавров посещал США только в рамках международных встреч. Прежде всего, по линии ООН. Теперь же состоялся первый полноценный и полноформатный визит.

Никакой прямой дискриминации по отношению к этому визиту в США не было и в помине. Сергей Лавров дважды встретился со своим коллегой, госсекретарем США Кондолизой Райс. Сначала в рамках рабочего ужина, а на следующий день в рамках совместного обеда.

Мало того, Сергея Лаврова принимает лично президент Джордж Буш. Чего, в принципе, могло бы и не быть. Еще Лавров встречается с американскими сенаторами и политологами, а также с Кофи Аннаном. Последнее для нашей темы не столь существенно. Что сразу следует зафиксировать?

1. Что Лавров ранее так в США не ездил.

2. Что теперь он так приезжает.

3. Что, таким образом, имеет место (по крайней мере – на первый взгляд, для меня как для постороннего наблюдателя) определенный (большой или меньший – утверждать не берусь) возврат к классическому дипломатическому формату международных отношений. Назову этот формат «форматом №2» (Ф-2).

4. Утверждая это, я косвенно предполагаю, что существовал другой формат. Менее классический. И не столь формализованно дипломатический (в смысле МИДовский). Этот формат я условно предлагаю назвать «формат №1» (Ф-1). Но был ли такой формат? То, что он был, представляется мне достаточно очевидным. При этом, говоря, что он был, я вовсе не хочу сказать, что его нет или не будет. Возможно, он сохранился. Возможно, даже укрепитя. Не знаю. Я вижу только, что по каким-то причинам Ф-1 дополняется Ф-2. Вряд ли эти причины исчерпываются необходимостью готовить «восьмерку» под председательством России.

5. Формат Ф-1, о котором я говорю, – это не что-то непрозрачное и загадочное. Нет, это та дружба (политическая, разумеется, какая же еще) между Путиным и Бушем, о которой невероятно много говорилось и продолжает говорить.

6. Формат Ф-1 – это формат, в котором ставка делается на личное отношение между главами государств, а также на специальную инфраструктуру, выстраиваемую вокруг этих отношений. Прямым свидетельством наличия такой инфраструктуры в случае отношений России и Германии было интегрирование Шредера в дела «Газпрома» после его ухода с поста главы государства. Я не хочу сказать, что Буш после ухода с поста главы США станет, например, председателем совета директоров ЛУКОЙЛа, но что-то в этом роде просматривается. Конечно, в виде очень отдаленной поясняющей метафоры.

7. Лично я не вижу в этом ничего плохого. Формат №1 во многом эффективнее формата №2. Если его удастся применить и с его помощью решить проблемы – честь и слава тем, кто применяет. Как говорил великий Дэн Сяопин: «Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей».

8. Ни на чем не настаивая, я просто выскажу безответственную гипотезу, согласно которой визит Лаврова говорит о том, что «кошка», выкрашенная в цвета формата №1, в каком-то смысле перестала «ловить мышей», или же ловит их не так эффективно, или же появились другие «грызуны», которых должна ловить не эта «кошка», или же... и так далее.

Прежде чем конкретизировать гипотезу, я предлагаю всмотреться в тексты официальных коммюнике, сопровождавших визит Лаврова. Между прочим, если правильно читать внешне всегда весьма зализанную дипломатическую «феню», то из такого рода текстов можно вычитать много.

В комментарии российского МИДа прямо говорится, что «визит Лаврова происходит на непростом информационном фоне в США вокруг российско-американских отношений». Я цитирую. И такой способ построения фраз – это не мое ноу-хау. Спрашивается, зачем говорить об этом «непростом информационном фоне»? В прежние времена от этого отмахивались. Или поручали кому-то завязать периферийную информационную перепалку. А тут это становится официальным внешнеполитическим фактором.

Далее говорится: «В обоюдных интересах оградить партнерство от политической конъюнктуры и недобросовестных нападок». Значит, имеет место такая ситуация (рис.12).

Рис.12

Сергею Лаврову поручено разъяснять подходы Москвы по актуальным международным вопросам. Это понятно. Это его прямая задача. Но ему поручено также (внимание!) разъяснять подходы Москвы «по различным аспектам развития внутривнутриполитической ситуации в России». Внутривнутриполитической!!! Разъяснения по этим вопросам – уж никак не прямое протокольное дело Сергея Лаврова. Само заявление о готовности С.Лаврова обсуждать в США внутренние дела, крайне индикативно. И оно позволяет мне развить свою, в общем-то произвольную и достаточно безответственную (но и не так, чтобы уж совсем безосновательную) гипотезу.

Жили-были отношения в формате Ф-1.

Вроде бы все было хорошо.

Но... происходило накопление неочевидных издержек. То есть хорошо было только «вроде бы».

Накопление издержек не регистрировалось существующими инструментами и потому не замечалось.

Как и при любом накоплении, количество издержек рано или поздно переходит в новое качество.

Это новое качество не предсказывается. Ведь нет инструмента фиксации, а значит, и системы раннего предупреждения. То ли совсем нет, то ли они недостаточно выверены, то ли возникает новая ситуация, к которой они не готовы. Короче, все это обрушивается во многом, как снег на голову. И именно в новом 2006 году, где-то в январе–феврале.

Российский МИД говорит о политической конъюнктуре, недобросовестных нападениях... А на самом деле 1 марта 2006 года молдаване покидают стол переговоров с приднестровцами. Просто так – берут и уходят.

А 3 марта 2006 года начинается блокада Приднестровья со стороны Украины. При том, что Ющенко это крайне невыгодно. И это все понимают. Он сам понимает. Но он получил директивы и не мог отказаться их выполнять, как и впредь он не будет отказываться от выполнения других, смертельно опасных для него директив.

Еще раз – 6 марта выходит доклад Совета по международным отношениям США под трогательным названием «Неверный путь России».

7 марта в США приезжает С.Лавров.

3 марта (то есть непосредственно перед выходом доклада и приездом С.Лаврова) начинается приднестровская блокада, которая напрямую продиктована Ющенко из США.

А 16 марта 2006 года выходит официальный доклад президента США о национальной безопасности. И там тоже нас «прикладывают» – может быть, чуть-чуть более аккуратно.

Мы зафиксировали такой событийный узел. Должны же мы себя при этом спросить: речь идет о плотном, но небольшом узле или о чем-то другом? С моей точки зрения, мы просто не имеем права себя об этом не спросить. И что получаем в ответ на подобное вопрошание?

Часть VII.

Ход развития событий

В конце января 2006 года вице-президент Чейни собрал в своем офисе экспертов по России на совещание о пересмотре курса Вашингтона в отношении Москвы. При этом Чейни попросил главу Национальной службы разведки Джона Негропonte предоставить дополнительную информацию о векторе движения В.Путина.

2 февраля 2006 года Джон Негропonte выполнил просьбу Чейни, представив закрытый доклад о новых угрозах Америке. Из доклада следовало, что одна из таких угроз – это чрезмерная концентрация власти в руках президента РФ В.Путина. Негропonte подчеркнул, что «желание Москвы продемонстрировать свою независимость и защищать свои интересы может осложнить кооперацию с Россией по вопросам, беспокоящим США».

Совещание у Чейни и последовавший затем доклад Негропonte можно считать стартом разворачиваемой кампании, первые громкие ноты которой зазвучали уже в феврале.

8 февраля по инициативе сенатора-республиканца Сэма Браунбека (потенциальный кандидат на выборах 2008 года) в Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинской комиссии) прошли слушания по вопросу, достойна ли Россия председательствовать в «восьмерке», если она устраивает гонения на негосударственные организации?

Сэм Браунбек заявил, что Россия и Китай слишком рассчитывают на коммерческие отношения с Ираном, чтобы помочь Западу в сдерживании амбиций Тегерана. Россию и Китай Браунбек назвал при этом «странами, посылающими неверные сигналы». По мнению Браунбека, Вашингтон должен организовать давление на страны, поддерживающие Иран, – по аналогии с кампанией 1980 года, целью которой были фир-

мы, помогавшие СССР строить газопровод в Западную Европу. Браунбек уточнил, что инструментом давления мог бы стать тот факт, что для осуществления успешной деятельности России и Китаю необходима иностранная помощь.

16 февраля состоялись слушания в комитете по международным отношениям палаты представителей Конгресса. Эти слушания открыл республиканец Том Лантос, обвинивший Россию в том, что она «сворачивает с демократического пути» и «пытается подорвать экономику и демократию» соседей (то есть государств бывшего СССР). В ходе выступления Лантос озвучил тезис о необходимости вывести Россию из числа членов «Большой восьмерки».

Но главное – на слушаниях выступила Кондолиза Райс, которая заявила следующее: «Мы очень обеспокоены вопросами демократии в России, вопросами закона о неправительственных организациях, вопросами свободы прессы и вопросами использования российского газа и нефти в качестве потенциальной точки давления на соседей».

Далее, поводом для нового аккорда в этой кампании стал договор между Москвой и Тегераном, подписанный 26 февраля 2006 года. В рамках договора Россия и Иран приняли два документа: о поставках в Иран с 2006 года ядерного топлива для Бушерской АЭС и о возвращении в РФ отработанного ядерного топлива.

Эти документы вызвали в США шквал реакций на самом высоком уровне.

Сразу же после принятия российско-иранских документов сенатор республиканской партии Джон Маккейн внес на рассмотрение проект резолюции о «наказании» России. По его предложению, Россию не следует пускать на саммит «Большой восьмерки» в этом году. Маккейн назвал Путина «избалованным ребенком» и заявил в связи с этим: «США и наши европейские союзники должны сказать: Владимир, тебя не ждут на следующем саммите».

В программе «Fox on Sunday» телекомпании «Fox» Джон Маккейн заявил: «Последний шаг России по направлению к Ирану должен вызвать жесткую реакцию со стороны нашей страны. В какой-то момент подобные действия должны начать негативно влиять на наши отношения».

Выступление Маккейна было горячо поддержано другими сенаторами и повлекло за собой серию высказываний.

«Пора заставить российское правительство заплатить за то, что они дали власть плохим парням и отступили от демократии», – заявила сенатор-республиканец от Южной Каролины Линдсей Грэхам.

Сенатор-демократ от штата Калифорния Джейн Харман заявила в программе телеканала CNN Late Edition: «Пора быть жесткими с Россией».

26 февраля 2006 года «Вашингтон пост» опубликовала статью Питера Бейкера «Отношения с Россией – предмет изучения для США». Статья начинается с уже известного сообщения о январском совещании Чейни, который, как говорится в статье, «все более скептически относится к президенту РФ Владимиру Путину». При этом «Вашингтон пост» вновь напомнила о призыве Маккейна бойкотировать саммит «Большой восьмерки» под председательством В.Путина.

В заключение «Вашингтон пост» анонсировала главное событие, прелюдией к которому были все предыдущие выступления.

6 марта 2006 года (накануне приезда в США С.Лаврова) опубликован 100-страничный доклад Совета по международным отношениям США «Неверный путь России: что США могут и должны сделать», составленный двухпартийной рабочей группой, в которую входили республиканец Джек Кемп и демократ Джон Эдвардс.

В докладе в адрес России прозвучала жесткая критика по следующим пунктам.

Де-демократизация: констатируется, что российские политические институты становятся «коррупцированными и неустойчивыми». И как следствие, «способность России заниматься вопросами безопасности, представляющими первостепенную важность для Соединенных Штатов и их союзников, снизилась. Многие аспекты сотрудничества, такие, как усилия по нераспространению ядерных материалов и обмен разведывательными данными, оказались подорваны».

Энергетические ресурсы: «Россия использует экспорт энергоресурсов как орудие внешней политики: вмешательство в дела Украины, оказание давления на ее внешнюю политику, сокращение поставок в другие страны Европы».

Борьба с терроризмом: «Заметные усилия России, направленные на ограничение военного доступа США и НАТО к военным базам в Средней Азии», говорят об отходе России от концепции, исходящей из того, что «успех в Афганистане служит общим интересам».

Председательство России в «Большой восьмерке»: «Страна, которая в течение одного лишь года поддержала массовые подтасовки во

время выборов, происходивших на территории ее самого большого европейского соседа, а затем наказала эту страну за то, что та проголосовала "неправильно", отказав ей в поставках газа, должна, как минимум, быть наказана условно на форуме демократических промышленных стран мира».

В связи с этим авторы доклада дают рекомендации о выстраивании российской политики США по следующим пунктам:

Демократизация: Соединенные Штаты должны «увеличить фонды Акта Поддержки Свободы, сосредоточив внимание, в частности, на организациях, борющихся за свободные и честные парламентские и президентские выборы в 2007–2008 годах».

«Большая восьмерка»: «Соединенные Штаты должны ясно дать понять, что данная роль (*роль председателя*) не гарантирует России иммунитета против критики ее внешней политики и действий. Для того, чтобы "Большая восьмерка" оставалась жизнеспособным международным форумом, может потребоваться де-факто возвращение к формату "Большой семерки"».

Энергетическая политика: Отсутствие у США и их союзников собственной стратегии увеличивает «возможность России использовать свою позицию на данном рынке в политических целях». «Для того, чтобы снизить использование экспорта нефти и газа в качестве инструмента давления – и как опору авторитарности, – Соединенные Штаты должны прийти к согласию с другими правительствами, особенно среди наших европейских союзников, в отношении мер, которые приведут к тому, что контролируемые государством российские энергетические компании станут действовать как настоящие коммерческие структуры».

Торговля и ВТО: «Мы решительно поддерживаем вступление России...» Однако «условным сроком не должен стать саммит "Большой восьмерки" в нынешнем году... Будет намного лучше для "Большой восьмерки", если саммит начнется и завершится без членства России в ВТО».

Иран: Россия должна быть готова к тому, что в случае столкновения мирового сообщества с Ираном «всякое сотрудничество между Москвой и Тегераном в ядерной области, включая реактор в Бушере, придется прекратить».

Соседи России: «Соединенные Штаты не должны предоставлять России право вето или оказывать ей неподобающее почтение, когда речь идет об американских отношениях со странами, находящимися в непосредственной близости от России...». «Государства, возникшие на

постсоветском пространстве, разделяющие подход Америки к важнейшим международным проблемам и способные помочь их разрешению, имеют право рассчитывать на большую поддержку».

Выборы 2008 года: Цель западных правительств в том, чтобы получить гласные обещания, подкрепленные конкретными действиями со стороны российских властей, что грядущий избирательный цикл пройдет на открытой, конституционной и плюралистической основе.

В докладе сделан следующий **вывод**:

«Вопрос, стоящий перед Соединенными Штатами, состоит не в том, как установить партнерство с Россией, а как сделать так, чтобы избирательное сотрудничество – а в некоторых случаях избирательная оппозиция по отношению к России – служили важнейшим международным интересам».

Дополнительные уточнения позиции авторов доклада содержатся в интервью, опубликованном 3 марта 2006 года на сайте Совета по международным отношениям, которое дал руководитель группы по подготовке данного доклада старший сотрудник Совета по международным отношениям Стивен Сестанович.

Он сказал: «Идея его подготовки родилась более года назад, после президентских выборов на Украине в ноябре и декабре 2004 года, которые, как Вы помните, были связаны с глубоким вмешательством России в украинскую политику и с российской поддержкой мошеннических выборов. Людям, которых волновал тот факт, что в России происходит откат от демократии, пришлось испытать еще более серьезную озабоченность в связи с тем, что Россия пытается осуществить аналогичный откат от демократии в соседних странах. Поэтому президент Совета по международным отношениям Ричард Хаасс высказал мнение, что пришло мнение пересмотреть нашу российскую политику».

Отдельно Сестанович высказался по поводу сюжета с приездом в Москву делегации ХАМАС: «Период непосредственно после 11 сентября представляет собой апогей позитивного развития американо-российских отношений. После этого они начали в какой-то степени размываться, по крайней мере, по вопросу о нераспространении... Да и по антитеррору тоже – возьмите историю с ХАМАС. Возможно, две страны начинают смотреть на вещи несколько по-разному».

«Озабоченность в американских официальных кругах сразу же вызвал тот факт, что, по их мнению, в рамках "четверки", разработавшей "дорожную карту" (в нее входят США, Евросоюз, Россия и Генераль-

ный секретарь ООН), существовала договоренность об отказе от контактов с ХАМАС на высоком уровне. И путинское заявление о приглашении руководства ХАМАС в Москву было воспринято как признак того, что Россия уже с первых шагов отходит от согласованной позиции».

И, наконец, Сестанович говорит о том, что политика русских в отношении Ирана будет «главной проверкой». Эти слова усилены повтором:

«Вопрос: Это будет главная проверка?»

Ответ Сестановича: «Да, это будет главная проверка. ...Они (т.е. «россияне». – С.К.) могут решить, что главное – их коммерческие интересы, что у них с Ираном развитые торговые связи, что в перспективе они могут строить там новые реакторы и продавать Тегерану оружие. ...Наверняка найдутся россияне, которые скажут: присоединение к группе западных стран, пытающихся "покарать" Иран, не соответствует интересам страны».

15 марта палата представителей конгресса почти единогласно приняла резолюцию, призывающую Россию «обеспечить полную защиту свобод для всех религиозных сообществ вне зависимости от того, зарегистрированы они или нет, и положить конец преследованию незарегистрированных религиозных групп аппаратом спецслужб и другими правительственными институтами».

На следующий день сдвиги в российской политике США получили отражение и в обновленной версии главного военно-стратегического внешнеполитического документа администрации – Стратегии национальной безопасности.

Данный документ был опубликован 16 марта 2006 года. В нем сделано усиление акцента на доктрине упреждающих ударов, впервые озвученной Бушем в сентябре 2002 года.

В новой версии документа говорится: «Миру будет лучше, когда тираны знают, что они занимают место созданием ОМУ под угрозой собственной гибели». Иран, Северная Корея, Сирия, Куба, Белоруссия, Мьянма, Зимбабве названы в тексте «деспотическими режимами». Китай подвергнут критике. России же уделено особое внимание. В тексте вновь подчеркнута, что «последние тенденции, к сожалению, указывают на уменьшающуюся приверженность России демократическим свободам». В связи с этим России предлагается «не препятствовать свободе и демократии в соседних странах».

Часть VIII.

От мониторинга общих «наездов»

– к обсуждению «наездов», так сказать, «чисто конкретных»

В последнем номере журнала «Форин Аффэйрс» вышла статья Кира Либера и Дэрила Пресса «Усиление ядерного превосходства США». (Номер подписан к печати фактически одновременно с презентацией доклада Совета по международным отношениям США.)

Статья начинается с того, что обсуждается эпоха так называемого «гарантированного взаимного ядерного уничтожения». Та эпоха, когда осознание неизбежности смертельного ядерного ответа на ядерную агрессию между США и СССР-Россией было главным основанием для невозможности начала «победоносной» ядерной войны. Далее авторы констатируют: эта эпоха закончена. Тем самым в неявной форме говорится, что дверь для новых ядерных мировых войн теперь распахнута. И говорится на позитиве.

Авторы заявляют и доказывают, что в настоящее время развитие стратегической ядерной триады США на фоне обрушения ядерного комплекса России и медленного роста ядерных сил Китая не оставляет от доктрины «взаимного уничтожения» камня на камне. И что уже очень скоро США смогут фактически безнаказанно уничтожить ядерные арсеналы своих наиболее мощных вероятных противников «превентивным ударом», не оставив им никаких шансов на эффективный ядерный ответ.

Не может не возникнуть вопрос: если США способны несамостоятельным образом победить в ядерной войне и осуществить абсолютное мировое господство, то почему бы им этого не сделать? Тем более, что потом еще неизвестно, что произойдет. Вдруг Китай, например, догонит?

Говоря о параметрах американского ядерного превосходства, авторы напоминают, что США в последние годы, на фоне некоторого сокращения общего числа боеголовок, резко увеличили боевой потенциал своей «ядерной триады». (А нам говорили – «разоружение»! «Мир без ядерной угрозы»...)

Конкретно, авторы сообщают следующее. США заменили баллистические ракеты на своих подводных лодках более точными ракетами «Трайидент II Д-5» с новыми мощными боеголовками и перевели большинство своих атомных подводных лодок (АПЛ) в Тихий океан. Там они находятся, с одной стороны, ближе к побережью Китая и, с другой стороны, в зонах, недоступных для российской радарной системы раннего предупреждения.

Система наша на тихоокеанском направлении и была «дырявая», а за это время еще обросла разного рода «дырками». Кроме того, мы в расчете на мир без войны и дружбу с США согласились с их требованием прекратить строительство мощной РЛС в Сибири. Что сделали в ответ США? Подвели средства уничтожения поближе к нашим «дыркам». Что еще?

США установили на бомбардировщики Б-52 новые ядерные ракеты, трудно обнаруживаемые радарными системами России и Китая, а также улучшили авионику бомбардировщиков «Стелс» Б-2, что позволяет им летать на предельно малых высотах, недоступных для радаров.

США, сняв с вооружения старые ракеты МХ, устанавливают их мощные боеголовки на другие межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), а также резко увеличили точность наведения ракет «Минитмен».

Наконец, США модернизируют боеголовки W-76 на ракетах своих АПЛ с тем, чтобы они могли обеспечивать не только воздушные, но и наземные взрывы (то есть поражать ракетные шахты противника).

В том, что касается упадка наших Стратегических ядерных сил (СЯС), авторы, прежде всего, указывают, что у России, по сравнению с СССР, стало на 39% меньше стратегических бомбардировщиков, на 58% меньше МБР и на 80% меньше АПЛ.

Далее Либер и Пресс пишут, что оставшиеся СЯС России «едва ли готовы к использованию».

Российские стратегические бомбардировщики размещены всего на двух базах и уязвимы для внезапного нападения, причем тренировочных вылетов почти не проводят.

У 80% российских шахтных МБР истек срок службы, а планы их замены не выполняются из-за неудач при испытаниях и низкого уровня производства новых ракет. Мобильные российские МБР очень редко находятся на боевом дежурстве и вряд ли успеют «сработать» при предупреждении о ядерном нападении.

Российские АПЛ в последние годы проводят в среднем всего по два боевых дежурства в год (по сравнению с 60 дежурствами в 1990 году и нормой для США 40 боевых дежурств в год). При этом все девять российских АПЛ с ядерными баллистическими ракетами большую часть времени проводят в базах, где оказываются легкими мишенями. Уровень подготовки экипажей низок. Не случайно провалились пуски МБР с АПЛ в 2004 г., когда в присутствии В.Путина ракеты либо не взлетали, либо не выходили на заданный курс, а также аналогичные испытания в 2005 г.

Наконец, российская система раннего предупреждения о ракетном нападении в своей спутниковой части крайне отсталая и неполная, а в части радаров имеет крупные прорехи в направлении ряда районов Тихого океана и Северной Атлантики.

Далее авторы статьи пишут, что ядерный арсенал Китая еще более слаб и уязвим.

Во-первых, у Китая нет ни АПЛ с МБР, ни стратегических бомбардировщиков дальнего радиуса действия.

Во-вторых, по данным США, у КНР есть лишь 18 стационарных шахтных МБР с моноблочными боеголовками, которые стоят «сухими» и требуют для заправки жидким топливом около двух часов.

В-третьих, у Китая нет системы раннего предупреждения о ракетном нападении, что делает этот ядерный арсенал крайне уязвимым и для ракетных атак с американских АПЛ, и для атак низколетящими крылатыми ракетами.

Кроме того, радиус действия устанавливаемых Китаем на боевое дежурство МБР «Дун Фен-31» всего 8 тыс. км., что позволяет им поражать цели лишь на западном побережье США.

Далее авторы подчеркивают, что достижение абсолютного ядерного превосходства фактически заложено в «Стратегию национальной безопасности США», обнародованную Дж.Бушем в 2002 г., и приводят этому ряд практических доказательств.

Во-первых, для подавления «пещерных баз» террористов в «странах-изгоях» (объявленная цель модернизации боеголовки W-76) вполне достаточно уже имеющейся тысячи таких боеголовок, и еще одна тысяча вовсе не нужна.

Во-вторых, от стран-изгоев не требуется защищаться развитой системой ПРО – у них ракетно-ядерного оружия просто нет. А вот если стратегической целью является нанесение первого ядерного удара, то даже относительно скромная и не слишком эффективная ПРО способ-

на закрыть США от ничтожного количества «остаточных» МБР противника.

Иными словами, центральным тезисом статьи оказывается доказательство способности США диктовать любым противникам свои условия с позиций «абсолютного ядерного превосходства». С позиций, когда Америка может в любой момент нанести первый ядерный удар, не опасаясь ответного удара.

Возникают два очень существенных вопроса.

Первый: насколько серьезна и обоснована позиция Либера и Пресса, изложенная в статье?

И второй: почему очень влиятельный и респектабельный журнал, не предоставляющий свои страницы никаким маргиналам, опубликовал эту статью, причем именно сейчас?

Начнем по порядку.

В том, что касается очень кризисного, или просто катастрофического, состояния российских СЯС, авторы статьи, к сожалению, в основном правы.

Действительно, ядерно-ракетный арсенал России быстро стареет и выбывает из боевого состава дивизиями по 40 ракет, а новые «Тополи» вводятся лишь по несколько штук в год, причем пока моноблочные (в отличие от «Сатаны», которая несла 10 боеголовок).

Действительно, такие показатели боевой подготовки, как время налета, число учебных пусков, количество боевых дежурств, у наших солдат и офицеров СЯС мизерны и не могут обеспечить устойчивого воспроизводства боевой квалификации.

Действительно, в нашей системе «раннего оповещения» – как в ее спутниковой группировке, так и в ее радарной части – есть изрядные «прорехи», а наши локальные системы ПРО, по отзывам специалистов, фактически потеряли эффективность.

Конечно, Либер и Пресс несколько «сгущают краски», говоря, что российские СЯС перестали быть реальной угрозой для США. У нас еще много ракет, в том числе старого образца. Причем эти ракеты были сделаны с «советским» запасом прочности и долговечности. И их регулярные пробные пуски показывают, что они еще долго могут находиться на боевом дежурстве.

И у нас еще остались, по оценкам экспертов, и технические системы, и специалисты, способные привести эти арсеналы в действие. Однако то, что мы этот потенциал неуклонно теряем (при нынешних темпах

замещения старых ракет новыми у России через 15 лет останется не более 150 «моноблоков»), несомненно.

В том же, что касается Китая, оценки авторов статьи явно слишком «оптимистичны» для США. Простые подсчеты экспертов, касающиеся мощности китайских «ракетных» заводов, показывают, что КНР способна производить не менее 30–40 ракет в год. Причем те же эксперты указывают, что китайские СЯС размещаются в системах связанных между собой шахт, расположенных в горных массивах и практически неуязвимых для «превентивного» удара.

Более того, существует обоснованное мнение авторитетных аналитиков о том, что именно завершение определенного этапа «ядерного вооружения» резко изменило интонации диалога Китая на мировой арене в направлении жесткости.

Наконец, успешные запуски китайских космонавтов доказывают, что «баллистические» возможности новых китайских ракет существенно превышают оценки Либера и Пресса.

В том же, что касается второго вопроса – о времени и месте данной публикации – несомненно, они выбраны достаточно точно. И не этими «молодыми исследователями», как их охарактеризовал американский спец по России Стивен Коэн.

Конечно же, данная статья находится в контексте тех высказываний, докладов, политических и иных жестов, которые обсуждены выше и демонстрируют «многофакторную» систему американского давления на Россию. По сути, эта публикация призывает признать, что в единственном доселе сохранявшемся «сверхдержавном» изменении – ядерном потенциале – Россия также полностью утратила свои позиции.

А потому, мол, если переходить на совсем грубый язык, российским элитам и российскому народу пора «успокоиться и не суетиться под клиентом».

Мы должны на этот вызов так или иначе ответить. Для этого явно недостаточно заявления главы Минобороны в Красноярске: «Не стоит сомневаться в боевых возможностях наших армии и флота, они в состоянии адекватно реагировать на любые вызовы и угрозы национальной безопасности».

Но что же тогда необходимо?

И здесь я перехожу к главному.

Часть IX. Стратегия

В 1993 году американцы настаивали на ликвидации наших стратегических ракет с разделяющимися частями индивидуального наведения (СС-18, иначе – «Сатана»). Моя организация оказалась стратегическим оппонентом Генштаба по этому вопросу. Это вытекало из нашего тогдашнего интеллектуально-политического статуса. Мы настаивали на сохранении СС-18. Время показало, насколько мы были правы. Но я сейчас не об этом.

Наш статус был интеллектуально-политическим, а не бюрократическим. И поэтому наши «чинуши» оборонялись, забрасывая меня вопросами: «А откуда у вас модели? Откуда контур? Откуда конфигурации? А почему вы знаете, что у нас вот этого и этого нет? А кто вам сказал, что это моноблоки?»

Так и сегодня. Скажешь, что американцы улавливают наши реальные тенденции в том, что касается СЯС, а наша бюрократия занята самоуспокоением... Что тебе ответят? Понятно что. «А откуда вы знаете, какое у нас есть секретное оружие? А что вы знаете по поводу вот этого и вот этого? Да у нас есть вот это, вот это и вот это!»

Я не знаю и не хочу знать ничего по поводу наших военно-технических секретов. Это моя всегдашняя позиция. Но я знаю, что происходит в стране. И на основании этих знаний можно дать достаточно точные оценки, пусть и косвенного характера. Грубо говоря, если молодой инженер на стратегическом заводе ВПК получает 150 долларов, то можно представить себе, что происходит в ВПК. Где-то по инерции что-то продолжает развиваться. Но речь идет об очагах развития, которые все более локализируются. На фоне общих тенденций иначе быть не может. Надо исправить общие тенденции.

То же самое могу сказать об армии, о тех, кто должен держать этот самый «ядерный щит». Да и «ядерный меч» тоже. Они не могут быть социальными париями в своем обществе. Иначе ни щит, ни меч не работают. Тем более, что нынешняя идеология основана на том, что экономическая, социальная успешность – это «наше все».

Что касается прорывных разработок, «асимметричных ответов»... Что-то я по этому поводу знаю из своей прежней жизни. Я ведь не всегда занимался только идеологией, политологией, культурой. Я за-

нимался кое-чем в геофизике и понимаю, к чему апеллируют, к каким «асимметричным ответам» и видам оружия. Так вот, это все – фуфло, «недоработанные наработки», которые и в эпоху существования СССР не могли быть применены. Сейчас это не более чем сказки, которые спецы, жаждущие «спилить бабки», рассказывают высоким чиновникам. А высокие чиновники сказки слушают и дают «бабки» («под откат», конечно, но дают). Вот что я знаю. И никто меня с этой позиции не сдвинет.

Но я знаю также и другое (рис.13).

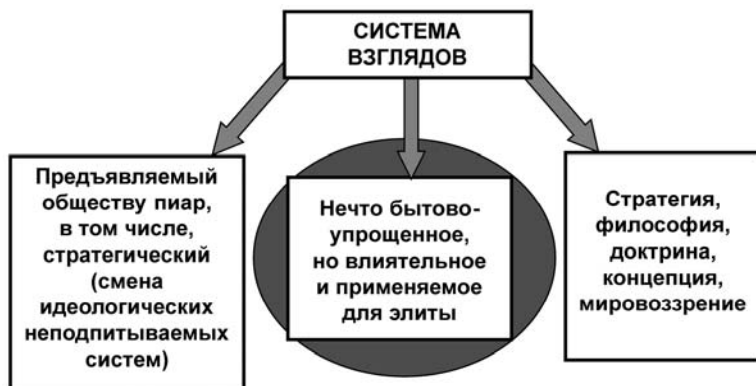

Рис.13

Я уже начинал говорить о системах взглядов.

Стратегия, философия, доктрины – всего этого нет.

Есть предъявляемый обществу пиар. Я уже рассмотрел стратегию в этом вопросе... Идеологические неподпитываемые системы... Те или иные метаидеологические проекты... Коллизии с национализмом и прочее.

Теперь я возвращаюсь к третьему, почти бытовому, но очень влиятельному слагаемому в системе воззрений.

Как озвучивается это самое «влиятельное и почти бытовое»? Что оно собой представляет? Это, так сказать, неоколониальный (периферийный, латиноамериканский) консенсус в нашей элите. Это нечто невнятно, но влиятельно предъявляемое друг другу в банях, ресторанах, в узко частных беседах. Звучит это примерно так: «Да ладно... Да куда там... Ну, не будем возникать... Короче – будем колонией.

Как колония мы им нужны. Будет у нас латиноамериканский вариант, офицеров станем в Вест-Пойнт посылать учиться... Против китайцев чего-нибудь там подрасставим, каких-нибудь ракет – так, чтобы быть нужными... И тогда нас как-то примут... В общем, не надо возникать, – и лет этак двадцать как-нибудь прокантуемся.... Ну, в конце концов, и без этого – без этой вашей стратегии – можно...».

Какое-то время подобная неокOLONиальная «феня», эксплицируемая в России, получала отклик в США. А потом это время кончилось. А среди тех, кто «феню» эксплицирует, никто даже этого не понял. А почему не понял? Потому что для того, чтобы это понять, нужно стратегическое мышление.

Мало ли еще для каких бытовых вопросов оно нужно. Оно ведь не спекуляция, не абстракция, а нечто другое. Герой Чехова сетовал: «Украсть не мудрено, спрятать мудрено». А дальше буквально говорил, что для того, чтобы спрятать, нужно стратегическое мышление. Со всеми его основными слагаемыми, включая образование. Но и не только.

В самом деле, как спрятать, не имея за спиной собственной страны как дружественного тебе стратегического субъекта? Ну, хорошо, миллион без этого можно спрятать. А миллиард? Миллиард без этого надежно спрятать невозможно. Даже спрятать невозможно, а уж тем более выгодно разместить. А потому «без этого» все наворованные состояния будут экспроприированы исторически мгновенно. В ближайшие десять лет эти миллиарды перейдут в экологические фонды XXI века. А «состоятельных русских» станут ловить по всему миру, просто ловить поодиночке и сажать. И никакие израильские гражданства не помогут, никакие этнические ссылки – мол, «мы не русские». Для них это все русские. Это Абрамовичу в России надо говорить, что он белорус. А за пределами России его заведомо считают русским...

Итак, произошел стратегический перелом в том, что касается наших отношений с теми, кого мы (имею в виду нашу элиту) выбрали себе в качестве метрополии. Этой метрополии теперь Латинская Америка в России не нужна. Вопрос о ней снят со стратегической повестки дня. Соответственно, Гарвардский проект тоже снят. Соответственно, возникают разные конкретные неприятности. Которые скоро превратятся в неприятности вполне системного типа.

Коротко это обсуждать невозможно. Да я и не хочу говорить, что в этом вопросе понимаю все «от и до». Но кое-что понимаю. И понимая, что я понимаю только «кое-что», я не могу сказать твердо, что «Санта Фе победило Гарвард».

Но что-то наподобие этого произошло. Возникли некие новые парадигмы. Лобовая война США с Китаем проблематична (что бы ни писали на эту тему). Что-то с ним надо делать. Допустить, чтобы он сокращал дистанцию и выходил вперед – нельзя. Но и напрямую воевать нельзя. Тогда что делать? Создавать какое-то пространство стратегического хаоса. Где его создавать? Вокруг Китая. То есть? То есть у нас.

Я неоднократно говорил, что такое «управляемая демократия», или «периферийная демократия». Это средство нарастить хаос. Если демократия на Западе используется для управления, для создания каких-то обратных связей, то демократия на периферии (например, во многих латиноамериканских странах) используется для наращивания хаоса. Всякое требование «демократизации» здесь означает просто необходимость нарастить хаос.

И если в 2000 году в рамках так называемого «российско-американского контртеррористического консенсуса» была дана отмашка на снятие хаоса и «консервативную консолидацию», то теперь нам говорят, что «консервативная консолидация» исчерпана. Иными словами, что заказ на снятие энтропии отменен и получен новый заказ – на наращивание энтропии. В таких условиях особо тягостно слушать все это неокOLONIALное «мычание» (оно же – бытовой суррогат стратегии): «Да мы как они, да мы рядом с ними, да мы раньше слушали Кремль, а теперь Вашингтонский обком...»

«Вашингтонский обком» расколот. Америка не знает сама, как выйти из ситуации. «Атлантическая солидарность» порушена, мир распался на группы. И что делать? Переходить от суррогатной стратегии России как американского спутника к столь же суррогатной стратегии России как спутника Китая?

Во-первых, это самоубийство.

Во-вторых... Во-вторых, это надо еще суметь сделать.

В рамках последнего визита президента Путина в КНР имел место следующий эпизод (цитирую по вполне открытым официальным источникам).

Путин заявляет: «За 2005 год объем поставок российских машин и оборудования в Китай снизился почти вдвое. Причем это происходит на фоне заметного роста поставок товаров той же группы из Китая в Рос-

сию. Сложившаяся модель наших связей во многом зависит от конъюнктуры сырьевых рынков. И здесь заключена опасность нестабильности взаимной торговли).

Да, Путин здесь не проявил своей обычной осторожности. И, по китайским меркам, перебрал. Потому что в Китае о таких вещах не говорят публично. Но то, что отвечает Ху Цзиньтао, это за гранью... Опять же цитирую (хотя и не поручусь за точность перевода с китайского, озвученного нашим телевидением): «Китай готов принять из РФ продукцию машиностроения, но только передовую».

Если я понимаю что-то в китайских мерках, то такой ответ – это экстремальная жесткость. Это очень специфический стратегический мессидж. Китайцы тем самым фактически говорят нам следующее: «Мы понимаем, что вы нами "торгуете", пугаете Запад: дескать, вот мы сейчас к Китаю прислонимся! Так вы на этот счет не обольщайтесь».

Уже этого достаточно для беспокойства. Но это то, что на поверхности. А что на глубине?

В двух словах – там идет лихорадочная закупка русских военных технологий. Никогда прежде такими темпами это не происходило. Все скупается под корень. Не техника, а именно технологии. И, повторюсь, такими темпами, как будто есть ощущение, что еще три–четыре года эту территорию можно «доить», а дальше конец. Так поступают со смертниками.

Когда говорят о дружбе с Китаем, что имеется в виду? Если наша территория пустеет... Если китайцам зайти на пустующую территорию – как чихнуть... Если мы вдобавок бегаем между американцами и ними и они не понимают, с кем мы торгуемся, и кем мы торгуем, и что мы творим... Если нет ни одного внятного стратегического ответа, а любая прагматика, по определению, носит ситуационный характер и вызывает крайнюю настороженность... Если все это так, то как можно оценить ситуационно-прагматическое желание ряда наших загнанных в тупик элитариев (не Путина имею в виду) перейти от сателлитной проамериканской внешнеполитической линии к сателлитной же прокитайской?

Во-первых, это глупо. А во-вторых, безнадежно. Потому что американцы допускают неокOLONиальное существование какой-нибудь «банановой республики». Пусть, мол, и «демократические институты» у себя презентуют (ну, там, выборы, погоны... парады...). И людишки пусть

под пальмами бегают... И опекаются местными высокопоставленными «гориллами».

Повторяю, по отношению к русским такой формат снят с повестки дня даже в США. Но в США он в принципе существует. А Китай... Он к странам и народам, готовым перейти на подобный формат (а ранее претендовавшим на совсем иную миссию), будет относиться гораздо более жестко. И исторически он будет, конечно, прав. От чего не легче.

Что из этого вытекает? Если Россия хочет жить – и не хорошо («красиво жить не запретишь»), а хоть как-то (если можно красиво – почему нет? Но в том-то и дело, что нельзя), – то что нужно? Увы, нужна грубая мобилизационная модель, способная решить, прежде всего, задачи, о которых я говорил, но и нечто большее. Эта грубая мобилизационная модель не имеет ничего общего ни с полицейщиной, ни с какими-то «наездами». Но это очень жесткая, неприятная модель. Я не вижу социальных и политических сил в стране, которые в состоянии ее развернуть. Вот в чем ужас. Это первое.

Второе. Такая модель не устроит ни элиту, ни народ. Она никого не устроит. Она устроит страну. То есть всех – и никого. Значит, ее придется продавливать.

Но чем ближе все подходит к последнему барьеру, тем больше какое-то внутреннее озверение людей. Люди этот барьер чувствуют. И не все готовы оказаться без страны. Одно дело умственное – прочитать об этом в газете «Завтра» или у Кургиняна, а другое – уже видеть, как вот треснуло, вот еще треснуло, вот еще...

Ни одна витальная проблема не решена. Да, масса каких-то проблем, связанных с удобством жизни, решена. И не худшим способом. Но это куплено ценой нерешения фундаментальных витальных проблем. Вот в чем беда-то. А их надо решать, чтобы жить.

Третье. Элитная сателлитная бытовуха – в прошлом.

Дело не в том, что социально-государственная логика, которую с помощью этой бытовухи наша элита эксклюзивно проговаривает в узком круге, не устраивает общество. Дело в том, что эта логика **УЖЕ НИКОГО НЕ УСТРАИВАЕТ. НИКОМУ МЫ В ЭТОМ КАЧЕСТВЕ НЕ НУЖНЫ.**

Вот в чем казус.

Грустно это констатировать, но США долго хотели держать Россию «агонизирующе целостной» (формат РФ). Но только потому, что не понимали, что делать в случае развала РФ. Они и сейчас этого не пони-

мают до конца. Но они (и не только они) начинают понимать другое. А именно – что нынешняя Россия нежизнеспособна. Все это понимают, кроме узкого круга людей, которые каждый день по телевизору говорят, что страна воскресает и бурно развивается. Все остальные понимают, что страна реально умирает.

Этот разрыв между реальностью умирания и «пиаром возрождения» не может длиться долго.

Он, этот разрыв, уже съел неокOLONиальную «бытовуху», успокаивавшую нашу элиту. И после этого образовалась полная пустота. Единственное, что ее может заполнить – это полноценная система мировоззренческих установок. Со всеми уровнями, которые существуют в таких системах (стратегия, доктрина, концепция и так далее).

Займствовывать сегодня чье-либо чужое на неокOLONиальный манер мы не можем и не хотим. Точнее, мы по-прежнему не хотим. А так называемая элита не может по вышеуказанным не зависящим от нее обстоятельствам.

Так что поневоле придется обзаводиться мировоззрением. Весь вопрос в том, можно ли им обзаводиться поневоле.

А также в том, что оно может выражать.

Об этом я скажу совсем коротко. Хотя этому, конечно, можно посвящать отдельный доклад. И, видимо, не один.

Концептуально, исторически Россия – это Запад. Хотя и альтернативный Запад. И уходить ей с Запада можно только в могилу. Это так было всегда. И это в особенности так сейчас. Когда Восток на подъеме. А Россия не справляется с витальной проблематикой.

Итак, Запад...

Запад – это отнюдь не нечто благополучное, куда нужно влезть во что бы то ни стало и расположиться в нижних этажах. Запад – это рушащаяся, гибнущая конструкция. Почему гибнущая – об этом отдельно. Сейчас примите это на уровне констатации. Что из этого вытекает?

Казалось бы, что нужно бежать из рушащегося дома. А если бежать некуда?

Как ни парадоксально, но обсуждение судьбы Запада является сегодня единственной русской «козырной картой». У русских нет больше «козырей». Вместо того, чтобы пытаться без мыла влезть на нижние этажи существующего Запада, который кажется благополучным, надо указать на масштаб неблагополучия и катастрофизма. И идти на Запад.

Не удаляться в случае неблагополучия. Не приближаться в случае благополучия. А наоборот, как ни странно. И это не кокетство, не пара-

доксализм. Это злоба сегодняшнего дня. Это вопрос жизни и смерти сотен миллионов людей и судьбы человечества!

Другое дело, что такой поход на Запад требует другой интеллектуальной, духовной вооруженности. Отсюда и особое значение компонентов этой вооруженности. Философии, стратегии – как хотите. Повторяю, с этим и только с этим нужно идти на Запад.

И это не простой поход. Вполне возможна неудача. Но это последний шанс. Ставка может быть сделана только на то, что в каких-то нишах и в каких-то конфигурациях есть нечто, за что еще можно как-то зацепиться.

Для нас «завтра» наступит только в ситуации, когда вся эта ниша (рис.13) – стратегия, философия, доктрина, концепция, мировоззрение – окажется заполнена на уровне, качественно более высоком, чем на Западе. А не бредом, не полубезумными работами конспирологического характера. Если этого не произойдет – все, конец.

Отсюда два основных тезиса.

Первый. Грубая мобилизационная модель безальтернативна. Она будет неудобна всем, включая находящихся в этом зале. Но придется выбирать – либо удобства, либо страна. К сожалению, это так. Надо сделать так, чтобы эта модель была как можно менее грубой, как можно более мягкой из тех, которые **решают проблему**.

В числе проблем, очевидным образом, имеется проблема возможного ядерного столкновения. И только в случае, если всем будет понятно, что имеет место ядерный паритет (путем любой гонки вооружения), страна будет сохранена. Иначе страны не будет.

Второй. Есть комплекс проблем стратегических, концептуальных и прочих. Мы должны тут быть наступательно открыты. А до сих пор нас тут просто не было. Спросят: «А зачем это нужно вообще? Может быть, заняться собой – и все тут».

Отвечаю: «Если мы просто замкнемся – мы будем раздавлены. Если наше поведение не будет содержать наступательной концептуально-стратегической линии – проигрыша не избежать».

Итак, мобилизационная модель плюс стратегическая интеллектуальная наступательная открытость. Одно с другим связано. Что вполне очевидно.

Но как это все может проложить себе путь в реальности? Что для этого нужно? Увы, понятно, что именно.

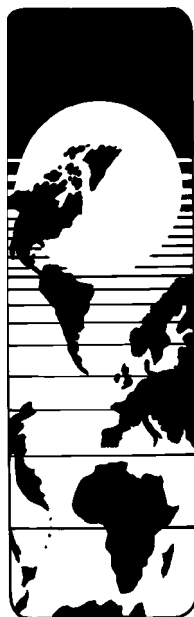
Для того, чтобы страна могла жить, она должна сменить всю элитно-концептуальную и элитно-социальную матрицу. Это будет происходить, видимо, при высоких давлениях и при высоких температурах. Нужно сделать все для того, чтобы разумно минимизировать и температуру, и давление. Ни в коем случае нельзя работать на обострение. Но нужно понимать, что оно почти неизбежно. И нужно сделать все возможное, чтобы удалось его избежать. Но если альтернативой является просто гибель страны – тогда... Вы лично – что выберете? Смерть при температуре 38,9 или возможность выздоровления при температуре 40,5?

Я, кстати, не говорю, что при температуре 40,5 выздоровление гарантировано. Ситуация такова, что летальный исход высоко вероятен. Но я твердо знаю, что, будучи взрослыми людьми и имея какие-то возможности, аморально не сделать все от нас зависящее, чтобы сохранить страну, а на худой конец – вместе с ней умереть. В конце концов, люди всегда умирают, они же не бессмертны. Лучше так, чем иначе. Но те небольшие шансы на то, чтобы страну и жизнь сохранить, надо отжать до конца.

Народы живут и действуют не во имя себя или своих материальных интересов, а во имя своей идеи, т.е. того, что для них всего важнее и *что нужно всему миру, чем они могут послужить ему*, – они живут не для себя только, а для всех. <...> И если сам народ своим истинным творчеством и самосознанием утверждает себя во всемирном – в том, что имеет значение для всех или в чем он солидарен со всеми, то каким же образом истинный патриот может ради предполагаемой «пользы» своего народа разрывать солидарность с другими, ненавидеть или презирать

**чужеземцев? Если сам народ видит
свое настоящее благо в благе
всеобщем, то как же патриотизм
может ставить благо своего народа
как что-то отдельное
и противоположное всему
другому?**

Владимир Соловьев

Владимир Дегоев

**«ГУБЕРНИЗАЦИЯ»
ПРОТИВ ЭТНОКРАТИЗМА**

**О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ПОДХОДАХ К СЕВЕРОКАВКАЗСКИМ
ПРОБЛЕМАМ**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

The article raises the problem of freezing inflammable trends in the North Caucasus through administrative reforms. These reforms, as the author thinks, should be centered around the formation of a functional mechanism to secure gradual replacement of the aging ethnocratical elites by a new generation of broadly educated political leaders with wider commitments.

Вопрос о прочности федеральной власти в контексте ее взаимоотношений с периферией остается актуальным для России вот уже 15 лет. Во многом повинно в этом само кремлевское руководство, предложившее субъектам РФ, прежде всего национальным, странную и рискованную модель общения. Она основывалась на крайностях – от знаменитого «берите столько суверенитета, сколько хотите», до применения военной силы к тем, кто последовал этому призыву. В последние годы от такой модели отказались в принципе, однако преодолеть ее пагубные и затяжные последствия непросто. Тягу к безбрежному суверенитету сдерживает страх наказания. Но строить политику только на этом чувстве нельзя. Нужны гибкие, комбинированные методы.

Умение найти точно выверенное сочетание жесткости и прагматизма особенно понадобится Кремлю на Северном Кавказе. Прежде всего необходимо расстаться со стереотипом, проповедники которого призывают оставить в этом взрывоопасном регионе все, как есть, и ни в коем случае не трогать якобы самое святое для местного населения – вековой уклад их жизни. Кто-то придерживается этого взгляда вполне искренне, исходя из добрых побуждений и хорошего этнографического образования, а кто-то просто боится пострадать, если статус-кво будет нарушено. Однако и те, и другие едины в аргументации. Она известна. Это и Кавказская война XIX века, это и кровавый хаос на Северном Кавказе в 1918–1921 гг., это и более поздние вооруженные выступления горцев против советской власти и т.д. Но самый главный довод – чеченский конфликт, ход и последствия которого столь трагичны.

Не имея возможности углубляться в анализ данных аргументов (мы уже неоднократно это делали), отметим лишь, что они – при кажущемся типологическом сходстве – во многом разноплановы, поскольку соотносятся с совершенно конкретными и непохожими друг на друга историческими ситуациями.

Что касается «козырного» довода – Чечни, – то сегодня он скорее выгоден, чем убедителен, ибо заставляет «обжегшихся на молоке» «дуть на воду», и психологически это вполне понятно. Как и понятны мотивы многих из тех, кто неустанно повторяет: «Северный Кавказ трогать нельзя!»

Можно и нужно трогать! И не просто трогать, а многое менять коренным образом хотя бы потому, что хуже не будет. О невозможности повторения худшего говорит не только теория вероятности, но и тот

факт, что вторая чеченская война резко отличалась от первой и по срокам, и по результатам, и по восприятию ее массовым сознанием. И именно поэтому третьей чеченской (или другой) войны на Северном Кавказе не бывать. Однако то, что при нынешней динамике развития региона возможно в принципе, не менее опасно – относительно бескровный развал России, который, если начнется, начнется на юге.

Произойти это может по «конституционно-демократическому» сценарию. Суть его в следующем. Социальная, политическая и экономическая ситуация на Северном Кавказе окончательно выходит (или выводится) из-под федерального контроля, при сохранении или даже усилении контроля региональных властей. Усталость местного населения от хронических неурядиц поднимет массовые чувства разочарования и апатии до такого уровня, когда идея эвентуального отделения от России станет восприниматься спокойно и даже с надеждой на лучшее. Очень чуткие к такого рода сигналам этнократические элиты найдут тогда изощренные способы для мощного лоббистского давления на Москву, в том числе с помощью «передовой» либеральной интеллигенции и федеральных политических деятелей соответствующей ориентации. (Это, конечно, задача не одного дня и не одного человека. Но ведь над развалом СССР тоже трудились многие и долго.) СМИ получают заказ на культивирование в российском обществе таких умонастроений, которые, в конце концов, окажутся лояльными к идее выхода северокавказских субъектов из состава России. Для начала придумают, со ссылкой опять-таки на «прогрессивный» международный опыт, какую-нибудь формулу «нового федерализма», допускающую свободные, ассоциированные связи территорий в рамках единого государства. Потом негласно (или гласно) установят некий переходный период, по истечении которого от этого самого единого государства ничего и не останется. Нет сомнений, что при подобном раскладе событий «заграница нам поможет», в том числе и материально: Северному Кавказу – обрести «долгожданную свободу», а Москве – смириться с очередной, и тогда уж точно не последней, геополитической потерей.

Подчеркнем: это отнюдь не предрешенный сценарий, но ничего фантастического в нем тоже нет. Он вполне реален хотя бы потому, что последние 15–20 лет отучили нас удивляться чему-либо.

Не ставя перед собой задачу разработать детальный план стратегического развития Северного Кавказа (это дело политиков, а не аналитиков), мы лишь предлагаем не спеша подумать над некоторыми принци-

пиальными идеями. Одна из них – изменение административно-государственного (но не территориального) устройства региона. Сконфигурированное под советско-партийную систему, оно могло эффективно функционировать и функционировало (хотя и не без сбоев) только внутри нее. В нынешнем виде и в нынешних реалиях жизни это устройство представляет собой мощный источник этнократизма, сепаратизма и общей нестабильности.

Игры в «титульные» нации зашли так далеко, что нации «нетитульные» справедливо ставят вопрос о недопустимости их дискриминации в демократическом государстве. Оставив все без изменений, Кремль заведет ситуацию в тупик, из которого рано или поздно все равно придется искать выход и, возможно, – с куда большими потерями. Пойти же по пути предоставления всем этносам какой-нибудь формы государственной автономии – значит довести дело до абсурда и большой крови. (В России нет свободных земель для нового национально-государственного строительства. Разве что в Сибири, куда с этой целью никто добровольно не переселится.) В этом варианте пагубные изъяды гораздо заметнее, чем в варианте статус-кво, в рамках которого, вероятно, еще сохраняются какие-то резервные или скорее инерционные возможности для некатастрофического развития. Если же это не совсем так или совсем не так, то остается, по крайней мере, в нашем поле зрения третий вариант – нечто вроде «губернско-уездной» реформы. Она предполагает изменение национально-автономного статуса нынешних северокавказских субъектов РФ и по названию, и по внутреннему государственно-административному содержанию (включая, естественно, ряд положений местных конституций). Разумеется, это не устранил проблемы в одночасье, но основу для их последовательного решения создать может. Во всяком случае, одномоментно будет упразднено то, что противоречит самой сути демократии – фактическое деление народов на первосортные, второсортные и т.д.

«Губернский» принцип откроет возможности для размывания этнократического и сепаратистского потенциала, накоплению которого объективно способствуют современные национально-государственные ниши, в значительной степени огражденные от федерального надзора. Есть также основания ожидать постепенного ослабления межнационального напряжения, коль скоро оно зачастую возникает не столько между этносами, сколько между этноэлитами, управляющими северокавказскими субъектами РФ. Когда межнациональные противоречия

лишатся русла, через которое они опосредуются и преобразуются в межэлитный конфликт, они потеряют немалую часть своей разрушительной энергии.

Если мы действительно хотим построить демократию, то нужно помнить, что она исключает монополизацию государственно-административных рычагов представителями того или иного этноса, на каком бы управленческом уровне это ни происходило. В России не может и не должно быть этнической государственности, ибо государственность у нас одна – общенациональная. Спасение российской демократии – в создании новой исторической общности людей – российской нации (народа) – с помощью самых разнообразных способов (в том числе не вполне демократических, если жизнь заставит).

Один из таких способов – «губернизация» Северного Кавказа без изменения существующих административных границ между субъектами РФ, но с упразднением этнонимичных названий республик (быть может, за исключением Дагестана, по понятным причинам). Внутри «губернской» модели есть разные варианты укрупнений и делений (повторяем – с сохранением территориальной целостности нынешних субъектов РФ). Не вдаваясь в эту важную, но все же политико-инструментальную сферу, подчеркнем, что «губернизация», будучи довольно радикальной реформой, требует времени для тщательнейшей, всесторонней подготовки и осуществления. Подобные реформы должны составлять органичную часть технологии смены социально-экономического строя, которая началась в 1991 году и еще до конца не завершилась. Это нужно четко усвоить сегодняшнему или завтрашнему кремлевскому руководству, как в свое время такую необходимость усвоили большевики, потратившие 18 лет (1918–1936 гг.) на создание своей версии многонационального социалистического государства и подновлявшие ее в течение последующего времени. Совместить с этой версией либерально-рыночные отношения едва ли получится. Хотя в принципе при современных политтехнологиях все возможно.

Мы хотим быть правильно понятыми. «Губернизация» – сложнейшая, деликатная, системная реформа. Ее скоропалительное осуществление революционными методами «в установленные сроки», лимит на которые у России, похоже, исчерпан, может закончиться катастрофой. Риск есть. Но ничего не делать еще рискованнее. Когда-то надо начинать. Конечно, нынешние кремлевские лидеры, если форс-мажорные обстоятельства не вынудят их действовать иначе, вправе оставить эту

головную боль своим преемникам. По-человечески их можно будет понять. Тогда, однако, преемникам в случае успеха достанется и историческая по своим масштабам слава политических провидцев, сумевших решить северокавказский (шире – национальный) вопрос в России и спасти страну от развала.

* * *

Что касается сугубо политтехнологических методов (хотя грань между прикладной политтехнологией и творческой политстратегией порой бывает очень зыбкой), то тут сначала надо точно идентифицировать те силы на местах (и в центре), которые по разным причинам не заинтересованы в этой реформе и будут оказывать ей сопротивление с той или иной степенью упорства. В одних случаях это сопротивление следует упредить или ослабить (всеми доступными средствами – материальными и моральными), в других – подавить силой или убедительной угрозой ее применения.

Даже при идеальном течении «губернской» реформы (по определению невозможном в столь масштабных предприятиях) не будем обманываться относительно некоторых современных реалий кавказской жизни. На искоренение такого феномена, как этнократия, уйдет много времени и труда. Без запаса терпения и умения держать удар Кремлю не обойтись. Если он не готов к этому, то лучше и не начинать, поскольку потом отыграть назад не удастся. Даже уже сам по себе факт публичного оповещения о «губернской» реформе будет точкой невозврата.

Вместе с тем этнократия, как всякое сложное и глубоко укоренившееся явление, требует к себе философского, диалектического подхода, часто недостающего тем, кто стремится инфернализировать ее, как нечто однозначно негативное. В определенных условиях этнократия играет стабилизирующую роль. В таком качестве этнократическую составляющую власти успешно использовало партийно-советское руководство. В 1990-е гг. этой самой составляющей мы обязаны, с одной стороны, войной в Чечне, с другой – сохранением, пусть и худого, мира на остальной территории Северного Кавказа. Вопрос, стало быть, в том, чтобы не дать этнократии выйти за те рамки, в которых она поддается управлению.

Именно эту проблему поможет решить «губернская» реформа, нацеленная не на директивное упразднение этнократии, а на постепенное вытеснение ее путем методичного создания условий, когда в существовании этого института не будет рационального смысла.

С реформой или без нее, внутри этнократических элит нужно культивировать здоровый конкурентный дух, исключающий всякого рода пожизненные синекеры и индульгенции, заставляющий трудиться в поте лица, с оглядкой на других соискателей твоей должности, из твоих же соплеменников. У Кремля должны быть такие кадровые резервы на местах, которыми он смог бы безболезненно заменить существующую региональную власть, если ее профессионализм, чувство лояльности или другие необходимые качества начинают вызывать сомнения. Для надежности эту резервную систему следует, как в самолете, продублировать дважды, трижды, сколько понадобится, превратить в безотказный политический инструмент широкого назначения. Создавать его нужно не только «под губернскую реформу», что было бы расточительно, а всерьез и надолго, как высокопрофессиональную, высокоэффективную структуру политического менеджмента, сбалансированно укомплектованную из людей разных поколений, разных дарований, разного жизненного опыта. Объединять их должно одно: исчерпывающее знание дела, высочайшее чувство ответственности и ясное понимание того, что они не более чем созданное и нанятое обществом служилое сословие без каких-либо иммунитетов и исключительных прав.

Есть мнение, будто в многонациональных республиках (как, например, Дагестан) с исторически сложившейся номенклатурной традицией этнопредставительства в высших органах власти осуществить конкурсный отбор по профессиональным достоинствам невозможно. В действительности это совсем не так. Даже при такой форме представительства можно с успехом выбирать пригодные кадры из того этноса, за которым «забронированы» определенные административные посты. Это не значит, что подобное правило (законодательно его прописывать нежелательно) нужно укоренить навечно, но в течение какого-то времени его нужно потерпеть и обратить на пользу дела.

Давно говорят о необходимости значительного сокращения в России армии чиновников, вся недюжинная смекалка которых зачастую уходит на тихое саботирование решений высшей законодательной и исполнительной власти, на оправдание собственного существования, на придумку

мывание бесчисленного количества препятствий для граждан, зависящих от них так или иначе.

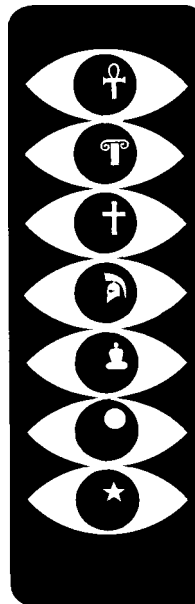
Все верно. Однако простым убавлением дела не решить. Это громадное и чрезвычайно болезненное предприятие. Оно поглотит на долгое время всю энергию государственно-административного аппарата: он будет заниматься только собой в ущерб своим непосредственным функциям. Ближайшие и отдаленные последствия этой лихорадки непременно скажутся на стране, и, возможно, самым непредсказуемым образом. Дело ведь в том, что высвободившуюся массу, которая привыкла руководить и зачастую больше ничего не умеет делать, нужно трудоустроить с наименьшими потерями для ее статуса и кошелька. Иначе она, с ее большим подковерным опытом и большими амбициями, помноженными на чувство мести, пойдет туда, где сможет доставить Кремлю столько проблем, что мало не покажется. Но самое главное – не факт, что сохранившие свои места «государевы люди» будут работать лучше.

Мы не призываем холить и лелеять чиновничье сословие, сохранять его нынешнее, незаслуженно привилегированное положение в обществе, позволять ему обращаться с нами так, как оно привыкло от века. Над бюрократией нужен неременный, жесткий контроль и сверху и снизу. Когда ее деятельность станет совершенно прозрачной, то качество и эффективность ее повысятся почти автоматически. И тогда есть надежда, что чиновничество из неизбежного зла превратится сначала в наименьшее зло, а затем и в благо для общества. Однако для этого требуется не кавалерийская атака, а кропотливая и вдумчивая работа. Волевым путем Кремлю придется искать тот оптимальный зазор для административного маневра, который, условно говоря, будет проходить между чрезмерной осторожностью и чрезмерным радикализмом.

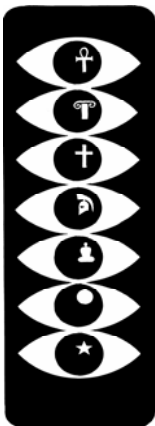
Если мы сознаемся в своих ошибках,
то имейте же довольно добросовестности,
чтобы признаться в своих преступлениях.
Хотя вы вооружаетесь в свое оправдание
мечом правосудия, но то же правосудие –
не имеет ли свои пределы и не переходит
ли оно в преступную жестокость... <...>
Что сегодня – преступление, заблуждение,
то завтра – добродетель и истина!
Каждому ребусу есть объяснение, каждой
общественной проблеме – решение! Нет
более ни сфинксов, ни железных масок,
ни тайных обществ и заговоров...

Не позволено более думать
и действовать в тени, при закрытых
дверях... <...> Это более не
прежня, всегда одна и та же,
история правителей
и управляемых; этого малого числа
бесконечно больших и этого
большого числа бесконечно
малых.

Александр Поджио

Андрей Левандовский

ВЗРЫВНАЯ СИЛА «СУДЕБНЫХ УСТАВОВ»

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

The article deals with the judicial reform of 1864. Its contemporaries and later researchers called it the most consistent among all «great reforms». That consistency which brought about the complete liquidation of the old, in all respects abominable system and emergence of the new system which was, no doubt, by far more attractive one is demonstrated by the author on rich and diversified material. In a no less convincing manner the author demonstrates the paradox created in Russia by the autocracy which carried out the liberal reforms. The new courts as well as other institutions established in the course of reforms could not find a room within framework of the autocratic and bureaucratic system and permanently compromised and, moreover, destroyed the old judicial system. In result the power had inevitably either to change itself in spirit of the reforms it initiated making itself more liberal or to distort the new court and impose its will on the new court, zemstva (local self-government bodies) etc. The czarist government opted for precisely the second way.

Один из самых замечательных деятелей нового пореформенного суда А.Ф.Кони совершенно справедливо заметил как-то, что судебная реформа в России прошла на удивление легко, быстро и безболезненно – несравнимо, скажем, с той же крестьянской, «вырабатывавшейся горестно и трудно». Объяснение этому Кони давал самое простое: «Негодность существующих судебных порядков в их главных чертах и житейских проявлениях была признана всеми»¹. И с этим категорическим заявлением, думается, не мог не согласиться любой россиянин, хоть раз в своей жизни сталкивавшийся с отечественным судопроизводством.

Ощущение зла, царящего в этой сфере, накапливалось постоянно и к эпохе реформ превысило все возможные нормы. Недаром строка из обличительного стихотворения А.С.Хомякова «России» времен Крымской войны: «В судах черна неправдой черной...» – сразу стала крылатой, а монолог странницы Феклуши из «Грозы» А.Н.Островского (премьера состоялась в 1857 году) вызывал бурную реакцию зрительного зала именно в связи с горестным повествованием об «ихних» судебных местах: «И все суды у них, в ихних странах, тоже все несправедливые; там им, милая девушка, и в просьбах пишут: "Суди меня, судья несправедливый..."».

В самом деле, вся организация судопроизводства в дореформенной России была, казалось, прямым вызовом самому понятию «правосудие». Весь процесс следствия и суда целиком и полностью находился в руках чиновников, ответственных перед высшим начальством, но совершенно безответственных по отношению к тем несчастным, кто попадал к ним в лапы. При полной закрытости следственно-судебной процедуры, проходившей под спудом канцелярской секретности, те, кто надеялся на правосудие, неизбежно сталкивались с произволом.

Всевластие судейских чиновников подкреплялось еще и теми основными принципами, которые были положены в основу следственного процесса, и затем оказывали решающее влияние на судебные приговоры. Здесь господствовала теория формальных доказательств, в соответствии с которой перед следователем, ведущим то или иное дело, ставились совершенно конкретные задачи. Высшим достижением следствия, снимавшим все возможные вопросы, считалось признание подсудимым своей вины; следствие рассматривалось как успешное и в том случае, если в его материалах содержались показания двух или более свидетелей, учтивших подсудимого в совершении преступления (одного свидетельства

¹ Кони А.Ф. *Собрание сочинений в восьми томах*. Т.5. М., 1968. С.19.

было недостаточно). Все прочие доказательства в расчет принимались весьма условно, что следовало и из общего определения их – «несовершенные доказательства». Председатели губернских уголовных и гражданских палат, через которые проходила основная масса дел, стремясь к совершенству, терпеть не могли выносить приговоры, опираясь на такую, с их точки зрения, зыбкую, ненадежную основу.

И.С.Аксаков, сам долгое время служивший в губернском суде, в своих замечательных «Судебных сценах»² приводит выразительный диалог на интересующую нас тему между секретарем и председателем губернской уголовной палаты. Секретарь, пытаясь убедить своего начальника в виновности подсудимого помещика – заведомого мерзавца и преступника, слышит в ответ «...А доказательства есть?»

Секретарь: «Да прямых, отдельных доказательств нет, но есть целая совокупность улик и несовершенных доказательств».

Председатель: «Э! Совокупность улик!.. Это все равно, что нет. Вы мне подайте собственное сознание, или двух свидетелей, или... что там еще? Ну, того, что называется прямых доказательств... А без этого и обвинить нельзя». Упоминание одного из присутствующих о логике вызывает у судейских чиновников смех и заявление: «Да ведь логикато, батюшка, у каждого своя»³.

Таким образом, от чиновника, ведущего следствие, заведомо требовалось либо выбить из подсудимого признание своей вины, либо раздобыть двух свидетелей его преступления. Любой другой исход следствия воспринимался начальством как неудовлетворительный и мог поставить под сомнение компетентность того, кто его вел. Шерлок Холмс и Пуаро в России перспектив не имели бы никаких...

Вспомним, кстати, вполне адекватную им фигуру – Порфирия Петровича из «Преступления и наказания», пришедшего к необходимости заключить с подозреваемым, в вине которого он убежден твердо и бесповоротно, полюбовную сделку. Добровольное признание в обмен на ликвидацию в следственном деле всех сведений о косвенных уликах: «А я вам, вот самим Богом клянусь, так "там" подделаю и устрою, что ваша явка выйдет как будто совсем неожиданной». Необходимость для себя подобной сделки Порфирий Петрович объясняет Раскольникову совершенно откровенно: «...Взять вас так прямо под арест мне невыгодно. ...Что ж, что я убежден? Ведь все это покамест мои мечты-с ...психология эта о двух концах, ...а кроме этого, против вас у меня

² Полное название – «Присутственный день в уголовной палате».

³ Аксаков И.С. Письма из провинции. М., 1991. С.463–464.

пока и нет ничего»⁴. Чиновники попроще, естественно, не утруждали себя ни логическими рассуждениями, ни психологическими изысканиями – тем более что и то, и другое было, скорее, во вред, чем на пользу делу, – а шли напрямиком к указанной цели...

Д.А.Ровинский, один из главных деятелей судебной реформы, служивший в дореформенное время в Москве губернским прокурором и насмотревшийся там разных ужасов (в обязанности прокурора, в частности, входил надзор за соблюдением законности в процессе судопроизводства), вспоминал впоследствии о некоторых «следственных приемах», всплывших «из глубины канцелярской тайны». Например, доведения некоего мещанина до «чистосердечного признания» в убийстве «путем выворачивания ему руки»; получения такого же признания в краже от 16-летней девочки после сечения ее плетью по голому животу... То, что подобные приемы были в те годы не исключением, а правилом, ни у кого сомнений не вызывало. Так же, как и употребление других, более «гуманных», «ненасиленных». В одной из своих работ тот же Ровинский писал об «обычном в глухих местностях приеме полицейского следствия, состоявшем в надавании пиявок заподозренному, накормленному соленым сельдем и посаженному в жарко натопленную баню»⁵.

Что же касается дореформенного суда, то он в значительной степени представлял собой приложение к полицейскому следствию. По материалам следственного дела секретарь суда составлял его экстракт – обвинение и предельно кратко, без подробностей, основание для вынесения приговора, а также подготавливал для членов суда текст соответствующего приговора, который им оставалось только подписать. Естественно, члены суда могли сами изучить дело, могли на основании этого изучения самостоятельно вынести приговор, но... Как справедливо заметил один из героев аксаковских судебных сцен, «тогда не нужно было бы и секретаря...». Добросовестно вникали в суть дела, конечно же, единицы; подавляющее большинство членов суда подмахивали приговор не глядя, если только у них не было каких-то личных побудительных мотивов читать дело. Многие, впрочем, не читали и текст приговора, что значительно облегчало эту суровую службу и в то же время было вполне последовательно. «Да Вы не читайте, так подписывайте просто. Делайте, как я, батюшка Александр Александрович, оно и для совести-то спокойнее, ей богу! Ведь, по

⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т.6. Л., 1973. С.349–350.

⁵ Цит. по: Кони А.Ф. Собрание сочинений... Т.5. С.13.

правде сказать, что толку, что Вы прочтете приговор или нет? Дела же вы все-таки читать не станете?»⁶

Такое предельно формализованное судопроизводство, повторим, открывало грандиозные возможности для произвола со стороны главных, знаковых фигур старого суда: полицейского чиновника – следователя, секретаря суда, председателя. С одной стороны, были дела, мало волновавшие всех этих деятелей в отношении личного интереса, прежде всего стяжательского. Эти дела решались максимально быстро и грубо, с употреблением любых мер, вплоть до самых омерзительных – лишь бы поскорее подвести чисто формальные основания под такой же приговор. С другой стороны, судейские при подобной организации следственно-судебной процедуры, получали возможность безнаказанно выколачивать средства из тех подсудимых, у которых они имелись. Если этих средств хватало для улагодворения заинтересованных лиц, то и дела фабриковались, и приговоры выносились соответствующие.

Надо сказать, что теория формальных доказательств, декларировавшая заведомое недоверие к самым красноречивым косвенным уликам, предоставляла судейским дельцам возможность избавлять от заслуженного наказания явных преступников: русский суд был, наверное, единственным в мире, приговоры которого могли носить не только обвинительный или оправдательный, но и, так сказать, нейтральный характер. Была такая очень часто упоминаемая в приговорах формула: «оставить в подозрении...». А.Ф.Кони в одной из своих статей приводит выразительные примеры дел, которые подвигали судейских на подобную формулировку: дело о вдове капитана гвардии, «судившейся за бесчеловечное обращение с десятилетним сыном, проводившем дни и ночи в запертом шкапу – голодным, до полусмерти избитым, истерзанным и связанным»; дело надворного советника, «наглым образом надругавшегося над невинною и беззащитною девушкою в обстановке, чрезвычайно напоминающей сцену покушения Свидригайлова на честь Дуни Раскольниковой»; дело «о покушении на жизнь калужского помещика посредством адской машины, по которому надворный суд признал возможным оставить человека, принесшего потерпевшему ящик, *зная*, что в нем заключена такая машина, "в сильном подозрении"», и так далее, и так далее⁷. Не было счета таким делам, как не было счета поборам, творимым судейскими.

⁶ Аксаков И.С. Указ. соч. С.432–433.

⁷ Кони А.Ф. Указ. соч. С.11.

Так можно ли удивляться тому, что русский суд воспринимался современниками как воплощенное зло? Ощущение своей полной беззащитности охватывало россиян при каждом столкновении с хищниками в вицмундирах; вся эта сфера воспринималась как одна из самых отвратительных сторон нелегкой русской жизни, как поущение Божеское... «Было на землю нашу три нашествия: набегали татары, находил француз, а теперь чиновники облегли; а земля наша что? и смотреть жалость: проболела до костей, прогнила насквозь! продана в судах, пропита в кабаках, и лежит она на большой степи неумытая, рогожей укрытая, с перепоя слабая». Пусть эти слова одного из героев пьесы А.В.Сухово-Кобылина «Дело»⁸ – наверное, самого яркого и беспощадного произведения, посвященного русскому суду, от которого вдосталь настрадался и сам автор, – послужат апофеозом всему написанному выше.

Ясное дело, что когда пришла пора реформ, заступиться за этот суд было некому. «Судебные уставы» 1864 года, над которыми несколько лет работали замечательные юристы С.И.Зарудный, К.К.Арсеньев, вышеупомянутый Д.А.Ровинский и другие, целиком и полностью изменили в этой сфере все: общий подход к делу, систему судебных органов, всю следственно-судебную процедуру; буквально все – безобразный старый суд сгинул бесследно. Судебная реформа совершенно справедливо считается самой последовательной из всех реформ Александра II.

Вместо сложной, хаотичной старой судебной системы, сориентированной на рассмотрение разных по характеру дел в разных судебных органах (гражданских и уголовных палатах) и носившей сословный характер (особые заседатели от дворянства и от купечества в губернском суде, с соответствующей квалификацией дел; особый надворный суд для городской мелкоты), создавалась система, устроенная значительно более разумно, стройно и последовательно. В основу ее был положен территориальный принцип. Россия делилась на судебные округа, охватывавшие несколько смежных уездов; в округах создавались окружные суды. При этом в своем стремлении добиться максимальной независимости судебных органов от администрации создатели «Судебных уставов» пошли на остроумную меру: границы судебных округов не совпадали с границами губерний. Если раньше губернатор являлся полным хозяином в отношении *своего* губернского суда, то теперь в случае, когда у него возникало желание вмешаться в деятельность окружного суда, то вопрос «мое? ... не мое?» неизбежно должен был привести главу губернской администрации в состояние некоего ступора (и

⁸ Сухово-Кобылин А.В. Трилогия. М.; Л., 1956. С.172.

это при том, что подобное вмешательство по духу и смыслу «Судебных уставов» воспринималось теперь как совершенно незаконное).

С этой же целью – защитить новый суд от любого вмешательства извне и прежде всего со стороны администрации – следователи и судьи стали несменяемыми. Назначались они сверху, должны были отчитываться в своей деятельности перед начальством, получали жалование от казны, как и все прочие чиновники. Однако, в отличие от всех прочих, уволить их можно было только по суду, открыто обвинив в служебном преступлении и доказав эту вину в соответствии с требованиями «Судебных уставов». Уволить же за то, что «не так дело ведешь» или «не тот приговор вынес», стало невозможно – дамоклов меч, висевший над головой тех немногих чиновников, которые искренне стремились служить «делу, а не лицам», был теперь убран.

Через окружные суды проходила основная масса и гражданских, и уголовных дел. Над ними стояли судебные палаты, каждая из которых контролировала по несколько смежных судебных округов. Сюда шли отчеты о движении дел в окружных судах; сюда же можно было подать апелляцию (жалобу) на приговор окружного суда и при определенных обстоятельствах добиться пересмотра своего дела.

Желая обезопасить новый суд от какого-либо давления извне, реформаторы в то же время стремились поставить судебные органы под самый строгий контроль в отношении соблюдения законов. С одной стороны, контроль над окружными судами и над судебными палатами осуществлял Сенат, принимавший и рассматривавший кассации, т.е. жалобы на нарушение закона в ходе судебного процесса (в отличие от апелляции, в которой выражается несогласие с приговором по существу). С другой стороны, был организован прокурорский надзор, подчиненный министру юстиции: за каждым окружным судом, равно, как и за каждой судебной палатой, наблюдал особый прокурор, следивший за всем ходом следствия и суда. Министр юстиции в случае необходимости мог возбудить судебное разбирательство дела провинившегося судьи или следователя.

Но главным достижением реформаторов был, конечно же, новый следственно-судебный процесс, который в восприятии современников отличался от старого так же, «как залитая солнечным светом и продуваемая свежим ветром улица от затхлой, сумрачной канцелярии».

Начнем со следствия. Если раньше его вели представители полиции, то теперь оно перешло в руки следователей – представителей судебного ведомства. Несменяемость и высшее юридическое образование (обязательное требование) следователей давали подследственному определенные

гарантии объективного и добросовестного рассмотрения его дела. Но главная перемена, конечно же, заключалась в том, что теперь следователь работал не на бездушный чиновничий суд, который раньше, как правило, механически штамповал приговоры по результатам следствия. Теперь дело шло в *гласный* суд, в котором в процессе судебного разбирательства все следственные материалы проговаривались и обсуждались и, соответственно, все их огрехи почти неизбежно должны были выйти наружу.

Именно в гласности, открытости нового суда и была, несомненно, его главная прелесть. Судебный процесс должен был проходить при открытых дверях, в помещениях, вмещавших достаточно большое количество публики; представители прессы имели право подробно освещать его в печати. Допросы обвиняемого, истца, свидетелей, предъявление улик и так далее – все это было построено по принципу своеобразного состязания между двумя сторонами: прокурором, представлявшим обвинение, и адвокатом (присяжным поверенным), выступавшим в качестве защитника обвиняемого.

В отличие от судей, следователей и прокуроров адвокаты не были представителями Министерства юстиции; они вообще не имели никакого отношения к государственным органам – по сути, это были служащие по вольному найму. Сразу же после судебной реформы было создано объединение присяжных поверенных, в которое входили адвокаты, имевшие высшее юридическое образование. Интересы обвиняемого они представляли за соответствующую плату от него. Если у обвиняемого не было средств, адвоката ему нанимало государство, естественно, за минимальную плату. Между тем услуги таких знаменитых адвокатов, как В.Д.Спасович, Ф.Д.Плевако и других, стоили очень дорого, но, как правило, затраты себя оправдывали: эти защитники славились тем, что добивались оправдательных приговоров в самых, казалось бы, безнадежных делах.

Председатель окружного суда (судья) и два его товарища (заместителя) следили за тем, чтобы судебное заседание проходило строго в рамках закона. Исход же дела определялся присяжными заседателями – фигурами в русском суде принципиально новыми. В них олицетворялась одна из главных идей «Судебных уставов»: суд должен носить не формальный характер, а «праведный», опираясь не на «совершенные доказательства», а на общечеловеческие понятия о правде и справедливости. Именно поэтому судьба обвиняемого отдавалась в руки его сограждан, не имевших не только юридического, а нередко и вообще никакого образования.

Списки возможных присяжных заседателей создавались специальными комиссиями при окружных судах. В них могли войти все физически здоровые мужчины данного округа в возрасте от 25 до 70 лет. Со словная принадлежность, уровень материальной обеспеченности и образования при этом не играли никакой роли. Вспомним, кстати, какая пестрая компания окружает князя Нехлюдова, главного героя «Воскресения» (как известно, судебные сцены этого романа Лев Толстой писал, консультируясь с А.Ф.Кони), попавшего в присяжные заседатели Нского окружного суда. Тут и учитель гимназии, недавно учивший детей его сестры, и отставной полковник, и купец второй гильдии, и приказчик-еврей, и мужик-артельщик... Нередко, особенно когда судебные дела выносились на сессии в глухие уездные городки, среди присяжных преобладали неграмотные крестьяне. Не вносили же в списки лишь священнослужителей, офицеров и солдат срочной службы и учителей народных школ: их занятия считались настолько важными, что отвлекать от них не полагалось. Вне списка оставались также «лица, находящиеся в услужении», – лакеи, швейцары и прочая прислуга. Все же прочие, внесенные в списки, по мере необходимости могли быть привлечены к исполнению своих временных обязанностей.

В обязанности же эти входило присутствие на судебных заседаниях, в ходе которых присяжные должны были максимально полно ознакомиться со всеми обстоятельствами того или иного дела, оценить достоинство доказательств обвинения, приводимых прокурором, и защиты, исходящих от адвоката. Процесс завершался заключительным словом председателя суда, в котором он, обращаясь к присяжным, четко ставил перед ними вопросы относительно вины подсудимого. Получив лист с этими вопросами, присяжные удалялись в особое помещение, где должны были так же четко и по возможности единогласно ответить на них, искренне и честно высказавшись о степени виновности подсудимого, смягчающих обстоятельствах и так далее. От их ответов зависела человеческая судьба: именно на них основывался приговор, который выносил судья, обращаясь к соответствующим статьям закона.

Новый суд производил сильное впечатление еще на уровне замыслов реформаторов, воплощенных в «Судебных уставах». Когда же эти замыслы были реализованы – окончательный переход к новой судебной системе произошел к 1866 году, – то впечатление, произведенное ими на самые разные слои русского общества, превзошло все ожидания.

Сейчас, задним числом, легче представить, понять и оценить всю силу этого впечатления: в стране, веками жившей своей потаенной жизнью, совершенно безгласно, под мощным диктатом чиновников всевоз-

можных рангов, – в этой стране теперь человеческие судьбы решались открыто, путем публичного исследования и обсуждения, причем суть решения определялась не отвлеченными формулами, а совестью тех, кто его выносил. В первые годы после реформы попасть на заседание суда присяжных было не так легко независимо от важности рассматриваемого дела. Многие же из этих дел становились событием общественного значения: широко и оживленно обсуждались в публике, вызывали бурную полемику в прессе. И, думается, причиной подобного ажиотажа было отнюдь не только простое любопытство: интерес к новому суду был искренним, серьезным и подогревался сильными, глубинными чувствами. И чувства эти, наверное, ярче всего проявлялись в деятельности самих присяжных заседателей, достойных представителей русского общества.

Обращаясь к характеристике нового суда, необходимо все время иметь в виду эмоциональную сторону дела. Этот суд, если исходить в оценке его деятельности исключительно из юридических норм, может произвести впечатление, мягко говоря, странное. Дело в том, что присяжные разных окружных судов поражали мягкостью своих приговоров: обвиняемых оправдывали даже тогда, когда весь ход процесса, казалось бы, убеждал в их неоспоримой виновности. Слабо или иной раз вообще необоснованные оправдательные приговоры становились характерной чертой нового русского суда, вызывая поначалу глухое раздражение власти и искреннее недоумение юристов – как теоретиков, так и практиков.

Уже современники пытались как-то «объяснить» этот феномен, и к некоторым из их объяснений имеет смысл прислушаться. Первое из них опиралось на то, что сейчас назвали бы русской, или даже православной, ментальностью. Обращалось внимание на то, что в народной среде слово «преступник» употреблялось редко; что скрытое за этим словом понятие – человек, преступающий закон по своей, очевидно, злой воле, – вообще скорее западное, чем русское. На Руси же людей, совершивших преступление называли обычно «несчастными», со всеми вытекающими отсюда последствиями⁹. И прежде всего из этого определения вытекало то, что вопрос о злой воле, а следовательно, о вине вообще не ставился; исходная формулировка причин любых преступлений была хорошо известна всем православным: «бес попутал, Господь попустил». Преступник, по этим понятиям, – человек, за грехи свои Богом остав-

⁹ «Несчастливыми народ вообще зовет всех ссылаемых в Сибирь» (Толковый словарь живого русского языка Владимира Даля. Т.2. СПб.; М., 1881. С.538).

ленный и потому неспособный противиться бесовским наущениям. Это страшное несчастье, наказание Господне, и не по-христиански было бы к этому наказанию добавлять еще и свое, человеческое. Конечно же, преступники – люди грешные, но кто без греха?..

Государственный подход к проблеме «преступление – наказание» между тем в корне отличался от народного. Государство на Руси, как известно, в своей практике, напротив, постоянно обращалось к наказаниям сугубо человеческим, причем страшно ими злоупотребляя. Огонь и кнут, дыба, нанесение увечий (клеймение и вырывание ноздрей), заключение в самых жутких условиях, варварские казни – все это отчасти ушло в очень недавнее прошлое, отчасти – преобразовалось в систему наказаний, лишенную многих черт прежнего изуверства, но по-прежнему отличавшуюся предельной и, как правило, ненужной жестокостью. Милосердие, проявляемое присяжными, зачастую юридически совершенно не оправданное, объяснялось многими современниками именно как результат этого внутреннего, зачастую не осознанного, но тем не менее очень действенного противостояния власти. «Лучше десять виновных помиловать, чем одного невинного осудить», – этот ментально присущий многим присяжным подход противостоял совершенно противоположному подходу государственному.

Другим объяснением потоку оправдательных приговоров, захлестнувших русские суды, была деятельность адвокатов, среди которых действительно было немало людей, обладавших красноречием, умением работать с фактами, юридической цепкостью и другими талантами, позволявшими им добиваться желаемого – максимального смягчения приговора для своего подзащитного или полного его оправдания. Однако эти успехи русской адвокатуры, приобретавшие иногда совершенно фантастический характер, напрямую были связаны опять-таки с теми, для кого произносились защитные речи, – с присяжными заседателями.

На первый взгляд это утверждение может показаться сомнительным, поскольку русская адвокатура в целом, и в своих наиболее ярких представителях в частности, от православия была далека, да и с народом имела, казалось бы, немного общего. Ее, адвокатуру эту, совершенно справедливо считали и считают одним из наиболее ярких воплощений разночинной интеллигенции со всеми ее характерными чертами – атеизмом, материализмом, постоянной оппозиционностью по отношению как к самодержавной власти, так и к православной церкви, и так далее. И тем не менее взаимосвязь с традиционным русским мировоззрением у этой адвокатуры была, хотя и проявлялась она в совершенно неожиданной форме.

При всем разнообразии и своеобразии адвокатов, выступавших в русском суде, их защитным речам, как правило, были присущи многие общие черты. И прежде всего это касалось базового тезиса, на котором очень часто строилась защита: «среда заела»... Эта знаменитая формула, восходящая к интеллигентскому увлечению дарвинизмом, объясняла преступление дурной наследственностью, неправильным воспитанием, порочным окружением, тяжкими условиями существования – всем чем угодно, только не злой волей самого обвиняемого. Преступник убивал, грабил, мошенничал, потому что так сложились условия его жизни, с которыми, очевидно, он был бессилён бороться. «Господа присяжные заседатели, кто из вас, попав на место этого несчастного, поступил бы иначе?!» – эта стереотипная фраза часто звучала в суде из уст адвокатов.

Рассуждения, которые увенчивались подобными вопросами, с юридической точки зрения – да и с общечеловеческой, конечно же, тоже – были заведомо ущербны. По совершенно справедливому замечанию Достоевского, в них как бы растворялся, исчезал сам факт преступления. В самом деле, если действия человека полностью обуславливаются окружающей средой, то о какой личной вине, о каком преступлении вообще может идти речь? Человек поступил так, как должен, точнее вынужден, был поступить. И как бы ни были тягостны последствия такого поступка, винить в том следует не человека – среду...

Очевидно, нет необходимости рассуждать о том, какой соблазн был скрыт в подобных рассуждениях, к каким тяжким последствиям могли привести – да и привели в конце концов – доктрины, на них основанные. Однако в интересующей нас сфере подобные тирады встречали, на первый взгляд, неожиданный, а по сути дела, хорошо понятный отклик. Эта самая «среда» ведь мучительно напоминала хорошо знакомого беса, манипулирующего Богом оставленными людьми... С другой стороны, при общей порочности подобного подхода, в речах адвокатов звучала фактическая правда, известная присяжным не понаслышке: неустроенность русской жизни для всех была очевидна. Объясняя преступление воздействием среды, адвокаты заведомо возлагали вину на ту силу, которая эту роковую среду создала и поддерживает, – на самодержавную власть. Подобный подход к делу, как правило, находил взаимопонимание у присяжных и все больше раздражал эту самую власть.

Подобное раздражение проявлялось правительством и по поводу процессов, носивших, казалось бы, сугубо уголовный характер. Когда же с конца 1860-х годов пошли бесконечной чередой процессы политического характера, когда присяжные, ничтоже сумняшеся, стали выносить оправдательные приговоры тем, кого власть с полным основанием считала

своими непосредственными противниками, – стало очевидно, что новая судебная система приходит во все большее несоответствие с системой общегосударственной, самодержавно-бюрократической. Ситуация в этой сфере складывалась совершенно аналогичная с теми «разборками» между администрацией и земствами, которые уродовали новую систему самоуправления. Так же, как и в отношении земств, было очевидно, что либо власть последовательно пойдет по заявленному ею пути, меняясь в духе заявленных ею реформ, становясь более пластичной, способной реагировать на требования разных слоев населения отнюдь не только беспощадными репрессиями, либо ей необходимо видоизменять, коверкать то новое, что она сама же начала вводить в русскую жизнь, подгоняя это новое под свой смысл. Ужиться с новым судом так же, как и с земствами, самодержавно-бюрократическая власть была не в состоянии.

Поворотным пунктом в судьбе новой судебной системы стал знаменитый процесс Веры Засулич, который предельно ярко высветил глубинные противоречия, возникшие в государстве Российском в результате «великих реформ». Именно ими были сплетены в один клубок и события, предшествовавшие процессу Засулич. Началось все 6 декабря 1876 года с первой в истории России политической демонстрации у Казанского собора в Петербурге. Большинство участников этой немногочленной акции были арестованы, судимы и приговорены к разным срокам каторжных работ. В июле 1877 года один из них, студент Н.С.Боголюбов, находившийся после вынесения приговора в Доме предварительного заключения, был подвергнут телесному наказанию по приказу петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова. Трепов, по мнению многих современников, был дельным градоначальником, но, как это нередко бывало и бывает в наших краях, границ своих полномочий не ведал и удержу не знал. Прибыв в ДПЗ в дурном расположении духа, Трепов счел, что заключенный Боголюбов, совершавший в это время прогулку по тюремному двору, недостаточно почтительно приветствовал его, и по требованию градоначальника заключенного выпороли. Заключенные ДПЗ, бывшие свидетелями подготовки к порке, – а готовилась к нему администрация открыто и с нескрываемым сладострастием – пришли в состояние, которое чудом не вылилось в бунт; дело ограничилось истериками, криками, бросаньем на оконные решетки. Действия Трепова, незаконные по сути, вызвали лишь «слабые и недействительные», по словам Кони, протесты прокуратуры, и дело, казалось, затихло.

В январе следующего, 1878, года молодая женщина по имени Вера Засулич, придя на прием к Трепову, ранила его выстрелом из револьвера. Скрыться она не пыталась, была арестована и заявила в полицию, что

совершила покушение на градоначальника в знак протеста против его действий в отношении Боголюбова – произвольных и издевательских. Процесс Веры Засулич, который проходил в Петербургском окружном суде и вызвал невероятный, из ряда вон выходящий, интерес публики, ясно показал, что самодержавному правительству с новым судом не ужиться. Адвокат П.А.Александров сумел превратить процесс Засулич в процесс Трепова: благодаря талантливо организованной защите в ходе судебной процедуры были во всех подробностях вскрыты обстоятельства, вынудившие подсудимую пойти на преступление. В результате присяжные оправдали Засулич по всем пунктам.

Нет необходимости, очевидно, говорить о неправомерности подобного приговора. Как можно было назвать невиновным в покушении на убийство человека, который палит в другого из револьвера с предельно близкого расстояния?! Однако столь же очевидно, что подобный приговор был обусловлен многочисленными неправильностями устройства русской жизни. Лучше всего это сформулировал все тот же А.Ф.Кони, который в качестве председателя петербургского окружного суда вел этот процесс. Когда ему впоследствии говорили о юридической безграмотности российских присяжных, об их неготовности исполнять свои обязанности, заявляя, что, скажем, в Англии, Засулич наверняка бы обвинили и наказали, Кони отвечал, что в Англии подобного судебного процесса не могло бы быть в принципе¹⁰. В самом деле, если бы какой-нибудь английский Трепов натворил бы то же, что русский, подобное беззаконие неизбежно вызвало бы кампанию в прессе, парламентские запросы и т.п. В стране с прочными правовыми основами подобные незаконные действия с железной неизбежностью вызвали бы скандал, который почти наверняка привел бы к наказанию виновного. Выстрела английской Засулич не понадобилось бы! По твердому и совершенно справедливому мнению Кони, незаконность приговора, вынесенного петербургскими присяжными, была совершенно адекватна незаконности действий администрации. Для присяжных, как и для всего русского общества, Засулич была человеком, боровшимся за справедливость.

*Грянул выстрел-отомститель,
Опустился Божий бич,
И упал градоправитель,¹¹
Как подстреленная дичь.*

¹⁰ Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. М.; Л., 1933. С.259.

¹¹ Там же. С.66.

В подобной ситуации правительству нужно было либо добиваться от своих функционеров, чтобы те действовали в пределах закона, либо вносить изменения в Судебные уставы. Не могло же оно в самом деле смириться с ситуацией, когда человек, совершивший террористический акт, освобождается судом от всякой ответственности. Правительство начало коверкать судебную реформу.

Уже с 1867 года нашли нехитрый способ бороться с несменяемостью: вместо следователей все чаще стали назначать «исправляющих должность следователя», которых можно было в любой момент снять. В отношении судей правительство, правда, не рискнуло применить эту уловку, зато министру юстиции было дано право перемещать их из одного судебного округа в другой, что стало мощным средством воздействия. Кому захочется менять Петербург или Москву на Тобольск или Хабаровск?!

Но главный удар был направлен против суда присяжных. Не доверяя «непокорным судейским» и, тем более, присяжным заседателям, правительство постаралось передать политические дела под контроль куда более надежных органов. С 1871 года дознание по таким делам стали вести жандармские офицеры, а сами эти дела нередко слушались не в окружных судах, а в Особом Присутствии Сената, где вместо присяжных судьбы подсудимых решали высшие сановники-сенаторы. После же провального для правительства процесса Веры Засулич политические дела почти автоматически передавались в военные суды, где роль присяжных играли строевые офицеры. В обоих случаях приговоры, естественно, были такими, какие требовались верховной власти.

Таким образом, в отношении судебной реформы так же, как и в отношении реформ земской, городской и прочих, создалось положение поистине парадоксальное. По сути своей все эти преобразования – и судебная реформа, в первую очередь – знаменовали собой движение к принципиально новому государственному устройству, соответствующему резко изменившимся после 1861 года социально-экономическим отношениям в стране. Но по-настоящему позитивное воздействие на положение дел в России все эти новые учреждения: суд присяжных, органы местного самоуправления – могли оказать лишь при одном обязательном условии, если бы вся громоздкая самодержавно-бюрократическая система продолжила пусть медленное, но последовательное движение по пути перемен в направлении, заданном этими первыми, робкими шагами к новому государственному строю.

Между тем как показало будущее, в 1860-х годах верховная власть сделала в этом отношении чуть ли не максимум того, что готова была

сделать по доброй воле: все дальнейшие ее действия, вплоть до эпохи революций начала XX века, были направлены не на развитие, а на подавление и искажение нового. Причем сейчас совершенно очевидно, что «великие реформы» изначально воспринимались царем и его окружением не как органичная работа по переходу на новый уровень государственного бытия, а как вынужденные уступки некоему «духу времени». Создав учреждения, относительно независимые от правящей бюрократии, власть тут же начала их коверкать, подминая под себя. При подобном подходе к делу реформы 1860-х, действительно, были чреватые не пользой, а явным вредом: они, и в самом деле, дестабилизировали и без того тревожное положение в стране.

В самом конце XIX века хитроумный министр финансов С.Ю.Витте составил знаменитую записку о земстве, в которой буквально на пальцах объяснял молодому царю Николаю II азбучную истину: создав в стране систему местных органов самоуправления, нужно быть готовым к тому, что рано или поздно эту систему придется «увенчать» конституцией. И, кстати, с точки зрения самого Витте, политика новой формации была совсем не страшной. Царская власть, считал он, вполне могла сохранить в своих руках реальную силу при любом парламенте; предстоит, правда, проявлять больше гибкости и смекалки, чем при самодержавном правлении. Зато в новых условиях можно было рассчитывать на реальную стабилизацию положения в стране: добросовестное сотрудничество верховной наследственной власти с выборными органами местного управления исключало самую возможность той жуткой смуты, которую предстояло пережить России.

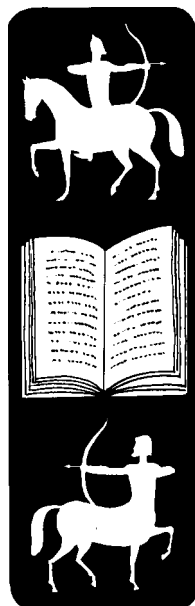
Нам представляется, что то же самое в полной мере можно сказать и о суде присяжных. Если бы верховная власть перестала подавлять общество, ограничила свой произвол, заставила уважать себя (а не бояться), суд присяжных, без сомнения, стал бы тем, что в духе либеральной лексики можно было бы без всяких оговорок охарактеризовать как «отрадное явление». В реальных же условиях пореформенной России присяжные, являвшиеся очень последовательными выразителями общественных настроений всегда, без малейших угрызений совести готовы были оправдать того, кто силой отвечал на силу, кто произволу противопоставлял произвол.

В обычной жизни слово вызывает поступок: сказанное словами получает реальное завершение в действии ... Поступок как практическое действие увеличивался Словом – его итогом, оценкой, раскрытием его символического смысла. То, что сделано, но осталось не названным в теоретической декламации, в записи историка или каком-либо еще тексте, – пропало для памяти потомства и как бы не существует. В жизни слово существует, если влечет за собой действие...

Ю.М.Лотман

Различение между научным исследованием и идеологически мотивированным утверждением, между документальными данными и их интерпретацией не только возможно, но и необходимо. Такое различение позволяет использовать конкретные исследования в перспективе, отличной от той, в которой они производились. Но в некоторых случаях документальные результаты, подпорченные идеологическими предпочтениями, вместе с тем и достигнуты отчасти благодаря этим самым предпочтениям.

Карло Гинзбург

Валентина Марьина

К ИСТОРИИ СОВЕТСКО-
ЧЕХОСЛОВАЦКИХ
ОТНОШЕНИЙ
1938–1940 гг.

ПО СТРАНИЦАМ
ДНЕВНИКА И.М.МАЙСКОГО

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

I.M.Maïski was the Soviet plenipotentiary (an the ambassador since 1941) in London. The diary Maïski kept from 1933 to 1943, is a serious source for researchers of Soviet-British relations of that period and of international situation of 1930s. Thus the Diary sheds light on the issue of the WWII ripening and beginning. The personality of the diarist who so emotionally and vividly depicted the political landscape of London of that time is also of interest. The author is a superb stylist and that makes reading of his diary a fascinating and easy entertainment. Some biographical data on I.M.Maïski (Lyakhovetski) are given in the article. Entries put in the Diary and related to the Soviet-Czechoslovakian relations in 1938-1940 are examined. Appraisals of the Munich conspiracy (September 29-30, 1938) among Great Britain, France, Germany and Italy that initiated process of Czechoslovakia's dismemberment are analyzed too. Evidence contained in Maïski's Diary certainly require a low-keyed approach and are to be compared with other documents. Nevertheless this evidence is valuable for investigation of development of relations between Czechoslovakia and the Soviet Union in the pre-WWII years and provides extra pabulum for reflections on positions of both states.

7 декабря 1941 г. министр иностранных дел Великобритании А.Иден направился в Москву для встречи с И.В.Сталиным и обсуждения вопросов сотрудничества в борьбе против гитлеровской Германии. Сопровождал его в этой поездке советский полпред в Лондоне И.М.Майский. Предстоял опасный в те времена путь по морю. Перед отъездом Майский написал письмо Сталину¹, в котором сообщал, что, поскольку «морские путешествия в наши дни дело довольно рискованное», он направляет Сталину дневник, который, «правда не очень аккуратно», вел в течение последних 7 лет. «С исторической точки зрения, – говорилось в письме, – дневник, несомненно, представляет известный интерес. Как-никак за указанные 7 лет я все время находился на крупнейшем обсервационном пункте мировой политики и имел возможность входить в сношение с крупнейшими политическими деятелями Англии и других стран». Майский давал Сталину «карт-бланш» в решении вопроса о дальнейшей судьбе Дневника. Вместе с тем он считал, что «издавать его сейчас, хотя бы частично и хотя бы с комментариями, едва ли возможно: слишком близки мы к описываемым здесь событиям, большинство фигурирующих на страницах дневника лиц еще живо». Однако, полагал автор, «в более отдаленном будущем мой дневник или наиболее интересные выдержки из него, пожалуй, и могли бы быть изданы. Как бы, однако, ни решился вопрос об издании, сохранить этот дневник стоит: он может пригодиться будущему историку нашей эпохи...». И тут Майский был прав: сейчас по прошествии почти 65-ти лет со времени указанного письма осуществляется публикация Дневника, который хранится в Архиве внешней политики Российской Федерации (Личный фонд И.М.Майского). До недавнего времени о существовании этого документа мало кто знал. Но в 1990 г. с Дневника был снят гриф секретности, и постепенно к нему стали, хотя и с большими ограничениями, допускать исследователей. Сам Майский использовал материалы Дневника при написании своих воспоминаний². Часть

¹ Письмо опубликовано в: Городецкий Г. Миф «Ледокола». Накануне войны / Перев. с англ. М., 1995. С.27; Он же. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999. С.9.

² Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1971; Он же. Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965; Он же. Люди, события, факты. М., 1973.

записей вошла в публикацию «Документы внешней политики» СССР, охватывающую 1939–1941 гг.³ Из историков, пожалуй, одним из первых был допущен к материалам Дневника профессор Г.Городецкий, директор Каммингсовского Центра по изучению России и Восточной Европы Тель-Авивского Университета⁴.

Чем же так интересен Дневник? Почему он привлекает внимание исследователей? Причин несколько. И первая из них – таинственность, которой до недавнего времени был окружен этот документ. Как все недоступное, он порождает массу мифов и легенд, связанных с тайнами советской дипломатии той поры. Были ли таковые? Частичный ответ на этот вопрос может дать, кроме прочего, и полная публикация Дневника, первая часть которой (до 1941 г.), как можно надеяться, увидит свет уже в конце 2006 г. Во-вторых, исследователей привлекала возможность узнать нечто новое о том, как складывались международные отношения в 30-е годы XX века, очень важные для ответа на вопрос о вызревании и начале Второй мировой войны, а также в первые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Дневник заканчивается 1943 г.). Наконец, интересна и личность самого «хозяина» Дневника, более 10 лет – с 1932 по 1943 г. – проведшего в Англии и сумевшего поэтому очень эмоционально и выразительно нарисовать картину политической жизни Лондона той поры. Автор – прекрасный стилист, что делает интересным и легким чтение его Дневника.

Кто же такой И.М.Майский (настоящая фамилия Ляховецкий)? Чтобы понять его позиции и даваемые им оценки, следует знать некоторые вехи его биографии. Прожив более 90 лет (1884–1975), он стал известен как яркий дипломат и историк. К большевикам Майский примкнул уже в зрелом возрасте, вступив в РКП (б) в 1921 г. после разгрома партии социалистов-революционеров (эсеров), членом которой до этого являлся. В 1922–1925 гг. Майский заведовал отделом печати Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР, был редактором журнала «Звезда», работал в Коммунистическом университете в Ленинграде. В 1925–1932 гг. занимал посты советни-

³ *Документы внешней политики (далее – ДВП). 1939. Т. XXII. Кн. 1–2. М., 1992; ДВП. 1940–22 июня 1941 г. Т. XXIII. Кн. 1. 1 января–31 октября 1940 г. М., 1995; Кн. 2. Ч. 1. 1 ноября 1940 г.–1 марта 1941 г.; Ч. 2. 2 марта–22 июня 1941 г. М., 1998.*

⁴ *См.: Городецкий Г. Миф «Ледокола»; Роковой самообман.*

ка в полпредствах СССР в Великобритании, Японии и Финляндии. В 1932 г. Майский стал советским полпредом (с 1941 г. – послом) в Великобритании и оставался им до середины 1943 г., когда был переведен в Москву и занял пост заместителя народного комиссара (наркома) иностранных дел. Немалую роль в этом новом назначении, видимо, сыграл И.В.Сталин, который, признавая высокий профессионализм Майского, в то же время усматривал в его поведении некую «свободу действий», раздражавшую вождя. У Майского были хорошие отношения с У.Черчиллем, что, с одной стороны, ставилось полпреду (послу) в плюс, с другой, – вызывало подозрения. В августе 1942 г., находясь в гостях у Сталина, английский премьер, между прочим, сказал, что Майский «хороший посол». Сталин, как значится в английской записи беседы, согласился, но заявил, «что он мог бы быть лучше – он слишком много говорит и не может держать язык за зубами»⁵. Именно это, возможно, и стало одной из причин отзыва посла. Но он продержался на этом посту еще почти год. 28 июня 1943 г. английский министр иностранных дел А.Иден получил сообщение Майского, что посла вызывают в Москву для участия в обсуждении послевоенных проблем. Это, по словам российского исследователя В.В.Соколова, произвело «эффект разорвавшейся бомбы»: в Лондоне к Майскому привыкли, у него было множество знакомых в английских политических кругах. Иден предполагал, что отзыв посла связан с личным посланием Сталина Черчиллю от 24 июня, в котором выражалось резкое недовольство неоднократным откладыванием союзниками открытия второго фронта в Европе. Одновременно с Майским был отозван с поста советского посла в США и М.М.Литвинов. Тем самым Москва давала понять союзникам свое недовольство их затягиванием с открытием второго фронта⁶. В беседе с Ф.Т.Гусевым, которого прочили на место Майского, нарком иностранных дел СССР В.М.Молотов заявил, что тот слишком оправдывает действия англичан, саботирующих открытие второго фронта. Об этом, продолжал нарком, я предупреждал Майского еще в январе 1942 г., когда писал ему: «Нельзя давать пищу для разговоров, чей

⁵ Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С.371.

⁶ Майский И.М. Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965. С.343.

Вы посол – советский или английский?»⁷. И.В.Сталин в беседе с Гусевым сказал, что ЦК считает необходимым отозвать посла Майского. Для многих это стало неожиданностью. М.М.Литвинов тогда записал в своем дневнике: «Ошеломлен сообщением о замене Майского Гусевым. Вот уж действительно не ожидал». Не ожидал этого, по-видимому, и Черчилль, которого обидело назначение советским послом малоизвестного молодого дипломата. Англичане более трех недель задерживали выдачу акредитивов новому послу, что в условиях войны являлось непривычным⁸. Прибыв в Москву, Майский просил Сталина принять его, чтобы доложить «об английской ситуации и всех связанных с ней проблемах», но Сталин не считал нужным сделать это⁹.

На посту замнаркома Майский пребывал до 1946 г., одновременно являясь председателем Межсоюзнической репарационной комиссии в Москве. Он участвовал в работе ряда международных форумов, в том числе Крымской (Ялтинской) (февраль 1945 г.) и Берлинской (Потсдамской) (июль–август 1945 г.) конференций. В 1946 г. Майский был избран академиком АН СССР и затем, согласно официальной советской версии, до конца жизни работал в Институте истории АН СССР (1947–1968) и Институте всеобщей истории АН СССР (1968–1975)¹⁰. В действительности же дело обстояло совсем не так. В 1952 г. Майского обвинили в участии в сионистском заговоре. Утверждалось, что еврейские зарубежные организации хотели назначить его министром иностранных дел в новом правительстве после того, как В.С.Абакумов, который был снят с поста министра госбезопасности летом 1951 г., захватит власть¹¹. П.Судоплатов, занимавший высокие посты в службе внешней разведки НКВД, пишет в своих воспоминаниях, что после смерти Сталина Майского хотели освободить. Во время встречи и беседы с начальником контрразведки Федотовым, бывший посол, посчитав это провокацией и стремясь избежать избиения и пыток, начал признаваться в том, что являлся сначала

⁷ Соколов В.В. *Посол СССР Ф.Т.Гусев в Лондоне в 1943–1946 годах // Новая и новейшая история. 2005. №4. С.108–109.*

⁸ Там же. С.109.

⁹ Майский И.М. *Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. С.369.*

¹⁰ *Дипломатический словарь. М., 1986. С.172.*

¹¹ Судоплатов П. *Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997. С.537.*

японским, потом английским и американским шпионом. По приказу Л.П.Берии Майский был тогда переведен из камеры на Лубянку в комнату отдыха за кабинетом Федотова, где он и жил некоторое время. Но дело Майского не закрыли. После ареста Берии его обвинили теперь уже в сговоре с бывшим всеильным наркомом, приписав намерение стать при нем министром иностранных дел. Майского вновь перевели в Бутырскую тюрьму. После 4-х лет пребывания в ней, он, наконец, предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в пособничестве Берии захватить власть и поддержании связей между ним и английской разведкой. Майский отверг все обвинения, и коллегия не смогла найти доказательства его вины. В конце концов, он был обвинен в превышении полномочий посла, поскольку отправлял телеграммы не только в НКВД, но и в НКВД, Берии, который якобы использовал «английского шпиона» Майского для установления тайных контактов с Черчиллем. Как считает Судоплатов, Майскому поставили «в вину стандартные требования рассылки спецсообщений послов». Его также обвинили в том, что он преступно восхищался западным образом жизни и культивировал западные манеры общения в советском посольстве в Лондоне. Майского приговорили к 10 годам тюремного заключения, но, поскольку 4 года он уже отсидел, его вскоре освободили, однако реабилитировали только в 1964 г.¹² Академик Майский, опубликовав свои воспоминания, ни разу не упомянул в них о своем «знакомстве» с советской тюрьмой.

Всю свою сознательную жизнь Майский в том или ином виде поддерживал идеи социализма, социалистической революции и верил (во всяком случае, это явствует из его книг и Дневника) в неминуемый крах капиталистической системы. Будучи послом, Майский действовал в соответствии с указаниями из Москвы, хотя по некоторым вопросам имел и мог довести до «начальства» свое собственное мнение. С большим пиететом он относился к М.М.Литвинову, но был весьма осторожен в оценках и, когда тот был смещен с поста наркома иностранных дел СССР, записал 6 мая 1941 г. в Дневнике только следующее: «*Сталин назначен предсовнаркома*¹³ (председателем Совета Народных комиссаров. – В.М.). *Молотов его заместителем*

¹² Там же. С.538–539.

¹³ Здесь и далее текст дневника Майского дается курсивом.

и наркоминделом (народным комиссаром иностранных дел. – В.М.). Возвращаемся ко времени Ильича, когда вождь нашей партии и народов СССР занимал пост предсовнаркома. Это сигнал. Опасность войны приближается к нашим границам. Наступает время больших и важных решений. Сталину необходимо самому держать руку на руле»¹⁴.

Автор предлагаемой читателю статьи ознакомилась с четырьмя тетрадями Дневника Майского за 1938–1941 гг. (каждый год выделен отдельно), стремясь выявить сюжеты, касающиеся Чехословакии. Наполненность тетрадей с этой точки зрения весьма различна: 1938 г. (и это понятно) – весьма внимательное отслеживание событий, связанных с подготовкой мюнхенского сговора и оценкой политики западных держав; 1939 г. – описание нескольких встреч с представителями чехословацкой политической эмиграции в Лондоне; 1940 г. и, что удивительно, 1941 г. – полное отсутствие внимания к чехословацкой проблематике.

Естественно, что понять заметки Майского относительно Чехословакии можно лишь в контексте его видения международной ситуации в целом, политики СССР и западных держав на международной арене.

1938

Итак, 1938 год. После событий 4 февраля этого года в Берлине, когда Гитлеру удалось окончательно сломить оппозицию (*«провел он всю операцию ловко, почти молниеносно. Возможно, что победа его не на 100%, а лишь на 75%, но победа несомненная»*), – считал советский посол)¹⁵, Майский ожидал *«усиления агрессивности германской политики ("недаром Риббентроп назначен мининделом")»*, укрепления *«оси»* и *«антикоммунистического блока»* и, как результат, более ускоренного формирования двух *«фронтов»*. *«Весьма вероятны, – записал далее Майский, – более энергичные попытки захвата Австрии и, может быть, Чехословакии... Не сомневаюсь, что первой реакцией бритпра (британского правительства. – В.М.) будет ускорить англо-германские переговоры. Чемберлен и К° будут аргументировать,*

¹⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф.017 а. Оп.1. П.2. Д.8. Л.116.

¹⁵ Там же. П.1. Д.5. Л.11.

что надо использовать "последний шанс избежать войны". О, эти вечные соглашатели! До какой степени они близоруки и трусливы! Если Гитлер не поведет себя сейчас, как медведь в посудной лавке... Чемберлен просто побежит ему навстречу. Тогда медленные темпы англо-германских переговоров... ускорятся, и на горизонте отлично вырисуются силуэт "пакта четырех" за счет Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы»¹⁶.

11 февраля Майский встретился с министром иностранных дел Великобритании А.Иденом и, высказав ему свои опасения относительно «усиления германской агрессивности», поставил вопрос: «что будет с Австрией и Чехословакией?». Иден ответил: «...возможно, что теперь Германия будет больше скандалить, но зато по существу она станет менее опасной», и «выразил надежду, что Чехословакии не угрожает непосредственная опасность, но не мог скрыть своего беспокойства за Австрию». Майский тоже полагал, что если «не сейчас, так через 6 месяцев, через год, через два года Гитлер ее все равно заберет»¹⁷. Месяц спустя, 12–14 марта 1938 г., произошел аншлюс Австрии.

20 февраля премьер-министр Великобритании Н.Чемберлен – Майский, судя по Дневнику, относился к нему весьма критически и как к человеку, и как к политику¹⁸ – принял отставку Идена, назначив вместо него Э.Галифакса. «События ближайших 6–8 месяцев, – записал в Дневнике Майский 8 марта 1938 г., – покажут, в каком направлении

¹⁶ Там же. Л.11–12.

¹⁷ Там же. Л.14–15.

¹⁸ Запись в Дневнике от 8 марта 1938 г. гласит: «...он – человек совсем не крупного масштаба; узкий. Сухой, ограниченный, лишенный не только внешнего блеска, но и сколько-нибудь широкого политического размаха. Его часто называют здесь "бухгалтером от политики"; на весь мир он смотрит, прежде всего, под углом зрения дивидендов и биржевой котировки... Вместе с тем, Чемберлен очень упрям и настойчив, и, если какая-нибудь идея раз засела ему в голову, он будет ее отстаивать, пока лоб себе не расшибет, – качество довольно опасное для премьер-министра великой державы в наши дни, но такова уж его натура... Чемберлен является вполне законченным типом реакционера с совершенно отчетливой и резко сформулированной антисоветской установкой... Чемберлен не только теоретически признает, но и весьма полнокровно ощущает, что СССР – вот основной враг, что коммунизм – вот основная опасность для столь близкой его сердцу капиталистической системы... Чемберлен поставил и свою репутацию, и судьбу своего кабинета на одну карту – на карту сделки с агрессором» (Там же. Л.17–20).

пойдет равнодействующая, и возможно, что в будущем историки когда-нибудь отметят 1938 год как решающую дату в ходе внешнеполитического развития нашей эпохи (прозорливость Майского тут поразительна. – В.М.). Пока нам следует подготовиться к полосе ухудшения в англо-советских отношениях»¹⁹. Советский посол зафиксировал и свою оценку позиции нового руководства британской внешней политики в отношении Центральной Европы: «не шевельнет и пальцем»²⁰.

Очень подробно описана встреча Майского с У.Черчиллем, тогда лидером оппозиции в консервативной партии. Встреча состоялась по инициативе последнего в квартире его сына Рандольфа 23 марта 1938 г. Черчилль-старший, заявив о своей глубокой ненависти к национал-социалистической (так в тексте. – В.М.) Германии, которая «является врагом не только мира и демократии, но и Британской Империи», отметил, что «единственным надежным средством обуздания этого зверя являлся бы "великий альянс" всех миролюбивых государств в рамках Лиги Наций» и что «в этом "альянсе" Россия должна занимать одно из крупнейших мест. Нам нужна, до зарезу нужна, сильная Россия как противовес Германии и Японии». Правда, Черчилль сомневался, сможет ли СССР, учитывая его внутреннюю ситуацию (кризис, потерявшая боеспособность армия, острая внутренняя борьба), сыграть такую роль: «Россия перестала существовать как серьезный внешнеполитический фактор». Майский постарался развеять эти сомнения: «Мне пришлось взять слово и прочитать моему собеседнику довольно длинную лекцию по политграмоте и дать ему посильные разъяснения о последних событиях». Далее Черчилль заявил о своей ненависти к Троцкому, назвав его «злым гением России», и продолжал: «...и очень хорошо, что Сталин с ним разделался... Я, безусловно, за политику Сталина! Сталин создает сильную Россию, и я желаю Сталину всякой удачи». Черчилль заявил, что неплохо было бы, если бы Россия, чтобы положить конец слухам и разговорам о своей слабости, могла «каким-либо крупным актом показать всему миру именно сейчас лживость распространяемых о ней слухов... Почему бы вам, например, не заявить в какой-либо внушительной форме, что вы окажете крупную военную помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии? Это произвело бы сильное впечатление. А вместе с тем вы и вправе это сделать в соответ-

¹⁹ Там же. Л.29.

²⁰ Там же. Л.32.

ствии с чехословацко-советским пактом»²¹. Майский ответил, что не видит смысла в подобном заявлении, поскольку всем хорошо известно, что СССР «крепко держит раз данное слово» и «аккуратно платит» по своим «политическим долгам». Черчилль, однако, настаивал на своем: «Я знаю, что Сталин – человек солидный, человек надежный. На него можно положиться; что скажет, то и сделает, и имеет возможность держать свои обещания. Но все-таки было бы полезно, если бы СССР сейчас громко, перед лицом всего мира твердо повторил еще раз: помогу Чехословакии всерьез! Уверяю Вас, это имело бы большое значение, как для престижа СССР, так и для дела мира». Но тогда Москва не делала подобных заявлений.

Майский весьма критически высказался о внешней политике британского правительства, потворствующего агрессии, и Черчилль признал, что в этой критике «много правильного», говорил о «трусости и близорукости» правительства, равных которым «трудно найти в истории». «Общая ситуация, – записал Майский, – рисуется Черчиллю в чрезвычайно грозных тонах», но «он не склонен, однако, думать, что Гитлер уже в самое ближайшее время нападет на Чехословакию. Зачем ему это? Открытая агрессия против Чехословакии могла бы вызвать на сцену Францию и СССР, что Гитлеру нежелательно, ибо он еще не готов к большой войне». Черчилль полагал, что пока «через партию Генлейна»²² Гитлер будет создавать внутренние затруднения Чехословакии, а с помощью различного рода хозяйственных мероприятий ... душить ее экономически. Когда же Чехословакия окажется изолированной извне и потрясенной изнутри, она должна будет потерять нервы и упасть без борьбы, как зрелый плод, в руки Гитлера». Рассуждая о том, каков будет следующий за созданием «Серединной Европы» шаг Гитлера, Черчилль полагал, что это будет «удар на восток, против

²¹ Речь шла о Договоре о взаимной помощи между СССР и ЧСР, подписанном 16 мая 1935 г. после того, как 2 мая 1935 г. был заключен аналогичный советско-французский договор. Согласно советско-чехословацкому договору правительства СССР и ЧСР признавали, «что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь [постольку], поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем Договоре, помощь стороне – жертве нападения будет оказана со стороны Франции» (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений /далее – ДМИСЧО/. Т.3. М., 1978. С.113–116).

²² К.Генлейн – глава прогитлеровской Судето-немецкой партии в Чехословакии.

СССР с его гигантскими территориями и неизмеримыми богатствами». Майский возражал против этого предположения, считая наиболее вероятным «западный вариант германской агрессии». «Мои рассуждения, – записал Майский, – видимо, произвели значительное впечатление на Черчилля», который заявил, что «мы должны сообща бороться против гитлеровской Германии», и просил поддержать выдвигаемую им идею «создания дунайской федерации, как противовеса германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе». При этом Черчилль заметил, что в настоящее время коммунизм не представляет такой опасности для Британской Империи, как 20 лет назад, и что таковой сейчас является «германский нацизм с его идеей мировой гегемонии Берлина». Но, добавил он, «если бы в один прекрасный день германофашистская угроза для [Британской] Империи исчезла бы и вновь возродилась бы опасность для Империи со стороны коммунизма, я, – говорю это совершенно открыто, – вновь поднял бы знамя борьбы против вас. Однако на ближайший период времени, во всяком случае, до конца моих дней... я не предвижу возможности такой ситуации. На этот период времени нам с вами по пути»²³. «По пути», как стало ясно впоследствии, оказалось лишь до окончания Второй мировой войны, а затем напряженность между Москвой и Западом шла по нарастающей, вылившись в «холодную войну».

В апреле–июле 1938 г. судьба Чехословакии, да и всей Центральной Европы, как ни странно, оставалась вне внимания автора Дневника. Трудно объяснить это обстоятельство, которое, возможно, отчасти связано с длительным нахождением Майского в отпуске. В записи 4 августа Чехословакия снова упоминается в связи с визитом английского короля в Париж и проводившимися там англо-французскими переговорами, в том числе и по вопросу политики обеих стран в отношении ЧСР. Сообщая о полученной на этот счет информации, советский полпред записал в Дневнике: «По вопросу о Чехословакии позиция Галифакса сводилась к следующему: Чехословакия – искусственное государство, которое не в состоянии ни само защититься, ни получить помощь извне. Англия не останется в стороне от центральноевропейских событий, но Франция должна сильно нажать на Прагу, требуя от последней решительных уступок Генлейну. Надо заставить чехов договориться с немцами... Чемберлену все время приходится учитывать, что

²³ Там же. Л.38–50.

*"общественное мнение" и доминионы против всякого вмешательства Англии в центральноевропейские дела*²⁴.

6 августа Майский встретился с чехословацким послом в Лондоне Я.Масариком²⁵, который рассказал ему «много интересного». Во-первых, об английском демарше в Берлине 21 мая, который «сопровождался весьма драматическими деталями». Когда британский посол в Германии Н.Гендерсон «указал Риббентропу, что концентрация германских войск на границах Чехословакии может иметь тяжчайшие последствия для дела мира» и что Англия в возможном военном конфликте будет на стороне противников Германии, Риббентроп «со свойственной ему бестактностью бешено закричал: "Ваша Британская империя – пустая скорлупа. Она гниет и разлагается. Она давно развалилась бы, если бы не поддержка Германии. Какое право вы имеете приходить к нам со своими советами и вмешиваться в дела, которые вас не касаются?"» Оскорбленный Гендерсон, хлопнув дверью, вышел из кабинета Риббентропа.

Э.Галифакс, узнав о грозящем конфликтом характере беседы, «пришел в некоторое смущение» и, используя частные каналы, попытался «довести до сведения Гитлера, что демарш 21 мая не имел намерения нанести ему оскорбление, что брит[анское] пра[вительство] верит в его миролюбивые намерения и не будет вооруженной рукой защищать Чехословакию». Но эта попытка покаяться перед Гитлером не удалась. Масарик рассказал (Майскому. – В.М.) еще следующее: «...с момента аншлюса Австрии Галифакс не переставал требовать от ЧС (Чехословакии. – В.М.) предоставления судетским немцам максимальных уступок и при этом в самом пожарном порядке. Вы понимаете, – со свойственной Масарику размашисто саркастической манерой говорил он, – в течение трех месяцев я чувствовал себя в положении мальчишки, который бежит по рельсам перед догоняющим его паровозом и никуда не может деваться, ибо по обеим сторонам полотна высокие стены. Галифакс то и дело вызывал меня к себе, уговаривал, советовал,

²⁴ Там же. Л.65–66.

²⁵ Ян Масарик (1886–1948) – чехословацкий политический и государственный деятель, дипломат. До 1 января 1939 г. – посланник Чехословакии в Англии. В 1940–1945 гг. – министр иностранных дел чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне, 1945–начало 1948 гг. – министр иностранных дел Чехословакии. После февральских событий 1948 г. покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна своего кабинета.

указывал, предостерегал, даже грозил... А что я мог сделать? Разве мог я противиться паровозу? И я чуть не каждую неделю летал в Прагу и мучил Бенеша, Гожду, Крофту²⁶ и всех, кого только мог. В конце концов, в Праге меня просто возненавидели. Как только я появлялся в кабинете Крофты, так сразу же раздавалось: "Что, еще какие-нибудь требования Англии?"»

Велико было «потрясение Масарика», когда в середине июля Галифакс «повел иные речи», высказав опасение, что «переговоры между чехпра (чехословацким правительством. – В.М.) и Генлейном ведутся слишком быстрыми темпами ... что торопиться, собственно, некуда и что чехи сделают очень хорошо, если затянут переговоры до глубокой осени. Масарик вначале ничего не мог понять, однако несколько позднее загадка разъяснилась. Бритпра получило информацию, что Гитлер подготавливает открытый удар против Чехословакии и хочет для этого воспользоваться крахом переговоров между чехпра и Генлейном. Бритпра испугалось... Надо во что бы то ни стало предупредить такую опасность. Особенно на август и сентябрь – время каникул английских министров (не хочется все-таки портить отдых!)... Как же это сделать? Чемберлену пришла "блестящая идея": затянуть переговоры, выиграть время. Отсюда родилась миссия Ренсимена²⁷. Миссия эта – личное изобретение Чемберлена... Никто не имел ни малейшего представления об этом "гениальном плане" премьера. Все слухи и разговоры обратного порядка – ложь. За полчаса до отъезда Галифакса вместе с королем в Париж Чемберлен сказал своему мининделу (министру иностранных дел. – В.М.): "Да, кстати, выясните отношение французов к такому проекту"... и тут же вкратце изложил свой план поездки Ренсимена в Чехословакию. Так ведется сейчас в Англии внешняя политика! Впрочем, миссия Ренсимена, охотно поддержанная французами, натолкнулась на известное сопротивление в Чехословакии. Бенеш вначале отнесся к ней резко отрица-

²⁶ Эдвард Бенеш (1884–1948) – чехословацкий политический и государственный деятель, дипломат. В 1935–1938 гг. – президент Чехословацкой республики, 1940–1945 гг. – президент ЧСР в изгнании, 1945–1948 гг. – президент восстановленной Чехословацкой республики. Милан Годжа – в 1936–1938 гг. премьер-министр ЧСР, Камил Крофта – в 1936–1938 гг. министр иностранных дел ЧСР.

²⁷ См подробнее: Марына В.В. Еще раз о мюнхенском сговоре (Новые документы чешских архивов) // Славяноведение. 2006. №3; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2-х кн. Кн.1. М., 2005. С.173–174.

тельно, усматривая в намерениях Чемберлена прямое вмешательство в дела своей страны. Тогда французы стали "обрабатывать" чехпра. В конце концов, был заключен компромисс: Ренсимен поехал, но в качестве "частного лица", не имеющего "ничего общего с правительством". Ренсимен феноменально ленив, и поэтому является весьма подходящим человеком для того, чтобы "выигрывать время". Но он будет заниматься, конечно, не только этим: Ренсимен явится лишь еще одним звеном в цепи британской политики в отношении Чехословакии: обуздывать не агрессора, а жертву агрессии»²⁸.

10 августа Майский попытался уточнить смысл миссии Ренсимена в разговоре с сотрудником Форин Оффис Олифантом: «Олифант ехидно посмотрел на меня, подернул свой длинный рыжий ус и с неуловимой иронией в голосе сказал: что делает Ренсимен в Праге? Он впитывает в себя атмосферу. Я невольно рассмеялся. По мнению Олифанта, Ренсимен проведет в Чехословакии 4–6 недель. Твердого "плана" у него нет, но кой-какие соображения имеются». Олифант полагал, что «если Ренсимену удастся примирить чехов и немцев – великолепно. Если не удастся – тоже не стоит плакать: по крайней мере, выиграно немножко времени». «Вы недовольны? – спросил он у Майского. – По вашему лицу я вижу, что Вы недовольны нашей политикой в Чехословакии. Почему?» Майский ответил: «Да, мы недовольны вашей политикой, ибо вы все время стараетесь обуздывать не агрессора, а жертву агрессии. Той же цели служит и миссия Ренсимена». «Олифант пробовал защищаться, но, в конце концов, признал, что такое представление может создаться на континенте», – констатировал Майский²⁹.

В середине августа в Лондоне царили «большая нервозность и даже тревога. Пугают грандиозные германские маневры (на границе с Чехословакией. – В.М.)». Чемберлен прервал отпуск и возвратился в столицу. По поводу германских маневров высказывались две версии. Первая – «Гитлер готовится к "прыжку" в сторону Чехословакии», вторая – «Гитлер воевать не собирается и хочет лишь напугать Чехословакию, Англию и Францию, чтобы тем легче скушать Чехословакию, не развязывая большой войны». «Мне кажется, – записал Майский, – что между обеими версиями нет противоречия: Гитлер будет пытаться сначала играть, а если это не удастся, он станет стрелять... по имеющим»

²⁸ АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.5. Л.67–71.

²⁹ Там же. Л.73.

ся в Лондоне сведениям немцы шлют сейчас в Судетскую область огромное количество переодетых итурмовиков, винтовки и пулеметы. Сверх того, в боевое положение приводится недавно образованный "Судетский легион" в составе 8 полков, оперирующий на территории Германии»³⁰.

16 августа советский полпред снова встретился с Масариком, приехавшим к нему «прямо от Идена, у которого в Йоркшире он провел "уикенд"». «Иден много разговаривал с Масариком о Чехословакии, убеждал не сдаваться, а давать бой. Это единственный способ спасти Чехословакию. Твердая позиция Праги вынудит Францию встать на ее защиту. Англия, в конечном счете, не сможет не поддержать Францию... Он не исключает войны еще в нынешнем году. Единственный способ предупредить войну – это создание "оси" Лондон–Париж–Москва с дружественным тылом в лице США»³¹. На следующий день, 17 августа, на обеде у Галифакса тот спросил Майского, что он думает по вопросу о Чехословакии. Советский полпред так зафиксировал сформулированную им позицию: «Нам кажется, что вся линия поведения Англии и Франции в данном вопросе является болезненным искривлением. Англия и Франция стремятся обуздать не агрессора, а жертву агрессии. В Праге они говорят столь громким голосом, что чехи не без основания обижаются, а в Берлине они говорят столь тихим голосом, что Гитлер не обращает на их представителей ни малейшего внимания... Совершенно понятно, что совпра (советское правительство. – В.М.) не может сочувствовать такой политике. Совпра считает, что судьба ЧС (Чехословакии. – В.М.) находится целиком в руках "западных демократий". Если Англия и Франция захотят и сумеют занять твердую позицию в отношении Германии, ЧС будет спасена, а европейский мир на долгое время обеспечен». «Я говорил жестко, почти резко и рассчитывал, что Галифакс станет энергично защищать политику бритпра, – записано в Дневнике. – Я и на этот раз ошибся. Галифакс даже и не подумал меня опровергать. Вся его фигура, поведение, жесты, немногие реплики с несомненностью свидетельствовали о том, что если не все, то значительная часть из того, что я говорил, находила у него одобрение». Говоря о положении в Центральной Европе, Галифакс заявил, что оно «представляется ему очень серьезным, что

³⁰ Там же. Л.83.

³¹ Там же. Л.84.

германские маневры вызывают в Англии тревогу, что Ренсимен (он получил от него два "частных письма") настроен далеко не оптимистично, что все в последнем счете зависит от Гитлера, поведение же последнего весьма загадочно, и никто точно не знает, что Гитлер вздумает предпринять. Все это звучало не очень обнадеживающе»³².

Справа налево:
И.М.Майский, Д.Ллойд-Джорж, А.Иден.³³

20 августа, встретившись с видным английским политическим деятелем, бывшим премьер-министром, Д.Ллойд-Джоржем (судя по Дневнику у них были очень хорошие, дружественные отношения), Майский спросил у него, «какова будет позиция Англии и Франции в случае, если чехословацкие дела примут серьезный оборот». «Ллойд-Джорж ответил категорически: ни бритпра, ни францпра не сделают ничего действительно эффективного для защиты ЧС от германской агрессии».

«Мое чувство говорит мне то же самое», – записал Майский. Ллойд-Джорж опасался, что «ход событий в Центральной Европе может быть таков: в определенный момент Генлейн заявит, что переговоры зашли в тупик, объявит независимость Судетской области и призовет Гитлера на помощь. На Прагу, однако, немцы не пойдут. В такой ситуации англичане и французы уж ровно ничего не сделают для ЧС. Дело ограничится бумажными протестами»³⁴. Прогноз был близок к истине.

26 августа Масарик – снова у советского полпреда, чтобы «поделиться последними новостями». «Жуткая жизнь! – читаем в Дневнике, – ...невеселые новости. Античешская кампания в Германии день ото дня растет. Генлейн не идет ни на какие уступки... Миссия Ренсимена накануне краха». «Единственное светлое пятно в этой мрачной картине, – продолжает Майский, – сегодняшнее сообщение из Москвы, пере-

³² Там же. Л.87–88.

³³ Фотография из книги: И.М.Майский. Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965. С.335.

³⁴ АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.5 Л.90.

данное Масарiku из Праги». Оно сводилось к следующему: германский посол в Москве Ф.Шуленбург посетил наркома иностранных дел СССР М.М.Литвинова и выразил надежду, что СССР останется нейтральным, «если Германии придется взять в свои руки урегулирование судетской проблемы». Советский нарком, однако, судя по Дневнику, ответил, что СССР «не сможет остаться в стороне, что СССР выполнит все свои обязательства по чехо-советскому пакту (чехословацко-советскому договору 1935 г. – В.М.), что Франция тоже должна будет вмешаться и что, в конечном счете, в войну будет втянута и Англия». Масарик спросил Майского, «не мог ли бы Литвинов сделать подобное же заявление открыто перед лицом всей прессы? Это имело бы громадное значение и сильно укрепило бы решимость Франции придти на помощь ЧС». Майский обещал передать его просьбу в Москву. Говоря о позиции Англии, Масарик воскликнул: «Проклятье! Разве сейчас могут помочь двусмысленные жесты и скользкие полубещания? Сейчас, когда для предупреждения катастрофы надо бить кулаком по столу». «Масарик был в бешенстве, и вместе с тем в его настроении чувствовалась агония. Мне стало как-то не по себе», – записал Майский³⁵.

Над Центральной Европой нависла опасность вооруженного конфликта. Германский посол в Москве Ф. фон Шуленбург, по словам Майского, стал «пугать» этим дипломатические круги, сваливая всю вину за нежелание решить судетскую проблему на Чехословакию. В беседе с Литвиновым Шуленбург «ахал и охал по поводу вероятной войны, старался прощупать наши настроения. М.М. (Литвинов. – В.М.) со свойственной ему четкостью ответил: В случае германской агрессии ЧС окажет вооруженное сопротивление, Франция, конечно, придет ей на помощь, а СССР выполнит свои обязательства по чехо-советскому пакту. Шуленбург был сильно impressed и расстроен»³⁶.

Комментируя итоги трехчасового заседания британского кабинета 30 августа, обсуждавшего создавшуюся ситуацию, советский полпред иронически констатировал: «Правительство приняло только одно действительно "важное решение": ничего не делать», хотя почти все министры считали, что в случае, если в Европе вспыхнет война из-за Чехословакии, Англия не сможет остаться в стороне. «Очень хорошо, – заключает Майский, – но каковы отсюда практические выводы? Ведь

³⁵ Там же. Л.95–96.

³⁶ Там же. Л.97.

выводов может быть два: первый – оказать эффективную поддержку ЧС сейчас, наказать Гитлера и тем самым предотвратить войну. Второй – так нажать на ЧС в "дружественном порядке", чтобы она сдала Гитлеру без боя все позиции, и этим способом тоже избежать войны. Сильно подозреваю, что кабинет делает второй вывод»³⁷. Через месяц подозрения Майского стали явью.

Подробно описал Майский беседу с советником Чемберлена Г. Вильсоном, пригласив его на завтрак 31 августа. «ЧС – основная проблема момента. Если ЧС будет потеряна, создание Серединной Европы (идея Гитлера. – В.М.) неизбежно... Он полностью согласен с моим мнением, что такая грозная империалистическая комбинация угрожает больше Англии и Франции, чем СССР. В настроении Вильсона чувствовалась готовность откупиться от Германии любой ценой». Майский полагал, что британскому правительству следовало бы сделать заявление о поддержке «Франции при любых условиях, в случае войны с Германией, вызванной ЧС проблемой». В этом случае, по словам Майского, «Гитлер не рискнул бы "прыжком" на ЧС». Вильсон возразил: «Хорошо, если Гитлер испугается. А если не испугается? А если все-таки пойдет напролом? Страшно! Нет, лучше уж подождать, посмотреть, а там, авось, как-нибудь все и обойдется». Вильсон рассказал «много забавного» о «работе» Ренсима в Праге: «Вы же знаете Ренсима, – с усмешкой говорил он, – человек милый, но феноменально ленивый – физически и интеллектуально ... первая стадия в "работе" Ренсима подходит к концу. "Впитывание атмосферы" не может продолжаться бесконечно. Сейчас придется подвести итоги и делать выводы. Пока Ренсимен только давил на чехов, побуждая их к "разумным уступкам", и старался наладить переговоры между обеими сторонами». «Ну, а что вы станете делать, – спросил Майский, – если миссия Ренсима все-таки кончится крахом, и Гитлер захочет перейти к прямому действию? Вильсон пожал плечами и беспомощно развел руками»³⁸.

1 сентября Майского пригласил на обед Черчилль, изложивший ему свой план действий для предотвращения войны, которая, как он считал, «может вспыхнуть не сегодня-завтра». «В критический момент, – говорил Черчилль, – когда пражские переговоры зайдут окончательно

³⁷ Там же. Л.101.

³⁸ Там же. Л.101–105.

в тупик и Гитлер начнет бряцать саблями, Англия, Франция и СССР должны вручить Германии коллективную ноту ... с протестом против угрозы нападения на ЧС... Такой демарш, который, несомненно, будет поддержан Рузвельтом, напугает Гитлера и положит начало "оси" Лондон–Париж–Москва. Только наличие подобной "оси" может спасти человечество от новой бойни». Черчилль интересовался, как отнеслось бы к такому плану советское правительство. Майский, говоря от своего имени, посчитал, что «план хорош, однако не имеет шансов на осуществление», поскольку трудно поверить, чтобы «Чемберлен согласился выступить вместе с СССР против Германии»³⁹. Полпред был прав: английский премьер, больше боявшийся угрозы большевизма со стороны Москвы, не намеревался вступать с ней в альянс против нацистского агрессора.

3 сентября Майский зафиксировал в Дневнике мнение советского правительства по чехословацкому вопросу, высказанное Литвиновым в беседе с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж.Пайаром: «...немыслимо говорить о военной защите ЧС тремя странами (Франция, СССР, ЧС) без предварительной разработки соответствующих военных планов. Нужны поэтому переговоры между штабами трех армий. СССР готов принять участие в таких переговорах. Важнее всего, однако, предупредить развязывание войны... необходима консультация всех миролюбивых держав (это предложение было обнародовано в интервью Литвинова 17 марта через несколько дней после аншлюса Австрии. – В.М.) для выработки мер по борьбе с агрессией». Литвинов заявил: «При условии, что Франция выполнит свои обязательства, СССР исполнен решимости выполнить также свои обязательства по советско-чешскому пакту». Нарком подчеркнул, что для преодоления трудностей в оказании помощи ЧСР желательно «признание со стороны Лиги Наций Германии агрессором, а Чехословакии – жертвой агрессии». Литвинов предложил советскому полпреду в ЧСР С.С.Александровскому ознакомить Крофту с содержанием этой беседы. Итак, резюмировал Майский, изложив беседу Литвинова с Пайаром, «наша позиция в ЧС кризисе выявлена с предельной ясностью. Мы готовы оказать ЧС вооруженную помощь, если другие готовы выполнить свой долг. Окажутся ли эти другие на высоте, которой от них требует величайшая серьез-

³⁹ Там же. Л.106–107.

ность исторического момента? Посмотрим. Во всяком случае, если даже и после этого ЧС погибнет, а Германия превратится в гегемона Западной Европы, ответственность будет лежать не на СССР»⁴⁰. Дискуссии о том, мог ли СССР не на словах, а на деле оказать тогда военную помощь Чехословакии в одиночку, ведутся до сего времени.

Весь сентябрь Европа жила под знаком жесткого противостояния Германии и Чехословакии, которая постепенно сдавала свои позиции, уже почти не надеясь на помощь со стороны Франции и Англии. Майский тоже внимательно следил за развитием событий. 4 сентября он снова встретился с Черчиллем в его загородном доме. Полпред ярко описал красоты поместья, трехъярусные пруды с золотыми рыбками, павильон-студию с картинами Черчилля, недостроенный кирпичный коттедж, который Черчилль строил своими руками. Обсуждалась международная ситуация. Черчилль при этом признался, что у него в подвалах есть бутылка вина 1793 года, которую он хранит «для одного, совершенно исключительного случая»: «мы разопьем с вами эту бутылку тогда, когда Великобритания и Россия вместе будут бить гитлеровскую Германию!» «Я почти ослобенел, – записал Майский. – Так вот как далеко зашла ненависть Черчилля к Берлину!»⁴¹ 7 сентября – чрезвычайно эмоциональная запись, касающаяся политики Англии и Франции в отношении Чехословакии: «...англичанам уже мало "четвертого плана"⁴², который был принят последней позавчера под сильнейшим нажимом из Лондона и Парижа. Гитлер наморщился, давайте ублажим его еще какой-нибудь "костью". И вот "Таймс" предлагает пересмотр границ ЧС⁴³. О, это, конечно, не просто "Таймс". Это Чемберлен

⁴⁰ Там же. Л.110–111.

⁴¹ Там же. Л.112 а. О позиции СССР в сентябре 1938 г. см. подробнее: Документы внешней политики СССР. Т.ХХI. М., 1977. С.254–256, 293–294, 312–315, 498–499, 508–520; ДМИСЧО. Т.3. С.484–559; Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. М., 1979. С.231, 236 и др.

⁴² «Четвертый план» чехословацкого правительства почти полностью удовлетворял известные 8 пунктов Карлсбадской программы К.Генлейна, касавшейся прав судетских немцев (См подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Кн.1. М., 2005. С.173; Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv.2. Praha, 2001. S.214–215, 219–222, 225–226.

⁴³ Передовица «Таймс» ставила вопрос: «Не лучше ли было бы в целях превращения Чехо-

пускает "ballon d'essai" (пробный шар. – В.М.). А завтра это предложит в качестве своего "плана" Ренсимен. Подлое предательство не только ЧС, но и европейского мира! Удар в спину в самый критический для нее момент! Такова английская политика. Зачем Гитлеру беспокоиться? Зачем рисковать войной? Англичане и французы за него сделают грязное дело». И далее – резюме, свидетельствующее о твердых идеологических позициях Майского: «Капитализм явно заходит во все более и более безнадежный тупик. В такие дни, как нынешние, до боли остро ощущаешь, что только коммунизм может вывести человечество из нынешнего кровавого болота». Трудно поверить, что Майский не знал о «кровавом болоте», в которое сверг Россию сталинский режим.

Галифакс в разговоре с Майским на следующий день заявил, что передовица «Таймс» не отражает мнение британского правительства. «К сожалению, – как-то наивно прибавил Галифакс, – никто не верит нашим опровержениям... Я ничего не сказал на это, но тоже не поверил и был прав», – записал Майский. На вопрос советского полпреда, считает ли британское правительство возможными дальнейшие уступки со стороны ЧС, Галифакс ответил, что его правительство заинтересовано, прежде всего, «в мирном урегулировании спора. А все остальное имеет второстепенное значение». «А разве вас не интересует цена?» – спросил Майский. «Галифакс пожал плечами и заметил, что цена определяется обстоятельствами»⁴⁴. Общую установку правительства Великобритании в международных вопросах советский полпред тогда характеризовал как «сделку с агрессором за счет третьих стран» и саркастически замечал: «Малые страны ведь затем и существуют, чтобы служить разменной монетой в транзакциях между великими империалистическими державами... две "великие западные демократии" в течение всего лета только тем и занимались, что старались принудить "малую", но мужественную демократию Центральной Европы поклониться Гитлеру»⁴⁵.

В середине сентября Майский отправился в Женеву для участия в заседании Лиги Наций. 13 сентября он записал в Дневнике: «У меня такое

словаки в более компактное и внутренне более цельное государство пересмотреть ее нынешние границы и просто отдать Германии Судетскую область?» (АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.5. Л.120).

⁴⁴ АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.5. Л.123.

⁴⁵ Там же. Л.117–118.

*ощущение, что мир неудержимо катится к новой мировой войне... Неясно лишь, когда она начнется»*⁴⁶. На сообщение о том, что 15 сентября Чемберлен летит на свидание с Гитлером в Берхтесгаден для обсуждения чехословацкого вопроса, Майский отреагировал так: *«Каково! Глава Британской Империи идет в Каноссу на поклон германскому "фюреру". Вот до чего докатилась британская буржуазия»*⁴⁷. В ожидании новостей *«из той большой и настоящей (хотя очень гнусной и противной) жизни, которая буйным потоком несется где-то там, за гранью этих красивых, узколобых гор»*, Майский рвется из *«мещанской, тупой и скучной»* Жене-вы в Лондон. 19 сентября, в день вручения французским и британским посланниками в Праге очередного ультиматума Бенешу, выработанного после встречи Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене, Майский записал в Дневнике: *«...выработан так называемый "англо-французский план" урегулирования судетской проблемы из трех основных пунктов: 1. Районы с немецким населением свыше 50% отходят к Германии, 2. Районы с меньшим количеством немецкого населения остаются в пределах ЧС, но получают кантональное самоуправление, 3. Новые границы ЧС гарантируются большой четверкой... Передают, что, когда чешский посланник в Париже Осуский вышел от Бонне (министр иностранных дел Франции. – В.М.), он плакал. Масарик в Лондоне, получив от Галифакса текст плана, ругался матерными словами (настолько он знает русский язык)... Черчилль, Иден и Синклер (британский политик. – В.М.) устроили совещание. Все они в бешенстве»*⁴⁸.

20 сентября Майский фиксирует сообщение из Праги: *«...в последние дни советское полпредство превратилось в центр потрясающих народных демонстраций. К зданию полпредства подходят тысячные толпы с кликами в честь СССР, посылают депутации к полпреду, со слезами на глазах просят не оставить ЧС в минуту испытаний... На помощь Англии и Франции в Праге уже перестали надеяться!»*⁴⁹ В ночь с 20 на 21 сентября – новый нажим Лондона и Парижа на Прагу: Н.Чемберлен и премьер-министр и министр национальной обороны Франции Э.Даладьё (*«без ведома своих кабинетов»*) в ультимативной форме предложили чехословацкому правительству принять *«англо-*

⁴⁶ Там же. Л.129.

⁴⁷ Там же. Л.130.

⁴⁸ Там же. Л.136–137.

⁴⁹ Там же. Л.139.

французский план», угрожая в противном случае бросить Чехословакию на произвол судьбы в случае германского нападения. Большинство делегаций в Женеве молча наблюдали за развитием «чехословацкого кризиса». Французская и английская делегации воздержались от комментариев. Литвинов же 21 сентября заявил, что советское правительство готово «с честью выполнить свои обязательства по советско-чешскому договору. Дело за Францией. Важна также позиция Англии». В то же время он уклонился от ответа на вопрос о том, предприняты ли уже советским правительством какие-либо военные меры. Нарком настаивал на важности конференции Англии, Франции и СССР⁵⁰. 21 сентября Майский записал в Дневнике: «Рано утром 21 сентября чехпра (чехословацкое правительство. – В.М.), со смертью в сердце, приняло англо-французский ультиматум. Этот день, 21 сентября, навсегда останется крупнейшей исторической вехой. Он подвел итоги всему послевоенному развитию Европы и открыл ворота событиям, которые в недалеком будущем могут совершенно изменить лицо земли»⁵¹. Запись в Дневнике 22 сентября: «В Германии ликование и торжество... Англия и Франция стали служанками германского фашизма»⁵².

Несмотря на полученное сообщение о том, что Прага приняла англо-французский план, Гитлер приказал продолжать военные приготовления против Чехословакии и подготовку оккупации Судетской области. Лондон и Париж надеялись склонить Берлин к уступкам, сделав это во время встречи Чемберлена и Гитлера в Годесберге 22–23 сентября. Фюрер на уступки не пошел и вручил Чемберлену меморандум для передачи чехословацкому правительству. 24 сентября Майский записал в Дневнике по этому поводу: «Аппетит приходит во время еды. Видимо, после Берхтесгадена аппетит у Гитлера сильно разгорелся. Да и не удивительно: таково было там поведение Чемберлена». При вручении меморандума Галифаксом Масарику между ними состоялся разговор, зафиксированный в Дневнике так: «Галифакс: Ни я, ни премьер-министр не считаем возможным давать вам какие-либо советы в связи с меморандумом господина Гитлера. Однако я лично хотел бы сказать вам как человек человеку: хорошенько подумайте прежде, чем давать отрицательный ответ. Премьер-министр убежден, что господин Гит-

⁵⁰ Там же. Л.146.

⁵¹ Там же. Л.141.

⁵² Там же. Л.142.

лер хочет только Судетскую область и если получит ее, то больше не будет предъявлять никаких других требований. Масарик: Вы в это верите? Галифакс (резко): Я же сказал вам, что премьер в этом убежден. Масарик: Если ни Вы, ни премьер не хотите давать нам никаких советов в связи с меморандумом, то какова же в таком случае роль премьер-министра? Галифакс: Роль почтальона и только. Масарик: Должен ли я Вас понять в том смысле, что премьер Великобритании сделался посыльным для убийцы и разбойника Гитлера? Галифакс (смутившись): Если угодно, да»⁵³.

Масарик. 40-е годы.

Свои впечатления о договоренностях в Мюнхене⁵⁴ Майский изложил 30 сентября так: «Трудно сразу охватить истинное значение того, что только что совершилось, однако я чувствую и понимаю, что сегодня ночью пройдена какая-то огромной важности историческая веха. Количество скачком перешло в качество, и мир сразу изменился... Утром встал с тяжелой головой и первое, что пришло на ум – это: надо немедленно же съездить к Масарику. Когда я зашел в его приемную, в ней никого не было. Через минуту послышались торопливые шаги, и в комнату как-то боком вошел хозяин. Что-то странное и неестественное было во всей его высокой, сильной фигуре. Точно она внезапно

обледенела и потеряла обычную гибкость движений. Масарик бросил беглый взгляд на меня и начал было в привычно светском стиле: Какая сегодня хорошая погода, не правда ли? Бросьте погоду, – я невольно махнул рукой. – Я пришел к Вам не за этим. Я пришел выразить в этот исключительно тяжелый для вашего народа момент свое глубокое сочувствие ему и свое глубокое возмущение позорным поведением Англии и Франции. По всей высокой фигуре Масарика будто прошел какой-то ток. Лед мгновенно исчез. Неподвижность дрогнула. Он как-то смешно качнулся и вдруг совершенно неожиданно упал мне на грудь с горькими рыданиями. Я был ошеломлен и немного растерян. Целую ме-

⁵³ Там же. Л.151–152.

⁵⁴ См. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Кн.1. С.176–186

ня, сквозь слезы, Масарик бормотал: они продали меня в рабство немцам, как негров когда-то продавали в рабство Америке. Понемногу Масарик успокоился и стал извиняться за проявленную слабость. Я крепко пожал ему руку»⁵⁵.

В тот же день Майский побывал у постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании А.Кадогана, который «стал настойчиво допрашивать» его, что он думает о случившемся. «Я не стал миндальничать, – записал Майский. – Я со всей резкостью заявил, что считаю Мюнхен тяжелым поражением Англии и Франции, что вчера вечером пройдена важная историческая веха, знаменующая начало новой эпохи в европейской истории, эпохи гегемонии Германии, и что результатом этого будет цепь дальнейших отступлений "западных демократий", а может быть, и распад их нынешних империй»⁵⁶. О состоявшейся накануне встрече с Черчиллем, который был уверен, что Чемберлен не пойдет на дальнейшие уступки Гитлеру, Майский записал: «Как жестоко ошибся Черчилль... Позицией СССР на протяжении кризиса Черчилль удовлетворен. Особенно ему понравилась речь М.М. (Литвинова. – В.М.) в Лиге Наций 21 сентября»⁵⁷ и наши польский демарш⁵⁸. Он считает, что СССР в эти критические дни исполнил свой

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 017а. Оп.1. П.1. Д.5. Л.163-164.

⁵⁶ Там же. Л.164. – В телеграмме, направленной Майским в НКВД СССР о беседе с Кадоганом, реакция советского полпреда изложена более сдержанно (Год кризиса. 1938–1939. Т.1. 29 сентября 1938 г.–31 мая 1939 г. Документы и материалы. М., 1990. С.30).

⁵⁷ Выступая на Ассамблее Лиги Наций 21 сентября, М.М.Литвинов, в частности, заявил: «Мы намерены выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное ведомство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом... Необходимо, однако, сперва исчерпать все меры предотвращения вооруженного конфликта, и одной из таких мер мы считаем немедленное совещание европейских великих держав и других заинтересованных государств для эвентуальной выработки коллективного демарша» (ДМИСЧО. Т.3. С.513).

⁵⁸ 23 сентября советское руководство, получив сообщение о сосредоточении польских войск на границе с Чехословакией, направило ноту польскому правительству, угрожая в случае агрессии против ЧСР денонсировать Советско-польский пакт о ненападении от 25 июля 1932 г. (Документы по истории мюнхенского сговора. С.269).

международный долг, а Англия и Франция капитулировали»⁵⁹. А вот записанная Майским 1 октября оценка Мюнхена Ллойд-Джоржем: «Ближайшие перспективы рисуются Ллойд-Джоржем в очень мрачном свете. Западные демократии понесли в Мюнхене жестокое поражение. Франция превратилась во второстепенную державу (Даладьё – слаб, а Бонне – изменник). Лига Наций и коллективная безопасность мертвы. Мир вступил в эпоху бронированного кулака и дикого разгула грубой силы», СССР «с достоинством вел себя во время кризиса. Он сейчас солнце мировой демократии»⁶⁰.

28 октября Майский поехал к Масарику поздравить его с 20-летием образования независимой Чехословакии. Масарик сообщил ему, что подал в отставку, но по просьбе правительства будет исполнять свои обязанности еще до 1 января, *«потом будет жить в Лондоне, от времени до времени наезжая в Америку, где он провел многие годы в качестве эмигранта... Собирается писать, читать лекции, выступать по радио. Проживу как-нибудь, – добавил он. – Буду эксплуатировать доброе имя моего отца (Т.Г.Масарик – первый президент ЧСР. – В.М.). Оно ведь доброе! Сейчас это кое-что значит. Добрых имен на свете все меньше остается»⁶¹. А 19 декабря Майский дал Масарику прощальный обед: «30 декабря он уходит в отставку: не может служить новому чехословацкому правительству. Потом едет в США, где в течение 2–3 месяцев будет выступать с лекциями, докладами и т. п., повидаёт также Рузвельта. Хочет немного просветить американцев на счет европейских дел, а также заработать чуточку денег. Собственных средств у Масарика, видимо, нет или имеется очень мало, а жить надо. Рассчитывает привезти 2–3 тысячи фунтов. Этого, по его расчетам, ему должно хватить года на три. А дальше видно будет... Планы Масарика пока неясны. Он говорил мне только: Хочу делать что-нибудь полезное для демократии, для прогресса»⁶².*

После Мюнхена чехословацкий вопрос исчез из повестки дня лондонской политики: судьба ЧСР была, по сути, predetermined 30 сентября 1938 г. Оставалось только ждать дальнейших шагов Гитлера, который в тайной директиве вермахту от 21 сентября предписывал обеспечить

⁵⁹ АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.5. Л.164–165.

⁶⁰ АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.5. Л.167.

⁶¹ Там же. Л.194.

⁶² Там же. Л.223.

«возможность в любое время разгромить оставшуюся часть Чехии» и готовить армейские части к нападению, чтобы «лишить Чехию даже какой-либо возможности планомерной обороны. Цель состоит в быстрой оккупации Чехии и изоляции Словакии»⁶³. Майский же 25 ноября писал Литвинову: «Несмотря на мюнхенские решения, Англия (и Франция) на протяжении двух последних месяцев совершенно устранились от какого бы то ни было активного участия в решении вопроса о судьбах Чехословакии. Германии и Италии предоставлена полная свобода действий в определении границ Чехословакии, ее экономической политики, ее внутреннего режима и так далее. О гарантии границ Чехословакии Англией и Францией официальные круги здесь больше не вспоминают»⁶⁴. Полпред СССР во Франции Я.З.Суриц сообщал Литвинову 27 декабря: «О существовании Чехословакии здесь после Мюнхена вообще стараются основательно забыть»⁶⁵.

СССР, согласно словам Литвинова, также полагал, что «Чехословакия, принимавшая приказы Берлина и приспособливавшая свою внутреннюю жизнь к этим приказам, не могла рассматриваться как самостоятельное государство»⁶⁶.

1939

«Чехословацкий вопрос» исчезает и со страниц Дневника Майского. Исчезает настолько, что даже события 14–15 марта 1939 г., приведшие к расчленению Чехо-Словакии (так она стала называться после Мюнхена), упоминаются как бы мимоходом, вскользь. Оккупация Чешских земель, включение их под названием Протекторат Богемия и Моравия в состав третьего рейха, создание по воле Гитлера формально самостоятельного Словацкого государства остались, если судить по Дневнику, вне поля зрения советского посла.

В записях первой половины 1939 г. Чехо-Словакия появляется только в связи с телеграммой Э.Бенеша в Лигу Наций. Эмигрировав из страны в октябре 1938 г. сначала в Англию, затем в США, он возглавил там борьбу за восстановление ЧСР в домюнхенских границах. 22 мая с 12 часов началось председательствование Майского в Совете Лиги Наций.

⁶³ *Год кризиса. Т.1. С.78.*

⁶⁴ *Там же. С.115*

⁶⁵ *Там же. С.161.*

⁶⁶ *Там же. С.281.*

Телеграмма Бенеша, протестовавшего против расчленения Чехословакии и оккупации части ее территории гитлеровской Германией, была получена еще на имя Р.Сандлера (министра иностранных дел Швеции), который выполнял функции председателя Совета ранее. По словам Майского, эта телеграмма стала *«поперек горла»* генеральному секретарю Лиги Наций Р.Авенюлю. По соглашению с ним *«Сандлер решил по поводу телеграммы ничего не делать и даже не сообщать ее членам Совета»*. Майский настаивал на оглашении телеграммы, но встретил упорное сопротивление Авенюля и Сандлера. *«Остальные члены Совета сидели, как идолы, уткнув носы в бумаги, точно не замечая ничего происходящего»*. Галифакс и Бонне возражали против предложения Майского, получившего поддержку только представителя Новой Зеландии. Авенюль заявил: *«Наша конституция запрещает оглашать на Совете и Ассамблее документы, поступающие от частных лиц, а не от правительств. Мы все очень уважаем д-ра Бенеша, но в настоящее время он – не президент Чехословацкой республики, а профессор университета в Чикаго. К тому же он не был насильственно лишен своего президентского поста, а сам вполне свободно вышел в отставку»*. Майский заявил, что *«в делах подобного рода опасно перегибать палку легализма. Мы все хорошо знаем, при каких обстоятельствах д-р Бенеш перестал быть президентом Чехословацкой республики, и для нас, равно как и для общественного мнения всего мира, он никак не может быть сейчас только частным лицом, не имеющим права говорить от лица своей страны»*. Выход из создавшегося положения по инициативе Майского все же был найден: советский полпред от имени своего правительства обратился с письмом к Авенюлю с просьбой довести текст прилагаемой телеграммы (ее копия была направлена в Москву) до сведения Ассамблеи⁶⁷.

Следующая запись, касающаяся Чехословакии, датирована 23 августа 1939 г. и посвящена встрече с Бенешем⁶⁸, вернувшимся в июле из США в Европу и поселившимся в Лондоне. Инициатором встречи являлся Майский: *«У меня завтракал Бенеш. Маленький, худощавый, подвижной с живыми глазами и седеющими волосами человек. Беседовали вдвоем»*. Поблагодарив Майского за акцию в связи с телеграммой в Лиге Наций, Бенеш сообщил ему о своих планах создания чехословац-

⁶⁷ АВП РФ. Ф.017а. Оп.1. П.1. Д.6. Л.139–142

⁶⁸ Там же. Л.219–222. Опубликовано в: ДВП. 1939 г. Т.ХХII. Кн.1. С.644–646.

кого правительства в эмиграции и чехословацкой армии во Франции, об отношении к этим планам США и Англии, о своих тесных связях с Родиной. *«Он казался несколько озабоченным сообщением прессы о визите Риббентропа в Москву для подписания пакта о ненападении, но не обнаруживал большого волнения»*, – записал Майский.

Ныне опубликованная запись беседы, сделанная Бенешем, позволяет судить о некоторых различиях (по сути и в акцентах) в подходах собеседников к обсуждавшимся проблемам. Например, Бенеш зафиксировал интерес Майского к личности генерала Л.Прхалы⁶⁹, эмигрировавшего из протектората и обосновавшегося в Польше. Далее Бенеш достаточно подробно изложил аргументы Майского, касавшиеся заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. (англичане и французы обращались с Советами, как «с дальним бедным родственником», поляки вели себя «до невозможности оскорбительно», хотели получить «материал, танки, орудия, боеприпасы и прочее, но ни один советский солдат не смеет вступить на польскую землю...немцы займут всю Польшу, а русские не посмеют даже пошевелиться – абсурдно»). Речь велась и о том, обсуждался ли вопрос о Чехословакии во время переговоров СССР с западными державами в июле, а также о том, как скоро «Гитлер пойдет на Польшу» и какова в этом случае будет позиция СССР. Майский, по словам Бенеша, сказал: «мы, конечно, не останемся в стороне». Советский полпред еще раз осудил Мюнхен, заявив: «то, что случилось в сентябре 1938 г. фатально и для других...поляки уже расплачиваются за это и будут еще платить». Интересны общие впечатления о разговоре, зафиксированные Бенешем: «они (СССР – В.М.) хотят войны, готовили ее сознательно и полагают, что ни Польша, ни Германия, ни Англия не могут повернуть назад, и что война начнется – они резервируют свои действия (на этот случай – В.М.). У меня не осталось все это плохого впечатления, и я думал, что они сохраняют возможность и далее вести переговоры с западной Европой, но на следующий день, когда я увидел текст пакта, мне показалось, что дело обстоит хуже, что они тем самым преградили себе путь (к переговорам – В.М.) и что это весьма грубая тактика по втягиванию Гитлера в войну... В общем, это означает, что они просто думают, что началась борьба между

⁶⁹ Л.Прхала, эмигрировавший из протектората, занимался в Польше формированием чехословацкой воинской части, в которую входили эмигранты из Чешских земель и Словакии.

капитализмом, нацизмом и фашизмом и что грядет мировая революция, которую они поднимут в подходящий момент, когда другие будут ослаблены войной»⁷⁰.

Эдвард Бенеш
(1884–1948 гг.)⁷¹

Следующая беседа Майского с Бенешем состоялась спустя примерно месяц, 21 сентября 1939 г.⁷² Теперь уже чехословацкий экс-президент принимал гостя. *«Был у Бенеша на 26 Gwendolen Avenue, Putny. Тихая улица, тихий уютный домик среднего интеллигента, тихие шаги скромной прислуги в доме, но дух этого дома совсем не тихий»*, – записал Майский в Дневнике. Поскольку опубликована и запись беседы, сделанная Бенешем, есть возможность их сопоставить⁷³. В Дневнике Майского упор сделан на том, что рассказывал Бенеш о *«своих делах»*. Подробно изложен вопрос о чехословацком легионе, интернированном на занятой Красной Армией восточной территории Польши,

и просьба Бенеша помочь переправить его во Францию⁷⁴, позиция британского правительства в вопросе создания чехословацкого правительства в эмиграции. Майского интересовало также отношение Бенеша к вопросу о вступлении советских войск на польскую территорию, начавшемся 17 сентября. Позиция Бенеша в этом вопросе зафиксирована Майским следующим образом: *«с полным одобрением. Он понимает и целиком сочувствует нашей политике. СССР иначе не мог поступить. Он просит только об одном: устроить так, чтобы СССР*

⁷⁰ *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939–červen 1943. Praha. 1998. S.74-75*

⁷¹ *Фотография с обложки книги: Edvard Beneš československý a evropský politik. Praha. 1994.*

⁷² *АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.6. Л.257–258. Опубликовано в: ДВП. 1939. Т.XXII. Кн.2. С.121–122.*

⁷³ *Československo-sovětské vztahy... S.86–87.*

⁷⁴ *Об интернировании и судьбе чехословацкого легиона под командованием Л.Свободы см. подробнее: Марьина В.В. Чехословацкий легион в СССР (1939–1941 гг.) // Вопросы истории. 1998. №2. С.58–73.*

имел общую границу со Словакией. Это очень важно. Я не знаю, каково будет правительство в будущей свободной Чехословакии, – воскликнул Бенеш, – но это для меня и безразлично. Я не имею возражений против советского правительства. Лишь бы Чехословакия была свободна и независима. Лишь бы она избавилась от германского ига». Ничего подобного, конечно, в записи Бенеша нет. Что это? Выдумка Майского? Видимо, все же – фиксация сказанного, которое пришлось по душе советскому полпреду. Что касается Бенеша, то, скорее всего, это был тактический ход, рассчитанный на получение поддержки со стороны СССР в вопросе создания чехословацкого правительства в эмиграции. Поразному в обеих записях изложен и вопрос о будущем Подкарпатской Руси, оккупированной 15 марта 1939 г. венграми⁷⁵. Майский записал: «Что же касается Рутении (Карпатской Украины), то она, по мнению Бенеша, непременно должна войти в состав УССР. Еще в бытность свою президентом Чехословацкой республики Бенеш мысленно всегда считал "Рутению" будущей частью СССР». Запись Бенеша выглядит иначе: сначала излагается позиция Майского относительно территорий, занятых Красной Армией: «все эти земли заберем мы», «мы эти земли в любом случае оставим себе, это – наше». Затем следует вопрос Бенеша о Подкарпатской Руси. В ответ Майский усмехнулся. Бенеш же заявил: «...Это наша земля (zeme), мы имеем право на нее... Для нас есть только два решения: или она будет нашей, или в случае, если они (СССР. – В.М.) будут нашими соседями и если потребуют ее, то мы ничего не имели бы против этого. Ни поляки, ни венгры, и особенно последние, ее не должны иметь». Отличие в изложении позиции Бенеша тут очевидно. И, скорее всего, она точнее (в контексте его последующих заявлений по этому вопросу) представлена в записи Бенеша, хотя не исключено, что в процессе устной беседы он мог излагать свои мысли несколько иначе. Важно то, что впоследствии, когда в марте 1945 г. в Москве обсуждался вопрос о судьбе Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины), Бенешу, чтобы напомнить ему его прежнюю позицию, был представлен документ, основанный на категоричной формулировке записи Дневника Майского. Это еще одно подтверждение мысли о том, что записи бесед как исторический источник не могут быть абсолютизированы, что они

⁷⁵ О судьбе Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины), ее присоединении к СССР см. подробнее: Марына В. Закарпатская Украина (Покарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003.

требуют к себе критического подхода и должны сопоставляться с другими документами в целях если не окончательного выяснения истины, то хотя бы приближения к ней. Подтверждением этого могут быть и слова Майского, записанные 5 января 1940 г.: «...*записи разговоров делаются постскриптум по памяти, и никогда нельзя быть уверенным в их точности*»⁷⁶.

Но вернемся к Дневнику Майского, где нашли некоторое отражение взгляды представителей английской политической элиты относительно будущего Чехословакии. Например, Г. Вильсон, главный советник британского правительства по вопросам промышленности, оказывавший влияние и на внешнюю политику страны, развивал перед Майским 28 октября 1939 г. свои представления о будущем Германии: она должна превратиться в «*свободную федерацию немецких государств*», а «*Чехословакия также могла бы стать членом германской федерации примерно на правах британского доминиона*». На обеде у знакомых Майского супругов Эллиот 30 октября речь велась о восстановлении Польши и Чехословакии, но, по мнению хозяев, «*конечно, не в их прежних границах*». Из разговора с английским газетным магнатом, деятелем консервативной партии У. Бивербруком 15 ноября: «*Польша? Чехословакия? Какое нам до них дело?*». Галифакс хотя и заявил Бенешу, что восстановление Чехословакии является одной из «*целей войны*» союзников, но о признании временного чехословацкого правительства только «*обещал подумать*». Во французских политических кругах вынашивались планы расчленения Германии и создания после войны Австро-Венгерской монархии с Отто Габсбургом во главе. В ее состав должны были войти Австрия, Бавария, Венгрия и Чехословакия⁷⁷. Отсюда понятна заинтересованность Бенеша в поддержке СССР в вопросе восстановления Чехословакии в домюнхенских границах. Майский тогда тоже был осторожен в этом вопросе, и запись Бенеша гласит: «*Я снова просил его помочь нам, не оставлять нас, [говорил], что мы на них рассчитываем, что рассчитываем на их соседство*»⁷⁸.

В вышеупомянутой чешской публикации есть запись беседы Масарика с Майским 25 октября 1939 г. В Дневнике Майского она отсутствует. Разговор шел о переговорах Бенеша в Париже, касавшихся созда-

⁷⁶ АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.7. Л.7.

⁷⁷ Там же. Д.6. Л.258, 302–304, 321, 330–331.

⁷⁸ *Československo-sovětské vztahy... S.87.*

ния временного чехословацкого правительства в эмиграции, о войне, о советско-английских отношениях после подписания советско-германского пакта о ненападении. В частности, Масарик записал: «Сталин не так глуп, чтобы верить Риббентропу, и М[айский] не верит, что Россия будет помогать Германии не только экономически, причем в очень незначительной степени... Ожидать какой-то благотворительности России по отношению к Германии было бы наивным. Что касается ЧС[Р], то Майский убежден, что русская политика последних недель для нас благоприятна и что в конце концов все образуется нам на радость... Майский хотя и был достаточно осторожен в критике Германии, но было ясно видно, что он верит в поражение Германии и что нынешние действия России являются переходной и выжидательной тактикой»⁷⁹.

Публикаторы упомянутого выше сборника ошибочно считают, что разговор Масарика с Майским 25 октября был последним официальным контактом между руководством чехословацкого заграничного сопротивления и советскими представителями⁸⁰, после чего эти контакты были на длительное время прерваны. На самом же деле последней была встреча Бенеша с Майским 21 ноября 1939 г., о чем есть запись в Дневнике: «Завтракали вместе с Бенешем. Он недавно вернулся из поездки в Париж и подробно рассказал мне о своих злоключениях»⁸¹. Далее речь шла о негативном отношении к Бенешу и идее создания временного чехословацкого правительства со стороны французского правительства и осторожно-выжидательном со стороны британского правительства, об образовании «Чехословацкого Национального комитета» и формировании во Франции чехословацкой армии. «Все эти неудачи с "демократиями", – записал Майский, – неизбежно отбрасывают Бенеша к СССР. Он и раньше мне много говорил о необходимости для ЧС поддерживать тесные связи с СССР, но никогда еще не был так определен, как сегодня. Бенеш заявил, что не мыслит себе дальнейшего исторического существования ЧС без самой близкой, самой нераздельной связи с СССР. Он давал понять, что при известных условиях допускает федеративную связь между своей страной и Советским Союзом.

⁷⁹ Československo-sovětské vztahy... S.91.

⁸⁰ Ibid. S.92 (примечание 4 к док. №29).

⁸¹ АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.6. Л.330–331. Опубликовано в: ДВП. 1939. Т.XXII. Кн.2. С.326–327.

Именно ввиду таких соображений Бенеш считает абсолютно необходимым установление общей границы между ЧС и СССР. Это может быть достигнуто двумя путями: включение Карпатской Украины либо в состав ЧС, либо в состав СССР. Бенешу безразлично, какая из этих двух альтернатив будет принята. Ему важна лишь общая граница между обоими государствами. Венгрия не имеет ни малейших прав владеть Карпатской Украиной. Имейте в виду, – сказал Бенеш, – что, если бы на протяжении войны в Германии произошла социалистическая революция, если бы в результате ее в Германии разыгралась гражданская война, если бы в этой войне "Запад" стал поддерживать контрреволюцию, а "Восток" – революцию, – ЧС, конечно, оказалась бы на стороне "Востока"»⁸². Последнее подтверждается и разговором Бенеша с корреспондентом ТАСС в Лондоне А.Ротштейном 13 ноября 1939 г.⁸³

В дневнике Майского зафиксированы две его встречи с Черчиллем в октябре–ноябре 1939 г., свидетельствующие о настроениях последнего в то время. Вот беседа 6 октября. Черчилль говорит, что некоторые из его друзей рекомендуют мир с Германией: *«Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучшие коммунизм, чем нацизм»*⁸⁴. Логично предположить, что Бенеш, несомненно, знавший о позициях Черчилля, также предпочитал тогда видеть восстановленную Чехословакию скорее под коммунистическим правлением, чем под нацистским ярмом. В общем не расходились взгляды обоих политиков и по вопросу о действиях СССР в Прибалтике. 6 октября Майский записал мнение Черчилля: *«По существу же последние действия совпра в Прибалтике соответствуют интересам Англии, ибо они сокращают возможный "лебенсraum" (жизненное пространство. – В.М.) Гитлера. Если балтийские страны должны потерять свою самостоятельность, то лучше, чтобы они включились в советскую, а не в германскую государственную систему. К тому же включение этих стран в орбиту СССР соответствует тенденциям истории и географии, а стало быть, стабилизации и миру в Восточной Европе»*. Тогда Черчилль не считал неоправданными и претензии СССР

⁸² Там же.

⁸³ Československo-sovětské vztahy... S.92 (примечание 4 к док. №29).

⁸⁴ АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.6. Л.272.

к Финляндии. 13 ноября в беседе с Майским он заявил: *«Россия имеет все основания и должна быть доминирующей державой на Балтийском море. Пусть лучше Россия, чем Германия. Это наш британский интерес. Я не вижу, почему мы должны вам ставить палки в колеса, когда вы создаете себе морские и воздушные базы на балтийском берегу. Ваши претензии к Финляндии я нахожу вполне естественными и нормальными... Конечно, вы вправе требовать у финнов ректификации границы на Карельском перешейке и передачу вам нескольких островов в Финском заливе... Чем сильнее будут ваши позиции на Балтике, тем лучше для вас и для нас, ибо тем хуже для Германии»*. Вместе с тем Черчилль выражал надежду, что *«СССР не прибегнет к силе для разрешения своего спора с Финляндией. Если бы СССР пошел по такому пути, то – вы сами понимаете – это произвело бы самое тягостное впечатление в Англии и надолго сделало бы невозможным улучшение англо-советских отношений»*⁸⁵.

В той же беседе Черчилль выразил и свое отношение к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г.: *«Ваш пакт о ненападении с Германией развязал войну, но я не в претензии на вас. Я даже доволен. Я давно уже чувствовал, что нужна война с Германией. Без вашего пакта мы колебались бы, тянули бы и, наконец, дотянулись бы до того момента, когда бы уже не могли выиграть войны. А теперь мы ее выиграем, хотя это и будет нам дорого стоить»*⁸⁶.

Все эти взгляды и оценки как нельзя более точно переплетаются со взглядами Бенеша на соответствующие вопросы. В декабре 1939 г. прекратило существование чехословацкое посольство в Москве, Фирлингер⁸⁷ отбыл в Лондон, а в СССР прибыл словацкий посланник; началась советско-финская война, которая страшно осложнила и без того натянутые советско-английские отношения и вызвала волну антисоветских настроений в мире. Наступил «официальный вакуум» и в советско-чехословацких отношениях.

⁸⁵ Там же. Л.314–316.

⁸⁶ Там же. Л.117.

⁸⁷ Зденек Фирлингер (1891–1976) – чехословацкий политический и государственный деятель, дипломат. В 1937–1939 гг. – чехословацкий полпред в Москве, 1940–начало 1941 гг. – в эмиграции в Париже и Лондоне, в 1941–1945 гг. – чехословацкий посол в Москве, 1945 – начало 1946 гг. – председатель Первого правительства Национального фронта чехов и словаков.

1940

В Дневнике Майского за 1940 г. не зафиксировано ни одной официальной встречи с представителями чехословацкой эмиграции, хотя Бенеш с Майским обменялись несколькими письмами⁸⁸, касавшимися судьбы интернированного в СССР чехословацкого легиона. Однако и в это время контакты на неофициальном уровне имели место (Майский встречался с З.Фирлингером и бывшим чехословацким военным атташе в Англии Я.Каллой), вопросы сотрудничества обсуждались представителями советской и чехословацкой разведок⁸⁹.

В Дневнике Майского в 1940 г. имеются лишь «глухие» ссылки на контакты с чехословацкими деятелями: «из чешских источников сообщают», «чехи сообщают». Например, 20 января советский полпред записал: «Положение Бенеша довольно затруднительное. До сих пор политика его состояла в том, чтобы балансировать между англо-французами, с одной стороны, и сов[етским] пра[вительством], с другой. Теперь, в связи с признанием Словакии Советским Союзом⁹⁰ и лишением Фирлингера его официального положения в Москве, эта задача сильно усложняется. Бенеш боится, что он будет "съеден" Англией и Францией, в результате чего могут повториться ошибки 1914–1918 гг. Поэтому настроение у Бенеша сейчас довольно пессимистическое»⁹¹. Неясно, то ли это комментарий Майского к полученной информации, то ли мнение самого информатора.

После падения Франции (июнь 1940 г.) Майский зафиксировал появление следующих настроений в чехословацкой эмиграции: «Они сейчас совершенно потеряли веру в союзников. Если раньше Бенеш, как он объяснял мне, хотел балансировать между союзниками на Западе и СССР на Востоке, то теперь чехословаки все больше жмутся к СССР

⁸⁸ Československo-sovětské vztahy... S.115, 139.

⁸⁹ Ibid. S.117, 120, 150, 152, 155, 157, 159, 166, 167, 169. О контактах советской и чехословацкой разведок в 1940–1941 гг. см.: Марьина В. Втайне от Берлина и Лондона // Россия XXI. 2001. №3. С.116–151.

⁹⁰ О советско-словацких отношениях в 1939–1941 гг. см. подробнее: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С.198–241; Marjínová V. "Brána na Balkán". Slovensko v geopolitických plánech SSSR a Německa v letech 1939–41 // Soudobé dějiny. Praha. 1994. №6. S.827–846.

⁹¹ АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.7. Л.21.

и видят в нем свое единственное спасение. Они теперь готовы сказать: «Пусть будет советская ЧС, но ЧС!»⁹²

12 сентября в Дневник вклеен написанный от руки документ, озаглавленный «Беседа с Бенешем» и подписанный инициалами А.Р. Это информация, подготовленная вышеупомянутым корреспондентом ТАСС Ротштейном. Она, судя по пометам красным карандашом, была внимательно изучена Майским и ввиду ее важности вклеена в Дневник⁹³. Начинается документ так: «Он (Бенеш. – В.М.) меня вызвал, чтобы поставить Майскому два вопроса: 1. Нельзя ли пролить больше света на отношение советского правительства к чехословацкому временному правительству? (подчеркнуто, как и далее, в оригинале. – В.М.) 2. Нельзя ли установить какой-нибудь неофициальный контакт с советским правительством в какой угодно форме? Майскому как будто неудобно встречаться с ним лично». Далее говорилось о причинах, побудивших Бенеша «поставить эти вопросы именно теперь: он теперь признан главой чехословацкого государства⁹⁴... Он должен иметь собственную самостоятельную политику. Для этого ему необходимо знать отношение СССР к Чехословакии и к нему. Его линия остается неизменной: он не мыслит себе существование Чехословакии без дружбы с СССР. Об этом он говорил с Черчиллем и с королем, в присутствии Черчилля. Оба раза Черчилль категорически заявил, что ни в коем случае он не допустит конфликта с СССР...». Затем сообщалось о предложениях, полученных «людьми Бенеша» в «одной скандинавской стране», в Праге и Бухаресте от «советских лиц», об установлении неофициальных контактов и направлении чехословацкой военной миссии в СССР. «Бенеш понимает, – говорилось в информации, – причины крайней сдержанности, с которой советское правительство относится к британскому правительству, но эта сдержанность необязательно должна быть распространена на Чехословакию. Ни Чехословакия, ни он лично этого не заслужили (тут он перечислил все свои усилия с 1917 г. установить дружбу с СССР). Он находится в постоянном контакте со своей страной, получает каждодневно 20–30 писем и знает, что народ за него и за СССР. Вместе с тем советское

⁹² Там же. Л.198.

⁹³ Там же. Л.295–296.

⁹⁴ В июле 1940 г. Англия признала Чехословацкий национальный комитет, созданный осенью 1939 г., в качестве временного чехословацкого правительства в эмиграции.

признание Словакии⁹⁵ было горьким разочарованием для многих. Величайшей катастрофой для Чехословакии, против чего он боролся бы до конца, была бы советско-британская война. Если в результате нынешней войны в Чехословакии будет советская революция и народ этого пожелает, он это примет и уступит место коммунистам. Советская Чехословакия будет, все-таки Чехословакией, а под германским игом она не будет существовать вообще. Бенеш не менее четырех раз в течение беседы как будто случайно говорил, что он лично готов поехать в Москву, и несколько раз также заявил, что если бы чехословацкому временно-му правительству была бы дана возможность работать на территории СССР, оно могло бы туда переехать». Кроме того, согласно информации Ротштейна, Бенеш «жаловался на чехословацких коммунистов», которые разлагают армию, отрицал свою причастность к аресту британскими властями «т.т. Крейбих и Бейер». Не известно, сообщал ли Майский о полученной информации в Москву, но официальной советской реакции, судя по Дневнику, не последовало. Возможно, косвенным отражением этого явилась активизация советско-чехословацких контактов по линии разведок в конце 1940 – начале 1941 г. Но это лишь предположение.

Указанная информация была последним в Дневнике Майского упоминанием о Чехословакии, чехословацком вопросе, Бенеше. И даже в июле 1941 г., когда Майский по поручению советского правительства вел переговоры с Бенешем о восстановлении дипломатических отношений с Чехословакией и подписании советско-чехословацкого Соглашения, это, казалось бы важное, событие, не получило отражения на страницах Дневника. Причину этого объяснить трудно, хотя можно предположить, что оно, это событие, осталось как бы на периферии внимания советского полпреда, поглощенного валом других, более значимых в это время, на его взгляд, событий.

Представленные читателю свидетельства Дневника Майского, думается, являются интересными с точки зрения исследования вопроса о складывании советско-чехословацких отношений в указанные годы и дают дополнительный материал к размышлениям о позиции обеих сторон, хотя, несомненно, требуют осторожного подхода и сопоставления с другими источниками.

⁹⁵ 15 сентября 1939 г. СССР, пока негласно, установил дипломатические отношения со Словакией. В декабре 1939 г. словацкий посол прибыл в Москву, где было ликвидировано функционировавшее до тех пор чехословацкое постпредство во главе с З.Фирлингером.

Виктор Мальков

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

ПРИБАЛТИЙСКИЙ УЗЕЛ.
1939–1940 гг.

ПО МАТЕРИАЛАМ АМЕРИКАНСКИХ
АРХИВОВ

An American diplomat and historian George Kennan in his celebrated «Long Telegram» (1946), which made such a strong impact in American official circles warned against assuming the Soviet foreign policy as entirely based on nationalistic cynicism or imperial ambitions. The USSR, he wrote «is neither schematic nor adventuristic». Thus the mere logic (though not the only one) prompts us that Stalin saw in the Secret protocols to the Molotov–Ribbentrop Pact of August 23, 1939 not only the means of achieving some intermediate aims in his drive for restoration of a full-scale Russian power and a step toward the direction which was governed by the idea of world revolution, but in the first place as the most necessary attempt in creation of a security belt on the whole perimeter of the Soviet western boundaries. Winston Churchill described these steps made in the war crisis atmosphere of 1939–1940 as motivated by rational Soviet feelings of deep insecurity in view of the Nazi move through eastwards and introduced the term «the Eastern bulwark» for designation of the territorial changes, occurred with the pushing westward of the Soviet boundaries in the second part of 1940 during the dramatic events which have followed the capitulation of France in June 1940. The documents from the U.S. diplomatic archives cited in the article underscore the validity of this conclusion.

Историческая наука дает нам массу примеров того, как соблазнительно бывает сконструировать свой спроецированный в прошлое воображаемый мир, в котором все ладно скроено и превосходно пригнано: причинно-следственные связи, иерархия факторов развития, движущие силы, общее и особенное, локальное и интернациональное, свет и тени, добро и зло. Порой это получается само собой по мере удаления во времени от реальных событий, стирания многих из их неповторимых черт, исчезновения живых свидетелей, либо, как замечал Марк Блок, благодаря колебаниям коллективного сознания или личной прихоти¹. Расплата наступает мгновенно, дидактика, а возможно жажда реванша вытесняют хладнокровный, беспристрастный анализ, всякое ощущение исторического времени пропадает начисто, а историк видит себя прокурором в судебном заседании, обязанным выносить приговор, казнить или миловать. А между тем идеологизация исторического мышления – одна из самых опасных современных болезней, ибо она своим строительным материалом делает главным образом «новость», которая утратила во многом прежнее значение факта и приобрела новое значение, дающее возможность очень часто представить фрагмент истории за всю историю без остатка. Нужно ли говорить, что вдвойне опасна попытка дать объяснение внешнеполитическим акциям государств в разгар международного конфликта, оставаясь в сфере чистой мысли или морали, минуя всю совокупность фактов в связи с реальными обстоятельствами, их породившими. История имеет несколько измерений, и нигде это не дает так себя знать, как в ситуации предвоенного кризиса.

Каким видится сегодня многим мировое сообщество, которое сложилось к началу Второй мировой войны? Порой складывается впечатление, что его рисуют методом дихотомического рассечения: по одну сторону беспощадные ко всему живому тоталитарные державы (включая Советский Союз под сталинским диктатом), по другую – жертвы агрессии, расколотые и растерянные, застигнутые врасплох вероломством агрессоров и их пособников, придушенные петлей-удавкой с двух сторон – с Запада и Востока. Резонно ставится вопрос о нравственной стороне дипломатии Сталина, но в таком случае не мешало бы спросить, а сохранялось ли в то время общее чувство чести, гуманности и верности обязательствам? Не ближе ли тогда было всем странам, в том числе и ставшим объектом агрессии, понятие национальных интересов в очень узком, эгоистическом и циничном смысле, но, по-видимому, бо-

¹ Блок М. *Апология истории или ремесло историка*. М., 1973. С.77.

лее адекватно отражавшем тогдашние реалии мировой политики, когда народы оставались глухи к тонушим в звуках военных маршей призывам дорожить общечеловеческими приоритетами, а политики вообще не задумывались над этим?² Ответ на оба эти вопроса находим у важного свидетеля событий того времени, у английского писателя и автора знаменитой антиутопии Джорджа Оруэлла. В одном из своих эссе, написанном в 1944 г., он констатировал: «Примерно с 1930 года мир не представляет никаких аргументов для оптимизма. Вокруг одна только ложь, ненависть, жестокость, невежество, сплетающиеся в тугую узел»³.

Историю нельзя превращать в служанку политики – это общее место, которому сегодня присягает каждый. Но, согласимся, желание достигнуть консенсуса делает подчас историю заложницей компромисса. И вот, как и следовало ожидать (мы к этому уже привыкли), одна мифологема в духе плоской апологетики внешней политики СССР в предвоенные годы сменяется другой – нигилистическим отрицанием за ней всякого рационального начала. Это относится ко всем ее направлениям – и особенно к прибалтийскому⁴. Конечно, здесь расположено нервное

² Пресловутые секретные протоколы к дипломатическим документам были для того времени таким же обычным делом, как пакты о взаимопомощи или понятие «сферы интересов» (См.: Taylor A.J.P. *The Origins of the Second World War*. Middlesex, 1964. P.318).

³ Оруэлл Дж. *Мысли в пути*. М., 2003. С.84.

⁴ О засилье «поточного сознания» в современной российской историографии (и массовой индустрии) Второй мировой войны см.: Смирнов И. *ИнтерНАЦИОНАЛ // Россия XXI*. 2004. №6. С.50–69. – Мы сталкиваемся с одной интересной особенностью новейших исследований начального периода Второй мировой войны, многие авторы которых трудятся на постсоветском пространстве, в особенности тех из них, которые представляют академическую науку прибалтийских стран, а также стран Восточной Европы. Знакомясь с ними, замечаешь, что чаще всего мотивы Москвы представляются как стремление к возвращению СССР статуса великой державы, т.е. восстановления того положения, которое занимала Россия до ее поражения в Первой мировой войне. Утверждается, что задачи обеспечения национальной безопасности, а стало быть, германский фактор были не главными, побуждающими сталинское руководство добиваться присоединения Прибалтики к СССР. «Захват», «бессрочная оккупация» – эти термины приобретают инструментальное значение в понимании отношений между современной Россией и современными странами Балтии. Если бы Советский Союз связывало с этими странами что-то другое (и прежде всего пресловутый германский фактор), то после победы над Германией, утверждает Н.С.Лебедева, Москва предоставила бы независимость трем странам Балтии (Лебедева Н.С. Германия и присоединение Литвы к СССР // Меж-

сплетение неутраченной жаркой полемики, способной вызвать болезненную реакцию любой из сторон. Но, право же, это не избавляет всех, кто и в самом деле добивается истины, вновь и вновь задавать трудные или щекотливые вопросы, а в поисках ответа на них (как говорит А.С.Пушкин, для успокоения «исторической совести»⁵) опираться на доказательные рассуждения и не изменять критическому методу.

Простая логика подсказывает (сегодня, разумеется, есть и множество прямых и косвенных признаков⁶), что Сталин видел в секретных протоколах к советско-германскому пакту о ненападении 23 августа 1939 г.⁷ средство достижения своих далеко идущих расчетов, чем бы они ни были вызваны, включая идеи восстановления территориальной целостности страны в границах до 1914 г. или расширения зоны мирового социализма. Но в возникшей на пороге войны экстремальной ситуации у Кремля были, разумеется, и другие жизненно важные и вполне объяснимые военно-стратегические интересы. У Черчилля называл тогда это «реалистической политикой» создания «Восточного вала», о чем он говорил публично и позднее в своем труде о Второй мировой войне⁸.

дународный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С.261). Хотелось бы напомнить сторонникам такой точки зрения, что ни Рузвельт, ни Черчилль не брались гарантировать исчезновение германского фактора после Второй мировой войны. Холодная война добавила тревоги Кремлю за безопасность границ СССР.

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т.10. Л., 1979. С.407.

⁶ Данная тема рассмотрена в новой интереснейшей книге: Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах. Документальные очерки. М., 2006. С.207–257.

⁷ Секретный дополнительный протокол // Новая и новейшая история. 1993. №1. С.89.

⁸ См. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.1. Т.1–2. М., 1991. С.180; Он же. Мускулы мира. М., 2003. С.128, 142, 145. – Многие наблюдатели в Америке и в других странах даже в самые неблагоприятные для советской внешней политики месяцы (лето 1940 г.) отдавали должное рассудочности английского общественного мнения. Так, например, на это указывал министр чехословацкого правительства в эмиграции Ян Масарик в своей беседе с экспертом госдепартамента США профессором С.Харпером 18 июля 1940 г. (Library of Congress /далее – LC/. Loy Henderson Papers. Box 1. S.N.Harper to Henderson. July 18, 1940). Уместно, пожалуй, заметить, что ссылки на Черчилля не популярны среди историков «новой волны», отвергающих всякое положительное значение «официальной советской историографии» (см., например, Польша – СССР 1945–1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого / Отв. ред. Э.Дурачинский, А.Н.Сахаров. М., 2005).

Могут сказать: Черчилль являлся «заинтересованным лицом», стало быть, его оценка не может быть признана беспристрастной. Вот почему важно посмотреть на этот вопрос «с другого угла», глазами наблюдателей, представлявших собой нейтральную сторону и не испытывавших к целям СССР (особенно после начала советско-финской войны) ни малейшего расположения, не говоря уже о сочувствии. Имеются в виду американские дипломаты, работавшие в 1939, 1940 годах в Эстонии, Латвии и Литве.

Самое заметное место среди них принадлежало Джону Куперу Вайли, с 1914 г. работавшему на дипломатических постах в Париже, Гааге, ряде стран Латинской Америки. Когда в 1933 г. были восстановлены дипломатические отношения СССР и США, Вайли приехал в Москву в качестве главного советника американского посла. В 1938 г. Вайли – временный поверенный в делах США в Австрии, а затем (вплоть до лета 1940 г.) посланник в Эстонии и Латвии. В годы Второй мировой войны и после нее он успел побывать послом США в Колумбии, Португалии, Иране и Панаме (последний пост). В официальном издании дипломатических документов США донесениям Вайли (так же как и других его коллег) из Риги и Таллинна отведено скромное место – полтора десятка документов, максимум конкретной информации и минимум анализа. Как будто бы некто потрудился с целью отжать, отфильтровать только самое необходимое и самое, по правде сказать, тривиальное. Но, оказывается, существуют и другие донесения Вайли и его коллег, аналитические по своему характеру, интересные оценкой прибалтийской ситуации в контексте развития общеевропейского кризиса. Они хранятся в Библиотеке Конгресса в фонде Лоя Гендерсона, коллеги Вайли (они вместе работали в посольстве США в Москве много лет), бывшего в 40-е годы заместителем заведующего европейским отделом госдепартамента. Дальнейшие наши рассуждения мы будем строить главным образом на этих документах⁹.

Нужно ли говорить, что американские дипломаты в странах Балтии занимали наивыгоднейшие позиции, т.к. они представляли нейтральную страну и могли не чувствовать себя связанными какими бы то ни было обязательствами перед западными демократиями (Великобританией и Францией), строившими все свои планы в 1938, 1939 годах, как писал видный сотрудник госдепартамента, дипломат и ученый Герберт Фейс, «на уверенности, что даже если Гитлер начнет наступление, то на Вос-

⁹ LC. Loy Henderson Papers.

ток, и Советский Союз первым подвергнется нападению»¹⁰. Разные люди, разные характеры и судьбы, но единый взгляд на будущее Европы: континент по собственной инициативе оказался на пороге большой войны и межевания «сфер государственных интересов». Соответственно и действия ведущих держав рассматривались с точки зрения их стратегической обусловленности. Выигрыш или просто более удачное расположение сил одних означали смертельную опасность для других. Противники закапывались в землю, маневрировали и захватывали выгодные плацдармы, готовясь к решающей схватке.

* * *

Между тем для СССР война фактически началась летом 1938 г. На Дальнем Востоке он был втянут в многочисленные приграничные бои с Японией. Сошлемся на оценку этих событий видным американским правительственным экспертом по советско-американским отношениям, отвечавшим в 90-х годах прошлого века за «советское направление» в Совете национальной безопасности США, бывшим главой отдела морских операций группы стратегических исследований, дипломатом и разведчиком Маршаллом Брементом. В своей статье «Халхин-Гол», опубликованной (1994) в авторитетном американском журнале «Ежеквартальник военной истории», он писал: *«Командующий японской Квантунской армией публично заявил в октябре 1937 г., что Советская Россия должна быть разгромлена его войсками для того, чтобы уничтожить коммунистическое влияние в Китае. Летом 1938 г. японцы развязали большое столкновение на озере Хасан, в семидесяти милях от Владивостока... К весне 1939 г. в Токио почувствовали, что реальная возможность германской агрессии против Советского Союза, а также внутреннее ослабление Красной Армии в результате "чисток" подрывают способности Сталина к развертыванию больших сил на Дальнем Востоке. Японцы поставили своей целью добиться от Советов политических и территориальных уступок. Квантунская армия, жаждущая реванша за поражение на озере Хасан, внезапно нанесла удар на реке Халхин-Гол 28 мая 1939 г. ... Большой разгром советских войск мог бы создать смертельную угрозу позициям Советского Союза на Дальнем Востоке и в конечном счете развязал бы*

¹⁰ Фейс Г. Черчилль, Рузвельт, Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С.7.

*Японии руки для продолжения агрессии в этом районе»*¹¹. Другими словами, конфликт, развязанный Японией, мог стать прелюдией к полномасштабной войне.

Автоматически, с железной логикой поражение Красной Армии на Халхин-Голе повлекло бы самые неблагоприятные (если не катастрофические) последствия для безопасности Советского Союза в главной военноопасной зоне предвоенного кризиса в Европе. Маршалл Бремент не случайно, хорошо чувствуя драматизм ситуации, в которой оказалось советское руководство, начинает свою статью о сражении на Халхин-Голе сценой ожидания Сталиным завершения переговоров между Молотовым и Риббентропом о заключении Пакта о ненападении. Его подписание произошло 23 августа 1939 г., через три дня после начала контрнаступления Г.К.Жукова на Халхин-Голе, когда было далеко еще не ясно, чем закончатся бои. В Москве могли ожидать всего чего угодно, но, к счастью, как замечает Бремент, для Советского Союза победа Г.К.Жукова означала, что *«Красной Армии предстоит в будущем воевать только на одном фронте, против нацистов»*¹².

Ни о какой превентивной, наступательной операции на Западе со стороны СССР не могло быть и речи (японцы в любой момент могли пересмотреть свое решение о приостановке боевых действий на советско-маньчжурской границе)¹³. Заключенное 24 июля 1939 г. соглашение между Англией и Японией, фактически означавшее признание японских захватов в Китае (соглашение Арита–Крейги), отсутствие надежных союзников создавали для СССР самый неблагоприятный фон. Любой его неосторожный шаг мог спровоцировать Германию на ответные меры дипломатического или военного характера. Например, достижение соглашения с Западом по типу мюнхенского. Первыми, кто назвал положение Советского Союза трудноразрешимым (или безнадежным), в особенности из-за неприкрытого коридора предполагаемого вторжения вермахта в СССР через территорию Прибалтики и Финляндии, были американские дипломаты.

Заявив еще в 1938 г. об абсолютном нейтралитете, а в 1939 г. отвергнув гарантии своей безопасности как со стороны Англии, Франции так и

¹¹ Brement M. Khalkhin-Gol // *Quarterly Journal of Military History*. Spring 1994. Vol.6. 3. P.81–84.

¹² *Ibid.* P.88.

¹³ См.: Позняков В.В. *Разведывательные службы СССР, Великобритании и США: оценки международной ситуации и перспектив ее развития (август 1939 – июнь 1941 гг.) // Международный кризис 1939–1941 гг. С.332, 334.*

СССР¹⁴, страны Балтии не могли вопреки ожиданиям рассчитывать на то, чтобы сохранить свою независимость в случае ухудшения советско-германских отношений. Таков был лейтмотив дипломатической переписки представителей США в странах Балтии с Вашингтоном. Либо Германия, как писал в своем сообщении в государственный департамент США 3 октября 1939 г. Вайли, «начнет пробиваться на восток», либо будет применена «советская превентивная тактика в Польше»¹⁵. На войне как на войне. Один из уроков советско-японской «пробы оружия» – необходимость накопления сил на наиболее опасных направлениях и воспрепятствования созданию во всех отношениях удобного плацдарма для «возможного агрессора», в данном случае «в лице рейха». Этот урок был усвоен Москвой по крайней мере в теории и не оставлен без внимания американскими дипломатами в Европе, в своем домашнем анализе просчитывавшими ходы всех участников этой запутанной партии с множеством ложных маневров и ловушек под маркой «вечной дружбы».

Повторим еще раз, что Вайли ни в коем случае не был сторонником большевизма и был изначально против привлечения СССР, как он выражался, во «фронт мира», т.е. в коалицию антинацистских сил. В этом он держал сторону Чемберлена и политического руководства прибалтийских стран. Однако тут же мысль его постоянно натыкалась на неразрешимую проблему – изоляция СССР от Прибалтики означала одновременно быстрое увеличение влияния нацистской Германии: природа не терпит вакуума. *«Большим злом в развитии всего балтийского региона, – писал Вайли Гендерсону 29 июля 1939 г., – является успех пропаганды "стран оси" по части убеждения латвийской и литовской знати (notables), как гражданской, так и военной, в неодолимом превосходстве Германии и Италии. Германская и итальянская пропаганда, особенно радиопропаганда, действуют очень активно, и фактически ей ничего не противопоставляется. Во всяком случае, если Германия в войне не потерпит поражения, то у Советского Союза нет особых надежд когда-либо стать доминирующей силой в этой части Европы. Влияние Германии и ее военная мощь являются слишком значительными на Балтике»*¹⁶.

¹⁴ Зунда А. Страны Балтии и Соединенное Королевство в начале Второй мировой войны (1939–1941 гг.) // *Международный кризис 1939–1941 гг.* С. 440.

¹⁵ *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). The Soviet Union 1933–1939. Washington, 1952. P. 949–952.*

¹⁶ *LC. Box 2. John C. Wiley to Henderson. July 29, 1939.*

Слова о «большом зле» не случайно сорвались с кончика пера Вайли. Методическое, заранее спланированное продвижение нацистского влияния (в различных формах) вызывало большую озабоченность американских дипломатов, с конца 1938 г. понимавших, что этот процесс после Мюнхена ведет к дальнейшему нарушению равновесия в Европе, ее последовательной нацификации. Нацизм устремлялся на Восток, и хотя это обстоятельство приносило определенное успокоение, но в то же время оно не снимало тревоги за общее усиление Германии путем поглощения или превращения малых стран и целых регионов в послушных спутников третьего рейха. Эти мысли проходили красной нитью в посланиях американских дипломатов. Вайли географически находился еще не на самой «передовой линии». Его коллеги в столице Литвы Каунасе лучше ощущали «порывы ветра» с Запада.

27 января 1939 г., предсказывая в скором времени присоединение к Германии Мемеля (Клайпеды), посланник США в Каунасе О.Норем писал Гендерсону: *«Развитие идет так, как ожидалось. Немцы в Мемеле (речь идет о немецком населении Клайпеды. – В.М.) очень тщательно выбирают слова и время действий. Они требуют то одного, то другого, но таким тоном, что получают все это. Если необходимо, они игнорируют центральное правительство Литвы... Вы спрашивали о Виленском коридоре (речь шла о возможном проходе немецких войск к границам СССР через территорию Виленского края, входившего тогда в состав Польши. – В.М.). Я не помню, ответил ли я Вам на этот запрос или нет, но я сомневаюсь, что немцы предпримут здесь какие-либо действия. Местность здесь заброшенная и может быть использована только с активной помощью поляков (в Вашингтоне считали такой вариант возможным. – В.М.). Германские военные предпочитают более удобный маршрут в юго-восточном направлении через Чехословакию в Румынию. Болгария сохранит с Германией дружественные отношения, а Румыния капитулирует. Украина в конечном счете станет, возможно, независимой республикой (германское влияние, конечно, здесь будет ощущаться). Ну, вот Вы познакомились с моим прогнозом. Я понимаю, что это очень опасное занятие, вот почему я делюсь им только с Вами и рассчитываю на сохранение доверительности»¹⁷.*

Мы видим из этого письма Норема, какой маршрут агрессии прочертило его воображение, но отправной точкой в его рассуждениях была ситуация в Прибалтике. Американский дипломат полагал, что именно здесь Гитлер сделает следующий ход в партии, разыгрываемой им на

¹⁷ Ibid. Box 13. O.Norem to Henderson. January 27, 1939.

европейской шахматной доске. Мемель наряду с данцигским коридором чаще всего мелькал в перечне нацистских требований о «*восстановлении справедливости*» в отношении восточных границ Германии. По достижении этих промежуточных целей и используя нейтралитет «*стран к Западу от нее*»¹⁸, гитлеровская Германия, по мнению Норема, обратится уже непосредственно к осуществлению плана расширения «*жизненного пространства*» за счет, прежде всего, Советской Украины. Таким образом, судьба стран Прибалтики благодаря алгоритму, заданному в Берлине, и вопреки их энергичным усилиям остаться в стороне даже ценой отказа от гарантий безопасности оказалась увязана в один тугой узел с судьбой других восточноевропейских стран, включая в первую очередь Советский Союз. Сценарий был един, весь вопрос состоял в сроках его осуществления. Констатация этого казалась всем американским дипломатам необходимым делом, так как вытекала из реальности, из логики развития агрессии.

Давление Гитлера на прибалтийские страны, по мнению экспертов государственного департамента, последовательно и систематически усиливалось и приносило осязаемые результаты. Главным своим достижением в этом смысле дипломатия третьего рейха как будто могла считать то, что ей удалось ослабить единство этих стран и тем самым устранить опасность натолкнуться на блоковую политику. Многое было сделано для подрыва внутреннего сопротивления нацистскому влиянию. В Вашингтоне чувствовали, что стрелка барометра упрямо продвигается к отметке «буря» в условиях бездействия спасательных служб. Письмо Гендерсона временному поверенному в делах США в Латвии Э.Паркеру от 3 февраля 1939 г. передает неспособность госдепартамента определить приемлемую программу контрмер, как дипломатических, так и моральных. «*Мы ощущаем здесь, – говорилось в нем, – что Восточная Европа весной этого года может оказаться в центре мировых событий... нам представляется, что Германия успешно добивается своей цели, вбивая клин между Литвой и Латвией, и, по-видимому, через год и в помине не будет такого понятия, как Балтийская Антанта*»¹⁹. Гендерсон имел в виду разговоры о создании военно-политического блока стран Балтии.

Захват Германией Чехословакии, а вслед за тем Мемельской области в марте 1939 г. продемонстрировал еще раз всю незащищенность прибалтийских стран. Вот почему последующее развитие событий (провал

¹⁸ Ibid. O.Norem to Henderson. December 22, 1938.

¹⁹ Ibid. Henderson to Earl L.Parker. February 3, 1939.

англо-франко-советских переговоров в Москве и заключение 23 августа советско-германского договора о ненападении) виделось в госдепартаменте в плоскости дилеммы. Либо в Прибалтике быстро будет установлен германский контроль, либо на пути германского продвижения возникнет препятствие в виде советского военного присутствия с неохотного согласия (или без него) правительств прибалтийских стран. Третьего было не дано. О нем никто и не думал. Просачивание сведений о секретном протоколе к советско-германскому пакту, определившему «зону интересов» Советского Союза с включением в нее Прибалтики, не вызвало, естественно, восторга, но в целом рассматривалось как логичный результат развития событий и даже как проявление желанной конфронтационности двух стран с неизбежным исходом – попыткой решить ее силой.

Внимательно проанализировав переписку Вайли и его коллег из Таллинна, Риги и Каунаса о заключении пактов о взаимопомощи между СССР, Эстонией, Латвией и Литвой (соответственно 28 сентября, 5 и 10 октября 1939 г.), мы обнаружим, что все они трактуются как соглашения о взаимной обороне на случай германской агрессии²⁰. Дипломаты прибалтийских стран в личных беседах с американцами не делали никакого секрета из этого. 6 октября 1939 г. Вайли телеграфировал Хэллу, что Селтер, министр иностранных дел Эстонии, сказал ему: «Советская политика имеет только одну цель» – подготовку войны с Германией²¹. 10 октября Вайли, в этот раз уже ссылаясь на мнение латвийских политических деятелей, сообщал государственному секретарю, что советско-германская «дружба» будет недолгой²². Можно не сомневаться, что

²⁰ Известный американский ученый Роберт Даллек в своем фундаментальном исследовании внешней политики США пишет: «В сентябре и октябре (1939 г. – В.М.), т.е. после того, как Россия установила контроль над Эстонией, Латвией и Литвой (речь идет о заключении пактов о взаимопомощи, предусматривающих размещение советских военных баз на территории прибалтийских республик. – В.М.), американское правительство объяснило это как акцию, направленную против Берлина, и признало номинальную независимость этих прибалтийских стран для того только, чтобы избежать дипломатических протестов» (Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945. N.Y., 1979. P.208).

²¹ FRUS. The Soviet Union, 1933–1939. P.957.

²² Ibid. P.964. Обращает на себя внимание полное совпадение взглядов Вайли и других американских дипломатов в Прибалтике с их старшими по рангу коллегами в государственном департаменте и послами США во многих столицах Европы и Азии. В Вашингтоне ожидали начала советско-германского конфликта сразу же после того, как Красная

германские дипломаты были хорошо информированы об этих беседах «с глазу на глаз».

Вскоре Вайли пришел к выводу, что высокое начальство в Вашингтоне нуждается в цельном анализе событий и общих тенденций развития после заключения советско-германского пакта 23 августа 1939 г. Более всего при этом Вайли интересовал один вопрос в свете как будто бы прояснившейся новой расстановки сил после «выхода» Советского Союза на рубеж прямого соприкосновения с вермахтом: расчеты и просчеты гитлеровской дипломатии. Свою аналитическую записку на 10 страницах машинописного текста большого формата Вайли озаглавил весьма многозначительно «Война из-за самообмана». Рядом с заголов-

Армия вошла в соприкосновение с вермахтом 17 сентября 1939 г. Брекенридж Лонг, заместитель госсекретаря, много лет бывший на дружеской ноге с президентом Ф.Рузвельтом, 4 октября 1939 г. оставил такую запись в своем дневнике: «Ее (России. – В.М.) позиция vis-à-vis Германии оказалась для последней весьма тревожным и пугающим явлением» (LC. V.Long Papers. Box 5. Diaries. October 4, 1939). Ровно через неделю уже с очевидным облегчением он констатировал: «Русская угроза (Германии. – В.М.) становится все более и более осязаемой. Как я себе представляю, нет сомнения, что Гитлер перепуган до смерти» (Ibid. October 11, 1939).

Почти в те же дни посол США в Токио Джозеф Грю, беседуя с французским послом в японской столице Арсен-Генри, совместно с последним пришел к аналогичному в сущности выводу. В дневнике Грю читаем: «Что касается Советской России, он (Арсен-Генри. – В.М.) чувствует, что если Сталин и в самом деле предвидел результаты своей политики, то следует причислить к мировым гениям. Я со своей стороны высказался в том духе, что его (Сталина. – В.М.) можно сравнивать с Макиавелли, с чем посол Франции полностью согласился. Сталин, по убеждению посла, с самого начала хотел поражения Германии и именно поэтому сознательно подтолкнул Германию к войне, согласившись подписать советско-германский пакт и зная заранее, что в конце концов Германия будет разбита (Англией и Францией. – В.М.) без единого выстрела со стороны Советского Союза. Советские армии совершили маневр, который поставил их в выгодное положение по отношению к Румынии и Венгрии и заставил перейти страны Балтики к обороне, что способно вызвать иронию, поскольку союз СССР с Англией и Францией не сложился именно по той причине, что эти же самые страны Балтики не согласились с предложением Англии, Франции и СССР о гарантиях независимости. Когда Риббентроп подписал пакт с Советской Россией, японцы сказали, что он организовал величайший дипломатический заговор в истории, но сейчас они интересуются, думает ли он и сегодня точно так же. Арсен-Генри полагает, что Риббентрона переиграли по всем статьям» (The Houghton Library, Harvard University. Joseph Grew Papers. Diary, 1939. Conversation with French Ambassador Mr. Arsene-Henry. October 16, 1939).

ком он собственноручно проставил дату – 17 октября 1939 г. Меморандум-размышление Вайли направил в два адреса: Моффату (заведующему европейским отделом госдепартамента) и его заместителю Л.Гендерсону, пометив его 1 ноября 1939 г.

REPRODUCED FROM THE MANUSCRIPT DIVISION, LIBRARY OF CONGRESS

WAR OF MISCALCULATION

Oct 17, 1939

German policy of aggression by piecemeal encroachment was based on the belief that the Reich could reach an understanding with Great Britain. Such an understanding was to assure British neutrality in any war in which Germany was engaged, give Germany a free hand on the Continent and reduce France to a third rate power. The Soviet Union was regarded as being in no position to emerge from her passive role.

Germany policy has been formulated on premises of a psychological nature.* Yet its application has followed calculations that are more logical than psychological. It would be difficult to deny the convincing logic of a
German

Первая страница меморандума Вайли от 17 октября 1939 г.

Первая часть меморандума посвящена была выяснению причин, подтолкнувших Гитлера к захватническим действиям и обеспечивших ему первоначально головокружительный успех. Главный постулат Вайли: «Германская политика агрессии путем последовательных захватов базировалась на вере, что третий рейх в состоянии достигнуть взаимопонимания с Великобританией... Такое понимание ситуации требовало обеспечить нейтралитет Англии в любой войне, которую может вести Германия, свободу рук Германии на континенте и достичь снижения роли Франции до уровня третьестепенной державы. Советский Союз рассматривался как страна, неспособная выйти за пределы ее пассивной роли...

За исходный пункт принималось соображение, согласно которому, если даже Великобритания отвергнет предложение войти в согласие с

Германией, она все равно не пойдет на конфликт, связанный с локальной польской кампанией (с войной против Польши. – В.М.). Еще одним важным соображением было то, что Великобритания увязла в Средиземноморье и на Дальнем Востоке и не захочет брать на себя риск общеевропейского конфликта. Отсюда вытекало логическое предположение, что английская политика гарантий и переговоров о "фронте мира" с Советским Союзом были не чем иным, как чисто теоретической демонстрацией силы с целью произвести соответствующее устрашающее впечатление, а не чем-то похожим на военное сопротивление германской агрессии. Фактическая неспособность Великобритании предоставить эффективную военную помощь Польше не осталась незамеченной в Германии»²³.

Далее Вайли останавливается на новых явлениях в европейской ситуации после Мюнхена, и в особенности после 1 сентября 1939 г., которые Гитлер «проглядел» или, лучше сказать, проигнорировал. К числу главных «ошибок» фюрера, которые поставили его лицом к лицу с неожиданными и неразрешимыми проблемами, Вайли относил следующие. Во-первых, недооценка шокирующего эффекта на английское общественное мнение его наглых притязаний и последовательное их осуществление методом аннексии. Во-вторых, провал расчетов на традиционный антагонизм между Англией и Францией. В-третьих, твердость, проявленная Польшей в отношении гитлеровских притязаний на Данциг и польский коридор. В-четвертых, предоставление Англией гарантий Польше и ряду других стран. В-пятых, неверная оценка не только решимости Англии и Франции к сопротивлению, но и неумение найти ключ к «советской загадке». Разбору этого последнего просчета Гитлера в меморандуме Вайли отведено основное место.

Общей посылкой в определении характера и перспектив советско-германских отношений после пакта 23 августа 1939 г. Вайли выдвигает следующее: «*Советская политика во всех своих проявлениях в принципе враждебна по отношению к внешнему миру, но географическая близость заставляет Советский Союз испытывать особую настороженность к третьему рейху*». Вступление Красной Армии 17 сентября 1939 г. в Польшу в связи с этим трактовалось Вайли как преимущественно «оборонительное» действие, сопровождаемое занятием важных стратегических позиций. Это совершенно не согласовывалось с долговременными планами Гитлера, как бы внешне благосклонно он на это ни реагировал. В целом же, полагал Вайли, «*советская политика по отношению к Гер-*

²³ LC. Box 2. John C. Wiley to Henderson. November 1, 1939.

мани... была откровенно провокационной» и опасной. Вайли был убежден, что, как он писал, в случае «прекращения войны на Западе путем переговоров» или после германской победы, гитлеровский рейх без промедления постарается радикально изменить возникшую на Востоке ситуацию.

Не будем забывать, что к моменту появления записки Вайли Франция еще не капитулировала, никто даже не ждал, что это произойдет, и более того, как мы видим, вопрос о «замирении» на Западе сохранялся в повестке дня. Отчасти поэтому-то Вайли и не занимал тогда вопрос, морально или аморально поступил Сталин, пойдя на сделку с Гитлером и отодвинув границы Советского Союза далеко на Запад. Он был живым участником и свидетелем событий и, видя, что старая послеверсальская Европа рушится, рассуждал преимущественно в категориях чистой геополитики²⁴. Не забудем также, что политическое руководство стран, в которых он представлял США (Эстония и Латвия), после захвата Мемеля и разгрома Польши определенно изменило свое отношение к СССР, поневоле видя в нем противовес давлению со стороны германского рейха и гитлеровской «пятой колонны». Приведем только одно выразительное место из меморандума для того, чтобы понять, чему придавалось тогда приоритетное значение и какой виделась наблюдателям военно-стратегическая ситуация в целом.

Вайли писал: *«Проводя свои новые границы, Советский Союз проявил озабоченность тем, чтобы включить в свой состав те национальные меньшинства, которые могли бы быть превращены Германией в орудие расчленения России. Советский Союз заблокировал также идею Гитлера о Mitteleuropa («Срединная Европа»). В Прибалтике советская политика также может рассматриваться как позитивная (подчерк-*

²⁴ Заметим, что для представителей школы американских дипломатов, сформировавшихся в межвоенный период и воспитанных в критическом духе к вильсоновскому легализму (к ней принадлежал и Вайли), понятия «мораль», «верность принципам» никогда не имели приоритета перед Realpolitik. Предпочтение всегда отдавалось последнему, к которому, как утверждал, например, тот же Гендерсон, нравственные критерии были не применимы (L.C. Vox I. Henderson to Samuel Harper. March 23, 1942). Очень характерно, что посол США в Советском Союзе Л.Штейнгардт, крайне не расположенный к кремлевскому руководству, в связи с началом 29 ноября 1939 г. советско-финского конфликта сообщал 1 декабря в телеграмме госсекретарю Хэллу, что Москва начала войну против Финляндии – «возможно, ради укрепления своих позиций перед лицом германской угрозы» (Цит. по: Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С.175).

нуто мною. – В.М.). *Позиция Германии в прибалтийских странах строилась более семи веков. А сейчас в один миг она была утрачена. В восточной Прибалтике Советский Союз будет главенствовать над Рижским, Финским, а возможно, и Ботническим заливами. Оборонительного назначения военно-воздушные базы, созданные по всей Прибалтике вплоть до Мемельской области, дают возможность совершать "оборонительные" налеты на Берлин. Ясно, что Советский Союз ловко пытается занять такую позицию по отношению к Германии, используя которую он сможет либо оказывать помощь, либо создавать трудности в зависимости от того, что диктует ему понимание собственных интересов. Ударение, стало быть, делается на собственные интересы...*

Германская политика агрессии нацелена в основном на продолжение экспансии, что прямым образом затрагивает Советский Союз. В то же время одним из кардинальных принципов германской стратегии являлось оказание сопротивления попыткам окружения рейха. Советская оборонительная тактика совершенно очевидно и есть такое окружение, она коварно нацелена на то, чтобы не дать рейху воспользоваться плодами возможной победы в Восточной и Юго-Восточной Европе, использовать эту победу в качестве плацдарма, угрожающего СССР. Имея в виду элементы русско-германского конфликта, отчетливо обнаруживающего себя в ходе меняющейся ситуации, очень трудно предположить, что между этими двумя странами быстро сложатся отношения взаимопонимания или что Германия в создавшихся условиях может хладнокровно игнорировать ситуацию на ее восточной границе и, забыв о ней, сконцентрировать свои усилия на борьбе с Западом».

Выставив в целом положительную оценку советской внешней политике, Вайли не был настолько наивным, чтобы не видеть, в каком направлении она способна развиваться в силу «особенностей» сталинского режима. Он писал об этом, хотя и не мог знать, что будет «потом» во всех деталях. Однако тревога по поводу того, что плодами ослабления Германии, с одной стороны, и Англии и Франции – с другой, может воспользоваться Сталин, соединилась с ожиданием неминуемого и спонтанного разрыва советско-германского «брака по расчету» и быстрого превращения Советского Союза и Германии в смертельных врагов.

Опасение не попасть в лад с настроениями в высших эшелонах госдепартамента²⁵ вынудило Вайли, отправившего меморандум на имя

²⁵ В этот момент в Москве проходили очень трудные советско-финские переговоры, и Вайли не мог не знать, что в Вашингтоне сочувственно относились к жесткой линии

Морфата тут же запросить у начальства мнения о «его реакции на советскую внешнюю политику, которая становится и в самом деле слишком хитрой для моего неискушенного ума»²⁶. Следующий пассаж из того же письма Вайли Гендерсону заслуживает того, чтобы привести его полностью, хотя бы как пример наблюдательности и вариативного мышления аналитика, столкнувшегося с запутанной и парадоксальной ситуацией.

«Советская политика выглядит двойственной: в основном как "дружественная по отношению к Германии" и как "нейтральная". Но на практике она является не просто неоднозначной по своим характеристикам, но и полыхромной. И в самом деле похоже, что она придерживается трех независимых друг от друга и не связанных друг с другом направлений: дипломатического, политического (с ударением на военно-стратегические цели) и, наконец, экономического.

Какой-то странной до смешного выглядит новая советская позиция в отношении деятельности левого крыла в этих приграничных государствах (в Прибалтике. – В.М.). На местах, где она дает о себе знать, местные советские представители отреагировали на это нерасположением. Правительства прибалтийских стран, по крайней мере, косвенно поощрялись на твердые, репрессивные меры против любых беспокоящих акций со стороны левых. Ожидавшие худшего, самого худшего местные власти начинают испытывать чувство изумленного облегчения... М-р Сталин, кажется, сконцентрировал все внимание на создании своих военно-морских и военно-воздушных баз и береговой обороны и, конечно же, всякие политические действия на этой терри-

правления Финляндии, тогда как его записка в положительном свете оценивала действия Советского Союза.

Обострение советско-финских отношений и «зимняя война» делали положение в Восточной Балтике окончательно запутанным. Не один Вайли почувствовал невозможность предвидеть, чем обернется советско-финский конфликт и как к нему относиться. В Вашингтоне многие расценивали Финляндию как вассала Германии, но большая финская диаспора в США заставляла крайне осторожно высказываться на эту тему. Даже сторонник жесткой линии посол США в СССР Штейнгардт писал Гендерсону 13 декабря 1939 г., что, по мнению всех работников посольства, решение начать войну с Финляндией было принято советским правительством спонтанно, неожиданно для самого кремлевского руководства, поскольку еще за пару дней до 29 ноября 1939 г., по словам Штейнгардта, оно «не имело никаких намерений предпринимать вторжение в Финляндию» (LC. Box 1. L.Steinhardt to Henderson. December 13, 1939).

²⁶ LC. Box 2. John C.Wiley to Henderson. November 1, 1939.

тории могли бы скорее затормозить, чем содействовать достижению поставленных им непосредственных целей. Я должен сказать, будучи полностью еще недавно убежденным в том, что Кремль населен только человекообразными существами, а Наркоминдел – их последышами, что поражен и восхищен великолепным маневрированием, которое проделала на моих глазах советская дипломатия. У меня такое ощущение, что Гитлер был застигнут врасплох».

Ответ от Лоя Гендерсона пришел только в конце декабря 1939 г. Почти два месяца ушло у заместителя начальника европейского отдела госдепартамента на размышления. Уже почти месяц шла советско-финская («зимняя война»), когда на стол Вайли легло короткое послание Гендерсона. Текст его гласил: *«Я могу сказать, что в целом мы согласны с анализом, который Вы проделали»²⁷.*

После начала советско-финской войны Вайли и его американские коллеги в прибалтийских странах ощутили себя, по-видимому, на скрещении клинков. Это ощущение усилилось с распространением полупаники в этих странах, вызванной решением Берлина (по согласованию с Москвой) в конце 1939 г. – начале 1940 г. провести эвакуацию прибалтийских немцев и их переселение на польские земли. Никто не мог объяснить, куда «клонят» зачатые друзья, но всеми до одного было признано, что эта мера больше всего соответствует обстановке накануне войны. Нити, поддерживающие неустойчивое, хрупкое равновесие в регионе, натянулись почти до предела²⁸. В этих условиях поражение СССР в советско-финской войне моментально дало бы перевес Германии и пронацистским силам, успех же закреплял советское влияние и снижал шансы третьего рейха взять реванш. В послании Гендерсону 23 декабря 1939 г. посол США Штейнгардт прямо отмечал, что неудачи Красной Армии на советско-финском фронте делают соседство СССР с Германией еще более опасным для первого, Гитлер же обретал еще большую свободу маневра²⁹.

Принимаясь 17 февраля за составление своей очередной аналитической записки для «глаз» Лоя Гендерсона, Вайли имел на своем столе в помещении американского представительства в Риге самые противоречивые сообщения о советско-финских контактах на предмет заключения мирного соглашения. Чувствовалось, однако, что американским по-

²⁷ *Ibid.* John C. Wiley to Henderson. December 19, 1939.

²⁸ См.: Варес П., Осипова О. Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX века. Таллинн, 1992. С.142, 143.

²⁹ LC. Box 1. L. Steinhardt to Henderson. December 23, 1939.

сланником овладела растерянность: какими будут следующие ходы Сталина, Гитлера, каким эхом они отзвучат в странах Прибалтики? В чем, однако, Вайли был, кажется, убежден, так это в том, что этим странам уже не удастся вернуться к тому состоянию «мы сами по себе», в котором их застало окончание Первой мировой войны. В смертельной схватке, идущей пока что в скрытой форме, но грозящей изменением соотношения сил и новой перекройкой политической карты Европы, им, как он полагал, придется сделать свой выбор, диктуемый обстановкой. Дальше этой констатации Вайли не шел, заглядывая в будущее ему казалось рискованным и непродуктивным. Впрочем, эти настроения Вайли хорошо передает текст публикуемого ниже документа. Приводим перевод документа целиком, а на стр. 142 фотокопию первой страницы оригинала документа³⁰.

*Представительство США
Таллинн, 17 февраля 1940*

Дорогой Лой!

Безропотное подписание соглашений с Советским Союзом (речь идет о пактах взаимопомощи. – В.М.) и эвакуация прибалтийских немцев, по-видимому, привели большую часть остального мира к естественному выводу о том, что последняя глава в биографии этих новорожденных республик Прибалтики закончена. Но это очевидно не так.

Прибалтийские государства возникли в результате поражения Германии, а также революционного хаоса и истощения России. Своим выживанием в течение двух десятилетий они обязаны равновесию между их двумя великими соседями. Затем внезапно советско-германский пакт по-новому поставил вопрос об этом равновесии преимущественно за счет прибалтийских государств и в пользу СССР. Последующее развитие бросило новый свет и на отношения между рейхом и Россией в этом регионе. Поспешная эвакуация прибалтийских немцев была проведена по неожиданному и властному приказу фюрера. В ходе осуществления это историческое решение обернулось в нечто вроде панического бегства. Одновременно советские военные подразделения заняли свои новые базы в Прибалтике.

³⁰ LC. Box 2. John C. Wiley to Henderson. February 17, 1940.

Ясно, что при всей быстрой смене событий с очень большим трудом поддерживаемое равновесие между рейхом и Россией все же сохраняется. Германский флот все еще господствует на этом германском море (речь идет о Балтике. – В.М.). Советский флот и советские гарнизоны могут существовать только до тех пор, пока немцы их терпят. Прибалтийские немцы, может быть, и покинули эти края после семи с половиной веков проведенных здесь, но германские интересы в прибалтийских государствах, как и прежде, имеют агрессивную направленность.

В экономической области германские вложения принимают долгосрочный характер. Вирус советско-германского торгового соперничества уже выведен.

В ходе последней войны (войны 1914–1918 гг. – В.М.) военные действия существенно не коснулись территории Прибалтики. Только на последней стадии войны Латвия и Эстония оказались серьезно затронуты ими. Агония, связанная с их рождением, была болезненной.

Мой прогноз на их ближайшее и неопределенное будущее исходит из условия, что Прибалтика не станет театром военных действий между великими державами с присоединением к ним Швеции. Латвия и Эстония в этом случае могли бы легко какое-то время поддержать собственное ненадежное существование до того момента, когда всеобщая война приведет к его эвентуальному концу.

Между тем если Советский Союз серьезно станет завязать в своей военной кампании против Финляндии, то только рейх сможет обезопасить гарнизоны Красной Армии в этих двух странах. Если же война вновь закончится поражением Германии и распадом России, латвийские и эстонские войска, возможно, еще раз выйдут на сцену, чтобы защитить их минимально независимое существование, как в будущем, так и в прошлом замешанное на взаимном недоверии и решительном отказе от эффективного сотрудничества.

Возможность полной германской победы, конечно, учитывается и в Латвии, и в Эстонии. Но гадание по поводу того, к чему приведет такой вариант, я боюсь, показало свою непродуктивность с точки зрения реальных предпосылок.

Несмотря на то, что рядом с нами красные соседи, мы пережили очень белую снежную зиму с сильными морозами и необычайно солнечными днями. Неплохо.

*С лучшими пожеланиями
Вайли*

THE FOREIGN SERVICE
OF THE
UNITED STATES OF AMERICA

AMERICAN LEGATION

Tallinn, February 17, 1940.

Dear Toy:

You may be interested in seeing despatch No. 261 which is going forward in this pouch.

The submissive signing of the accords with the Soviet Union and the evacuation of the German Balts apparently led much of the outside world to the natural conclusion that the final chapter of these new-born republics of the Baltic had been written. This is clearly not yet the case.

The Baltic States emerged from the defeat of the German Empire and the revolutionary chaos and exhaustion of Russia. Their survival for two decades has been predicated on the equilibrium of their two great neighbors. Then, suddenly the Soviet-German accord appeared to redefine this equilibrium at the vital expense of the Baltic States and to the sole profit of the U.S.S.R.

Первая страница послания Джона Вайли от 17 февраля 1940 г.

12 марта 1940 г. подписанием советско-финского мирного договора закончилась «зимняя война», которая и в самом деле близко затрагивала интересы прибалтийских стран. Их нейтралитет по соседству с этим и другими событиями становился все более иллюзорным. Каждый новый день приносил новые факты, свидетельствующие, что война не минует малые страны, какие бы хитроумные маневры они ни предпринимали. Вайли 17 марта 1940 г. шлет в госдепартамент шифровку исключительной важности – о подготовляемом немцами наступлении на Западном фронте через Бельгию и Голландию. Надо думать, полученная им секретная информация наталкивала (по крайней мере, его самого) еще раз и

на размышления о судьбе прибалтийских стран: по правилу симметрии они точно так же могли стать «коридором» для прохода к Ленинграду, Минску и Ржеву. Вайли, считая эту информацию крайне важной, повторил ее в депеше 31 марта³¹. Переход Германии 10 мая 1940 г. к активным боевым действиям против Франции именно на бельгийско-голландской границе показал, что прогноз Вайли о затягивании нейтральных малых стран в водоворот великого военного противостояния, – реальность, от которой им никуда не уйти. 7 июня 1940 г. Вайли, ссылаясь на сведения, полученные из немецких источников, сообщил госсекретарю Хэллу, что обострение советско-германских противоречий неизбежно в скором времени приведет к *«исчезновению Прибалтийских государств»*³². Проблема выбора для них по формуле «кого предпочесть» в новом виде представлялась уже формулой «с кем быть».

Любопытно, что примерно таким же (или даже точно таким же) был ход мыслей У.Черчилля, ставшего к тому времени главой военного кабинета Англии и стремившегося просчитать все возможные худшие и лучшие варианты развития военно-стратегической ситуации в Прибалтике в плане оказания сопротивления агрессии Германии. Поднимая дух англичан сразу после введения советских войск в страны Балтии в середине июня 1940 г., Черчилль приветствовал это событие и заявил, как сообщала «Нью-Йорк таймс», что *«союзники получили еще одну козырную карту в игре»*³³. А выступая перед членами своего кабинета 16 ноября 1940 г., он говорил: *«Бесспорно, для Советского Союза было бы вполне разумным воспользоваться нынешним положением дел, которое очень благоприятно для него, с тем чтобы вернуть некоторые территории, которые Россия потеряла в результате последней войны (Первой мировой войны. – В.М.), в начале которой она была союзницей Франции и Англии. Это относится не только к балтийским территориям, но и к Финляндии. Это соответствует и нашим интересам, если бы Советский Союз усилился на Балтике и таким путем ограничил риск германского доминирования в этом регионе. Именно по этой причине для нас было бы ошибочным побуждать финнов не делать уступок СССР»*³⁴.

Совсем немаловажным представлялся вопрос о том, как население стран Балтии относилось к перспективе оказаться вновь «возвращенными» в лоно Российской империи под новым названием. Вайли и другие

³¹ LC. Box 1. John C. Wiley to Henderson. March 31, 1940.

³² FRUS. 1940. Vol. I. Washington, 1959. P. 366.

³³ New York Times. June 17, 1940. P. 6L.

³⁴ Carlton D. Churchill and the Soviet Union. Manchester; N.Y., 2000. P. 71.

американские дипломаты фиксируют в связи с этим углубление размежевания в общественных структурах прибалтийских стран. Еще 30 апреля 1940 г. Вайли сообщал Хэллу о ситуации в Латвии: *«В последнее время наблюдался резкий подъем антиправительственной деятельности»*³⁵. А уж после того, как в середине июля 1940 г. в Эстонии, Латвии и Литве были сформированы новые структуры власти, американский посланник Норем писал Люю Гендерсону: *«Одним из наиболее интересных и беспокоящих черт нового порядка вещей является последовательное вовлечение в ряды красных групп католических рабочих и крестьян. Хотя многие заняты бесплодными разговорами, что все должно быть как раз наоборот, и передачей разных слухов, что людям заплатили за участие в митингах и т.д., однако подтверждается факт, что основную часть коммунистической партии составляет старое и преданное большинство. Католический священнослужитель с печалью сказал мне, что его прихожане показывают тревожащий его интерес к новому порядку вещей...»*. Но главное состояло в другом, а именно: в ожидании сшибки ошестинившихся оружием двух «дружественных держав». Ранее в телеграмме Хэллу от 18 июня Норем ставил вхождение дополнительных контингентов советских войск в прямую связь с «концентрацией германских войск»³⁶ на западной границе Литвы. А в следующем послании Гендерсону от 20 июля Норем подтвердил именно такую трактовку военной ситуации. Он сообщал: *«Русские заняты подготовкой к отражению надвигающегося германского нападения путем дислокации войск в различных пунктах сосредоточения, проводя разведывательные полеты авиации и учения с участием солдат и техники»*³⁷.

³⁵ FRUS. 1940. Vol. I. P. 362.

³⁶ Ibid. P. 375. – Отметим, что в тот же самый день, 18 июня 1940 г., газета «Нью-Йорк таймс», ссылаясь на хорошо информированные источники в Бухаресте, сообщала об упорных разговорах в столице Румынии о том, «что русские оккупировали Балтийские государства для того, чтобы предотвратить нацистский заговор, нацеленный против Советского Союза» (New York Times. June 18, 1940. P.12). На следующий день газета вновь вернулась к той же животрепещущей теме, утверждая, что потрясшее всех в Европе и полностью опрокинувшее все расчеты Кремля на затяжную войну на Западе поражение Франции заставило кремлевское руководство пойти на ввод советских войск в страны Балтии (Ibid. June 19. P.1). Репортаж, помещенный на первой странице газеты, завершался описанием массовой демонстрации в Риге, приветствующей вхождение советских войск в Ригу.

³⁷ LC. Box 13. O.Norem to Henderson. July 20, 1940.

Мы еще коснемся вопроса о реакции американской дипломатии на инкорпорирование (термин, фигурировавший в переговорах советского посла в США К.Уманского с американскими дипломатами) прибалтийских стран в состав Советского Союза. О многом может сказать контент-анализ американской печати. Это еще впереди. Но уже сейчас мы располагаем весьма важной оценкой позиции американской прессы, всегда очень чутко улавливающей настроения в Белом доме и госдепартаменте, которые, в свою очередь, тщательно следили за изменчивым общественным мнением. Шел год выборов, имеющих критическое значение для демократов, внимание общественности было крайне обострено ко всему, что могло бы послужить толчком к вмешательству США в европейские дела. Формула «лучше худой мир, чем добрая ссора», все еще сохраняла привлекательность для американцев. Но опасения за судьбу Америки, да и собственную безопасность, заставляли менять отношение ко всему, что происходило в зоне, которая для Германии и СССР перестала быть буферной и где они сосуществовали как сопредельные государства³⁸.

Оценка, которая приведена выше, принадлежит профессору Самуэлю Харперу, консультанту госдепартамента, и взята она из его отчета о беседе с советским послом К.Уманским, состоявшейся 17 июня 1940 г. Отчет был передан Харпером 18 июля 1940 г. в госдепартамент.

Сделав вступительное замечание, характеризующее меняющееся отношение американского общественного мнения к Советскому Союзу («*оно становится менее антисоветски настроенным*»), Харпер перешел к главному. Таким главным он, по-видимому, считал необходимость сообщить советскому послу толкование в Соединенных Штатах тех событий, которые имели место в Эстонии, Литве и Латвии 14 и 15 июля 1940 г. (выборы в законодательные органы этих стран). Они не соответствовали американским канонам, но Харпер обратил внимание Уманского на следующие моменты: «...*Я высказался в том смысле, что американская печать не подвергла последние советские действия в Бесарабии и даже в Прибалтике таким же нападкам, как это она делала в аналогичных случаях раньше. Я отметил предположительно, что эти последние действия не рассматриваются ныне в качестве "советской агрессии" в свете новой ситуации* (подчеркнуто мною. —

³⁸ Госдепартамент принимает решение изменить терминологию, применяемую в отношении тех территорий, которые оказались в «зоне интересов СССР». 11 мая К.Хэлл телеграммой посольству США в Москве разрешает заменить термин «часть территории Польши, оккупированная СССР», на другой: «Западная Украина» и «Западная Белоруссия» (FRUS. 1940. Vol.III. P.201).

В.М.). Он согласился с моим объяснением, что эти действия были направлены против всех пришельцев и были продиктованы целиком соображениями безопасности. Специально было заявлено, что любой, кто войдет в Черное море, встретит советское сопротивление.

В ответ на высказанную мною мысль, что американское общественное мнение, возможно, начинает занимать менее антисоветскую позицию из-за того, что советское продвижение в Бесарабию является первым шагом к подготовке войны с Германией, он сказал, что отношение США и в особенности американская правительственная политика к Советскому Союзу должны определяться только двусторонними отношениями, а не советской политикой по отношению к третьей стране»³⁹.

Оценка Харпером ситуации была довольно точной. После того как 23 июля госдепартамент устами заместителя Госсекретаря С.Уэллеса выразил протест по поводу уничтожения «политической независимости и территориальной целостности трех малых балтийских республик»⁴⁰, рассерженная «Нью-Йорк таймс» назвала его документом, который «изобилует явно неверными утверждениями и враждебностью по отношению к Советскому Союзу»⁴¹. А 27 июля 1940 г. тот же С.Уэллес, заглаживая возникшую между двумя странами натянутость, в беседе с Уманским говорил о необходимости ликвидировать трения между двумя странами перед лицом общей опасности⁴². Уже в сентябре 1940 г. в беседах Штейнгардта и Молотова это было подтверждено⁴³.

Отметим еще одну характерную и немаловажную деталь. Американские дипломаты, тесно соприкасавшиеся с «прибалтийской ситуацией» и собственными глазами видевшие, какому сложному переплетению событий и обстоятельств она обязана своим возникновением, пронесли через многие (и, добавим, отмеченные высоким уровнем напряженности в советско-американских отношениях) годы неприятие ложного представления о причинах, которые привели к такому исходу. Обратимся к самому авторитетному свидетелю – дипломату и историку Джорджу Кеннану.

³⁹ LC. Box 1. S.N.Harper to Henderson. July 18, 1940. – Весьма характерно, что 25 сентября 1940 г. посол США Штейнгардт сообщил телеграммой в Вашингтон, что из абсолютно достоверного источника ему стало известно об указании, данном советским печати и радио, не публиковать враждебные Соединенным Штатам заявления (FRUS. 1940. Vol.III. P.222).

⁴⁰ FRUS. 1940. Vol.I. P.401.

⁴¹ New York Times. July 24, 1940.

⁴² Севостьянов П.П. Перед великими испытаниями. М., 1981. С.177.

⁴³ FRUS. 1940. Vol.III. P.386–388.

Давая в 1958 г. по просьбе аппарата Белого дома свои разъяснения о внешней политике СССР, он писал: «*В конце концов прибалтийские государства фактически не подверглись вторжению, они согласились (как я полагаю, неблагоприятно) с советскими требованиями (вспомним депешу Вайли от 17 февраля 1940 г. – В.М.), которые им были предъявлены. Это верно, что давление, оказанное на них, было грубым и нахальным, но и сложившаяся ситуация была чрезвычайно необычной и опасной; в качестве оправдания своих действий в этом случае Советское правительство опиралось на соглашение с единственной великой державой Запада, Германией, которая пользовалась влиянием в этом районе и которая могла рассматривать это как casus belli*»⁴⁴.

Джордж Кеннан и сам мог бы прокомментировать этот пассаж в том духе, что у этой истории мог бы быть и иной финал, доказательством чему служили непредсказуемость военного положения в регионе, непрочность возникшего здесь в 1939–1940 гг. баланса сил. Ни та, ни другая стороны не намерены были долго мириться с усилением друг друга. Сталин после разгрома Франции сделал свой ход, Гитлер, как считал Кеннан, «*мог ответить объявлением войны*». В скобках заметим: вопрос о синхронизации этих событий является сам по себе важным, что понимали и в Прибалтике, как это отмечал все тот же Вайли⁴⁵.

Какие соображения возникают при знакомстве, так сказать, «в первом чтении» с документами, о которых здесь идет речь? Первое. Захват Гитлером Польши, демонстрация непреклонной решимости третьего рейха насильственным, кровавым путем отвоевать себе «жизненное пространство» вызывали в странах Прибалтики мрачные предчувствия и деморализацию. Из этих предчувствий собственно и родилась их «*новая восточная политика*» (пакты о взаимопомощи с СССР). Второе. События лета 1940 г. и вхождение прибалтийских республик в состав СССР не были изначально предопределены советско-германским пактом о ненападении. Думать так – значит исходить из представления о некоей предуготованности развития международного конфликта. «Пакт Молотова–Риббентропа, – признает латвийский историк И.Фелдманис, – напрямую не изменил международно-правовой статус Латвии и других государств Балтии (Литва в сфере интересов СССР была включена 28 сентября 1939 г.)»⁴⁶. Судьба Прибалти-

⁴⁴ *The Princeton University Library. George Kennan Papers. Box 31. Kennan to Robert E. Matteson. December 16, 1958.*

⁴⁵ *FRUS. 1940. Vol.I. P.363.*

⁴⁶ *Фелдманис И. Пакт Молотова–Риббентропа и отношения между Латвией и Германией (1939–1940) // Международный кризис 1939–1941 гг. М., 2006. С.110.*

ки рещалась в ходе непрерывно меняющейся военно-стратегической ситуации, включая и итог войны Советского Союза с Финляндией, и нападение Германии на Данию, Норвегию, Бельгию и Голландию, и поражение Франции, и многое другое.

~~RESTRICTED~~

6-5 2491-37

AUG 30 5
WAR DEPARTMENT
Law

LATVIA.

COMMENTS ON CURRENT EVENTS.

June 20, 1940.

No. 4.

April

DOI:ND M.I.U. REPORTS/32

1. Prohibition of Certain Areas to Foreigners.

The American Legation, Riga, received a communication from the Latvian Ministry for Foreign Affairs, dated June 7, 1940, notifying the Legation that foreign diplomats must have a special permit when visiting the following localities:

- 1) Towns of Riga (unless it is their permanent residence), Liepaja, Ventspils, Daugavpils, Griva, Ruldiga and Aizpute.
- 2) All inhabited localities within the administrative boundaries of the districts of Riga, Liepaja, Ventspils, Ruldiga and Aizpute.
- 3) A frontier zone of 15 km. in depth in the districts of Abrene, Ludza, Daugavpils and Ilukste.

2. March of Soviet Forces into Riga.

In connection with the recent ultimatum to Latvia, Soviet tanks began to arrive at Riga on June 17th at about 1:00 PM and were stationed near the General Post Office. By nightfall some 200 tanks, Christie type, had arrived and were stationed in various parts of the town. The armament consists either of one 37-mm. gun and 1 MG or one 37-mm. gun and 2 MG's. In addition, there were a small number of an obsolete type of armored cars armed with one MG., a small number of personnel carriers, several rolling kitchens, a few radio trucks and one motorized small pontoon train of 20 half sections plus necessary girders and equipment. On June 18th large numbers of trucks with infantry were seen passing north of the city.

Первая страница донесения военного атташе США в Риге от 20 июня 1940 г.

о вхождении советских войск в Прибалтику

Историкам предстоит еще многое разыскать и доисследовать. Официальные публикации не столько подчас проясняют дело, сколько скрадывают суть. Один только пример. В официальном издании правительства США «Внешняя политика Соединенных Штатов» за 1940 год (т. III)

приводится выдержка (документ опубликован не целиком, а в выдержках) из доклада Терстона (тогда временный поверенный в делах США в СССР) от 22 августа 1940 г. о переводе экономики Советского Союза на военные рельсы. Проводимые в СССР мероприятия, писал он, могут быть названы «военной мобилизацией»⁴⁷. В этом же контексте он писал и о «территориальной экспансии» СССР, но упоминал, впрочем, только Бессарабию и Северную Буковину. В приводимых фрагментах ни слова нет об Эстонии, Латвии и Литве. Мог ли опытный дипломат оказаться таким забывчивым? А между тем, как показывают российские документы, именно в этот день 22 августа 1940 г. у Терстона состоялся разговор с замнаркомом иностранных дел СССР С.А.Лозовским, в ходе которого вопрос о Прибалтике был обсужден ими очень обстоятельно⁴⁸.

Вопрос о Прибалтике и вообще западных границах СССР затрагивался и на многочисленных встречах заместителя госсекретаря США С.Уэллеса и посла СССР К.Уманского в июне 1940 – апреле 1941 годов. Дэннис Данн, пытаясь как-то объяснить проявленную Вашингтоном инициативу добиться сближения с СССР сразу после ноты протеста 23 июля 1940 г., нашел следующую формулировку. «Вашингтон подвергал критике Москву за агрессию и заморозил банковские активы прибалтийских государств, а на повестке дня стояли хорошие отношения»⁴⁹. Видимо, чтобы притушить болевые точки, утонченный дипломат Уэллес, выражая отношение президента США к проблеме Прибалтики, в ходе беседы 15 января 1941 г. подчеркнул, что американское правительство признает «принципиальное отличие» этих территориальных изменений (т.е. включение стран Балтии в состав СССР) «от событий в остальной части Европы»⁵⁰. Мы видим, что в Вашингтоне определенно склонялись к мнению Черчилля о правомерности создания Советским Союзом «Восточного вала», пускай и ценой утраты странами Балтии их суверенитета.

⁴⁷ *FRUS. 1940. Vol.III. P.212.*

⁴⁸ *Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф.483. Оп.24 б. Инд.3. П.8. Л.113.*

⁴⁹ *Данн Д. Указ. соч. С.183.*

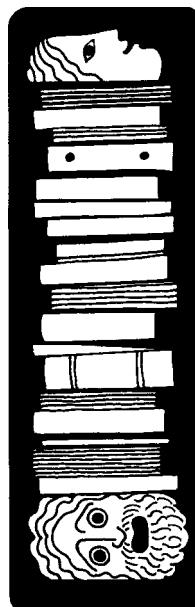
⁵⁰ *АВП РФ. Ф.483. Оп.24 б. Инд.3. П.8. Л.146.*

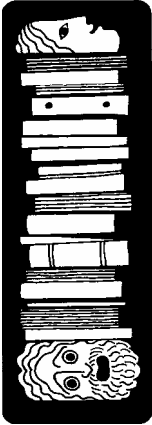
Если состояние золотой середины должно быть достигнуто борьбой между сторонниками обеих крайностей, то это весьма опасное дело. Только полная утрата сил обеими партиями сможет склонить их к этому, а в таком случае власть над ними легко захватит третий.

Георг Кристоф Лихтенберг

Альтернатива – это вещь не просто одно из двух: либо – либо. Это еще и *выбор*. Без выбора «либо – либо» пустой звук. А сам *выбор* – что он значит, дабы опять-таки не быть пустым звуком? Пусть иероглиф, еще подлежащий расшифровке. Именно подлежащий: событиями, действиями, даже иллюзиями и превозможанием их...

М.Я. Гефтер

Альберт Ненароков

В.С.ВОЙТИНСКИЙ – ГАРВИ И ГАРВЯТАМ

**ПИСЬМА 1933–1939 гг.:
О ВРЕМЕНИ, СОБЫТИЯХ
И ПОЛИТИКАХ¹**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

Doctrinarianism can kill Weltanschauung, even the most developed and wholistic one. V.S.Voitinski's letters published in the issue are, inter alia, about that. They are about those objective and subjective circumstances that inexorably led to wreck opinions held by the Overseas Delegation of RSDWP leaders. A.N.Potresov justly characterized these opinions as «creation of revolutionary fiction». However let's not forget that those leaders were not just politicians but also people of their own time, of that phantasmagoric world which had been created by WWI, Russian revolution of 1917, fratricidal civil war and emigration. These people experienced terror of the Bolshevist dictatorship, emergence and success of fascism, bitterness of Munich surrender and beginning of WWII. Their assessments were wrong. They overestimated their own potential and forces, they believed in triumph of socialism even in circumstances that were inappropriate for such expectations. Let us respect them with all their weaknesses and shortcomings.

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2006. №2. Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 05-01-01241а.

Доктринерство способно сгубить любое, даже самое разработанное и цельное мировоззрение. Публикуемые письма В.С. Войтинского, кроме всего прочего, и об этом. О тех, как объективных, так и субъективных обстоятельствах, которые неумолимо вели к краху идеологических и политических взглядов лидеров Заграничной Делегации РСДРП, которые А.Н.Потресов справедливо называл «порождением революционной фантастики». Однако не будем забывать и о том, что все они были не только политиками, но и людьми своего времени, того фантазмагорического мира, рожденного Первой мировой войной, российской революцией 1917 года, братоубийственной гражданской войной и эмиграцией. Им довелось изведать террор большевистской диктатуры, становление и победу фашизма, горечь мюнхенской капитуляции и начало Второй мировой. Они ошибались в своих оценках, переоценивали свои силы и возможности, верили в торжество социализма даже в условиях, совсем не подходящих для этого. Будем же уважать их со всеми слабостями и недостатками, такова жизнь, как говорил один из самых талантливых российских историков XX века М.Я.Гефтер, «неисправимая и неповторимая».

Приобретение т.н. «отрезвляющего опыта» шло в мучительных спорах, разногласиях и столкновениях. Кто-то, как Войтинский, делал это достаточно легко и быстро, кто-то, как Гарви, трудно, с болью расставаясь со многими иллюзиями и заблуждениями, кто-то, как Дан, упорно цепляясь за отжившие формулы и оценки. Упорно придерживаясь т.н. мартовской линии, он все еще считал, что РСДРП должна стремиться «путем организованного давления масс» вырвать у большевистской диктатуры такие уступки, которые позволят им «добиться торжества своей воли над произволом диктаторов», хотя никакой возможности организовать такого давления «масс» не было.

В конце 20-х годов, когда внутри ВКП (б) развернулась фракционная борьба, Дан выступил в берлинском партийном клубе им. Ю.О.Мартова с докладом «Об основах стратегии РСДРП в период ликвидации большевистского режима». В нем утверждалось, что в борьбе «с режимом террора» надо искать соглашения с левой, троцкистской оппозицией. Принявшие участие в обсуждении члены Заграничной Делегации выдвинули свои соображения: центристы предлагали искать соглашения с правыми, левые, из группы близкой к Дану, – со Сталиным и его соратниками, правые, в том числе и Гарви, требовали отвергнуть саму идею соглашения с кем-либо из большевиков и подчеркнуть «коренную противоположность идей» РСДРП и ВКП (б). Сообщая об этих спорах И.Г.Церетели, Войтин-

ский язвительно заметил: «...Разложение большевистской партии получило в меньшевистском зеркале адекватное выражение»².

В ноябре 1935 года Заграничная Делегация проведет расширенное совещание, посвященное тому, как бороться против нарастающей опасности новой мировой войны. По входящему в норму правилу никакого протокола не велось. Свою личную запись всех выступлений, прозвучавших на совещании, сделал только Гарви, отправив ее в Нью-Йорк И.А.Виляцеру для ознакомления. Одновременно он перешлет Виляцеру для публикации в «Die Zukunft» свою статью, в основу которой было положено его выступление на совещании. При этом он указывал, что в дискуссионной статье, опубликованной им на эту тему в «Социалистическом Вестнике» и двух номерах французского ежемесячника «Combat Marxiste», его взгляды изложены в остро полемической форме, а в статье предлагаемой в «Zukunft» они даны «более систематически, и отчетливо». Места для такой статьи в «Социалистическом Вестнике» и близ-

Гарви. 30-е годы

ких ему по духу изданиях Рабочего социалистического Интернационала (РСИ) не было. И Гарви с горечью писал Виляцеру: «Я хочу, чтобы совокупность взглядов, изложенных в моих тезисах, увидела свет, хотя бы еврейский свет, мало доступный другим»³. Места для такой статьи в «Социалистическом Вестнике» и близ-

ких ему по духу изданиях Рабочего социалистического Интернационала (РСИ) не было. И Гарви с горечью писал Виляцеру: «Я хочу, чтобы совокупность взглядов, изложенных в моих тезисах, увидела свет, хотя бы еврейский свет, мало доступный другим»³.

Личные отношения с Даном были весьма напряженными. Чувствуя растущую изоляцию, Гарви болезненно реагировал на любые выпады против него, отчего на фотографиях того времени выглядел весьма напряженным и значительно старше своих лет. Все чаще и чаще вглядывался он в любительские снимки 20-х, подаренные ему Эммой Савель-

² Hoover Institution Archives. Boris I. Nikolaevsky Collection (далее – Hoover). Series 16. Box 30. Folder 1. Письмо Войтинского к Церетели от 4 марта 1926. Оригинал, рукопись, чернила.

³ См.: Columbia University in the City of New York. Bakhmeteff Archive of Russians and East European History's and Culture. Boris Sapir Collection (далее – BAR). Series VIII. Box 68. – Судьба материалов ноябрьского 1935 года совещания ЗД была еще более печальной. Они пролежали в семейном архиве Гарви до смерти его вдовы и были обнаружены мной в конверте с надписью: «Боре», т.е. Б.М.Сапиру. Чуть выше этой надписи рукой Сапира записано: «Получил по завещанию от Софьи Самойловны Гарви» (См.: Ibid.).

евной и Владимиром Савельевичем Войтинскими. На них он и его семейство были рядом с Павлом Борисовичем Аксельродом. Лично для Гарви эти годы оказались самыми лучшими за все время эмиграции. Находиться рядом с учителем, чувствовать его поддержку было счастьем. Да и Дан в то время был более сдержан.

Гарвята (слева направо) Сильвия и Юрий с Павлом Аксельродом

После публикации в «Zukunft» и его отказа писать в «Социалистический Вестник» статьи о кратком курсе «Истории ВКП (б)» Гарви больше не приглашали ни к сотрудничеству в журнале, ни на собиравшиеся в 1938 и 1939 годах партийные совещания при Заграничной Делегации.

25 сентября 1939 г. он обратился с письмом к Ф.И.Дану, в котором высказал все, что думал о создавшемся положении:

«Пишу Вам, Федор Ильич, потому, что не хочу, чтобы мое молчание могло быть истолковано Вами и идущими за Вами членами Заграничной Делегации как знак моего примирения с созданным для меня невыносимым положением в партии. Не хочу, чтобы мое молчание, которое длится ровно год, окончательно успокоило Вашу и их совесть.

Я не дал огласки моему вынужденному Вашим и ЗД поведением, уходу из "Социалистического Вестника" после 15 лет активной работы в нем. Я молчал и молчу, щадя интересы партии, – того, что от партии еще осталось, – не считая уместным в такое время привлекать общественное внимание к организационным вопросам нашего эмигрантского микрокосмоса. Но Вам, Федор Ильич, я выскажу все, что думаю по этому поводу.

Я считаю, что по отношению ко мне, старому члену партии, в течение 40 лет непрерывно с нею связанному и в ответственные периоды ее истории занимавшему в ней, по выбору и доверию, ответственное положение, совершено из фракционных побуждений и из бездушного формализма преступление, которое я не могу назвать иначе, как политическим убийством. Виновником этого преступления, я сказал это Вам в лицо на частном совещании Загр[аничной] Делегации прошлой осенью, я считаю Вас лично, а также всю Заграничную Делегацию, которая малодушно следует за Вами, частью из слепого доверия к Вам, частью подстегиваемая политикой ультиматумов, которой Вы, даже когда находились в меньшинстве, умели, в нарушение традиций меньшевизма, обеспечить себе руководящую роль в ЗД.

Да, по отношению ко мне совершено политическое убийство...

Я ли один стал жертвой Вашего организационного формализма, бездушного и бесплодного, не имеющего, кстати, под собою даже достаточного легального основания? Вместо насущной задачи собирания и утилизации всех крупных работников, очутившихся в эмиграции, Вы преследовали цель "сбережения формы" и постепенно создали пустоту вокруг довольно-таки случайного кружка, монополизировавшего партийное руководство. Вы не терпели рядом с собою независимых и самостоятельных мыслящих работников партии (приведу лишь для примера имена В.С.Войтинского и Г.О.Бинштока, политическое одиночество И.Г.Церетели и покойного А.Н.Потресова тоже на Вашей совести). Вы спасали "форму" ценой содержания. Вы всех членов партии, оказавшихся в эмиграции, поставили в положение партийных обывателей, отдельных посетителей клуба, подписчиков "С[оциалистического] В[естника]", неизменно противясь созданию партийных групп. Вы убили в них чувство партийной ответственности, апеллируя к ним только как к пассивной аудитории (с примесью "сочувствующих" и "невозвращенцев"). Иначе возможно ли было их молчаливое примирение с режимом их собственного бесправия и отсутствие с их стороны реакции на уход, одного за другим, ряда виднейших товарищей?

Свою гибельную, расталкивательную политику "сбережения формы" Вы оправдывали необходимостью спасти "мартовскую линию", превращенную Вами в мертвую догму. Вы стремились всеми средствами сохранить внутри Заграничной Делегации "соотношение сил", благоприятное Вашему "течению". Но этим Вы не уберегли Загр[аничную] Делегацию от внутренних кризисов, то и дело грозящих ей взрывом и расколом. Вместо того, чтобы учесть новое положение, перестроиться, собрать все живое, что может быть использовано для будущего партии, Вы продолжаете политику бюрократической "твердости", которая не в традициях меньшевизма и которой нисколько не соответствует твердость Ваших политических взглядов.

Мы все ошибались, конечно. Но в свете того, что произошло в последние годы и особенно после того, что сейчас происходит, скажите, Федор Ильич, по совести: где Ваш мандат на политическое руководство и на организационную твердость? Ваше или партийной оппозиции (мое, в частности) отношение к большевизму, к эволюции советской власти, к политике Сталина оказалось в основном правильным? Вспомните Ваше отношение к вопросу о едином фронте⁴ (телеграмма Ежова–Бэра⁵). Ваше

⁴ Являясь активным сторонником идеи «единства действий», Ф.И.Дан 9 мая 1936 г. в тезисах «О задачах представителя РСДРП на предстоящих заседаниях Исполкома РСИ» подчеркивал необходимость поддержать «предложение французских товарищей о вступлении в контакт с Коминтерном (а также с обоими профессиональными Интернационалами, если такое предложение будет внесено французской партией)». При этом он считал: «Русскую проблему ни в коем случае не следует выдвигать в такой форме, чтобы она выступала как препятствие к совместным действиям, а наша партия — как фактическая противница движения к единству». См.: BAR. Series VIII. Box 69.

⁵ В первой половине августа 1934 года в адрес Французской социалистической партии из Казани поступила телеграмма ссыльных меньшевиков Бэра, Ежова и Захаровой, приветствовавших соглашение «об единстве действий» между французскими социалистами и коммунистами, в котором они выражали надежду, что их примеру «последует все международное рабочее движение» (См.: Социалистический Вестник. 1934. 29 августа. №15–16 /324–325/. С.2). Бер (Бэр, Гуревич) Борис Наумович (1889–1939), участник социал-демократического движения с 1900-х годов, с 1905 г. меньшевик. После декабрьского (чрезвычайного) съезда РСДРП (о) член ЦК, с начала 20-х годов – член Бюро ЦК, ссыльно-поселенец. В 1934–1937 гг. жил в «минусах» в Гусе Хрустальном и Воронеже. Арестован в 1937 г. Погиб во время следствия во Владимирской тюрьме. Реабилитирован в 1997 г. Ежов (Цедербаум) Сергей Осипович (1879–1939) – брат Ю.Мартова, в революционном движении с 1898 г., социал-демократ, меньшевик. С 1906 член ЦК РСДРП. С 1919 неоднократно арестовывался. После очередного ареста в апреле 1922 – ссыльнопоселенец. С

отношение (особенно вначале) к московским процессам⁶, из которых Вы отказывались делать политические выводы. Ваше недопустимо оптимистическое отношение к новой советской конституции⁷. А другой стороны, – в плане международном, Ваши прежние проекты слияния РСИ с Коминтерном, Ваши опыты идеологического сочетания демократического социализма с диктаторским коммунизмом и, особенно, Ваши "военные тезисы", ориентированные на возглавление антифашистской коалиции держав Советским Союзом⁸ ...

1928 по 1932 и с 1932 по февраль 1935 отбывал «минуса» в Саратове и Казани. 25 февраля 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР за «непрестанную борьбу против ВКП (б) и советского правительства» приговорен к высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Реабилитирован в 1990. Захарова Конкордия Ивановна (1879–1938) – жена С.Ежова – социал-демократ, агент «Искры», с момента раскола партии – меньшевичка, участница первой российской революции 1905–1907 гг., видный организатор и деятель профсоюзного движения.

⁶ Речь идет о фальсифицированных московских процессах 30-х годов.

⁷ Ф.И.Дан был инициатором первого и соавтором второго проекта писем на имя сначала конституционной комиссии, а затем съезда Советов в связи с новой Конституцией СССР. Первоначальный проект рассматривался на партийном совещании при ЗД 17 сентября 1936. Войтинский отозвался о нем весьма нехлестно (См.: Россия XXI. 2006. №2. Письмо №7. С.153). Особенно его возмутил следующий пассаж: «Нас в течение долгих лет отделяли от ВКП серьезные принципиальные и тактические разногласия. Мы долгие годы, в рядах рабочего класса, вели борьбу против политики ВКП, которую считали ошибочной. Мы и теперь коренным образом расходимся с ВКП как в оценке совершающихся в Сов[етском] Союзе процессов, так и в выборе путей для дальнейшего успешного приближения к социализму и демократии. Мы всегда, даже в годы гражданской войны, как партия, стремились остаться лояльной оппозицией внутри революционного движения в целом. Мы в особенности теперь, когда в новую Конституцию включены многие из наших требований, готовы вести свою политическую деятельность внутри Союза как создающая свою революционную ответственность оппозиция, берущая на себя обязательство честно и безоговорочно выполнять все обязательства, возлагаемые новой Конституцией на граждан СССР. Согласны ли вы, столь же честно и безоговорочно, гарантировать применение к нам, как объединению, и к нашим членам и последователям в Союзе тех прав гражданина, которые предусмотрены в соответствующих разделах Конституции?» (Hoover. Series 279. Box 684. Folder 8).

⁸ Речь идет о тезисах О.Бауэра, Ф.Дана, А.Дюнуа и Ж.Жиромского «Интернационал и война» (См.: Социалистический Вестник. 1935. 10 августа. №14–15 /346–347/. С.19–23), а также самого Дана – «Тезисы о войне», которые он представил на обсуждение расширенного совещания ЗД 30 ноября 1935. (См.: BAR. Series VIII. Box 69) Бауэр (Bauer) Отто (1882–1938) – лидер австрийской социал-демократии, член правительства после револю-

На этом я ставлю точку...»⁹.

Это письмо Гарви многое объясняет в письмах Войтинского, и поэтому мы сочли необходимым привести отрывки из него в этой вводной статье, завершающей нашу публикацию.

№12

Копия письма В.С.Войтинского Ф.И.Дану

Многоуважаемый Федор Ильич!

Б.И. Николаевский сообщил мне, что продажа архива Павла Борисовича сделала возможным дальнейший шаг в направлении издания трудов П.Б. в согласии с его завещанием. Вопрос касается нас, как душеприказчиков П.Б.

Я считаю, что характер очередного издания предрешен нашей перепиской в 1932 г. в Берлине и последовавшим арбитражем И.Г. Церетели¹⁰.

Политические события в Германии помешали нам довести до конца намеченный тогда план и выпустить избранные труды П.Б. на двух языках], по-немецки и по-русски. Теперь немецкий сборник должен быть дополнен русским сборником того же типа. Поскольку средства позволяют это, программа русского сборника может быть расширена, но это не должно менять его общего характера.

Я полагаю, что Вы, независимо от политических соображений¹¹, согласитесь со мной в формальном толковании положения.

В этом случае остается лишь вопрос о редакции, с вытекающими из этого техническими условиями.

ци 1918, видный деятель РСИ; Дюнуа (Dunois) Амадей (1878–1945) – социал-демократ, при расколе Французской социалистической партии в 1920 г. ушел к коммунистам, в 1930 вернулся в ряды ФСП; во время Второй мировой войны – один из руководителей движения Сопротивления, арестован нацистами в 1943, два года спустя погиб в концентрационном лагере. О Жиромском см. примечание 91-е в предыдущей публикации (Россия XXI. 2006. №2. С.167).

⁹ См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.265. Оп.1. Д.31. Л.42–44; Hoover. Series 18. Box 53. Folder 11.

¹⁰ См. об этом подробнее: Ненароков А.П. Последняя эмиграция Павла Аксельрода. М., 2001. С.130–133.

¹¹ По мнению Войтинского Гарви питал, исходя из «политических соображений», излишнюю почтительность к Дану.

Но, разумеется, положение меняется, если Вы пожелаете войти в редакционную коллегию. В этом случае план дальнейшей работы должен быть определен сговором между нами, с участием И.Г. Церетели в спорных вопросах.

Очень обяжете меня сообщением, остаетесь ли Вы при отказе от участия в редактировании сборника трудов П.Б. или готовы принять участие в коллегии по подготовке русского сборника.

№13

Вашигтон, 4 сентября 1937

Дорогие друзья!

Письма Сони из Шамони¹² доставили нам искреннюю радость. Не правда ли, славный уголок земли эта Pays du Mon Blanc¹³? Мы хорошо знаем эти места. Пожалуй, лучше всего там этот маленький ледничок, Boisson (или как его там?), выползающий из леса в самую глубь долины. Очень хороши и «иглы», торчащие над сосновыми вершинами. А сам Mon Blanc хорош только с большого расстояния, напр[имер] из Женевы. Вблизи он теряется. В наше время Mon Blanc выделялся своей белизной, т.к. его вершину подметали и чистили щетками с мелом каждую субботу. Как теперь? Я слышал, что из-за кризиса его запустили, и он больше не блестит на солнце.

Во всяком случае, хорошо, что Вы выбрались из Парижа. Молодец Сильвуша! Недаром я считал, что у нее больше инициативы, чем у всех прочих Гарвей, взятых вместе.

Мы недавно вернулись домой после месячного путешествия по Канаде и северо-восточной части Соед[иненных] Шт[атов]. Видели много любопытного, прекрасно отдохнули. В смысле физическом чувствуем себя гораздо лучше, чем после прошлогоднего вояжа. В особенности я вернулся тогда изрядно потрепанным и, собственно говоря, не мог опривиться по-настоящему до самой зимы.

У нас трудовой сезон в полном разгаре. Я заканчиваю спешно свою книгу. Ея успех или неуспех будет иметь большое значение для нашего дальнейшего устройства в Америке. По нашим европейским понятиям,

¹² Лето 1937 г. Софья Самойловна и Петр Абрамович Гарви с дочерью провели в Швейцарии.

¹³ Pays du Mon Blanc (фр.) – страна белой горы.

книга мне удалась (теперь я уже могу судить о ней). Но придется ли она здесь ко двору, не знаю. Здесь пишут по-иному, чем в Германии. Черт их знает, как отнесутся американские читатели к моим несколько необычным соображениям о структуре населения и хозяйства в их стране. Три четверти рукописи уже сданы на просмотр моим амер[и]канским коллегам. А о трудовом сезоне Эммочки пока ничего определенного сказать не могу. Терпение! Со временем все выяснится. А пока – silence¹⁴.

Большое спасибо Вам за Illustration¹⁵. Картины выставки¹⁶ были очень интересны нам. Какая бездна изящества и вкуса! Но у меня впечатление, что все представлено в Париже в очень миниатюрном масштабе. Бросается ли это в глаза? Или тщательность выбора скрадывает скромные размеры выставки?

Посылаем Вам серию статей о России, появившихся в здешних демократических газетах. По-видимому, автор превосходно осведомлен и пишет с большой искренностью, без погони за сенсацией, без преувеличений, без пропагандистских задних мыслей. Я не буду удивлен, если в ближайшем номере «СВ» появится письмо собственного корреспондента, освещающее положение в том же смысле. Я думаю, что автор прав, в частности, в своей оценке прочности режима. Он, несомненно, прав, сравнивая нынешнюю чистку с июньской бойней, учиненной Гитлером¹⁷. Впрочем, буду ждать, что Вы скажете об этих статьях.

Рассуждения Петруши об опыте Блюма меня убедили лишь в том, что я уже раньше подозревал: какая ужасная вещь «марксистская» теория «соотношения реальных сил»! Она все оправдывает: и трусость, и глупость, и невежество. Пр[авитель]ство Блюма не пыталось «делать» экономическую политику и не имело никакой экономической программы. Это факт. И вот начинаются объяснения: оно не могло ничего сделать в виду соотношения сил! Да кто знает, какое было бы соотношение сил, если бы народ почувствовал, что это пр[авитель]ство борется с

¹⁴ Silence (фр.) – молчание.

¹⁵ Весьма популярный в 30-х гг. прошлого века иллюстрированный общественно-политический журнал на французском языке.

¹⁶ Имеется в виду художественная экспозиция Всемирной парижской выставки 1937-го.

¹⁷ Войтинский сравнивает сталинские чистки на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 года с июньской (1934) бойней в Германии, когда Гитлер беспощадно расправился с той частью собственных штурмовиков и их командиров, которые ожидали претворения в жизнь «социальных требований».

кризисом и может победить его? Разве соотношение сил не есть функция программ, лозунгов, действий различных партий? Разве разум, воля, решимость, вера не являются «реальными силами»?

Я не знаю худшей насмешки над пролетариатом, как внушать ему, что бездушная теория приспособленчества к «реальным силам» есть философия рев[олюционной] борьбы. Вот Вы, Петруша, считаете, что у Рузвельта руки были развязаны ввиду «соотношения сил». А знаете ли Вы, что большая часть проведенных им мер была кассирована Верховным Судом ввиду неконституционности? Знаете ли Вы, что его попытка реформировать Верховный Суд разбилась о сопротивление Конгресса? Знаете ли Вы, что он имеет против себя почти всю верхушку своей партии? Знаете ли Вы, что он поднял вопрос о соц[иальном] страховании, когда могущественная Ам[ериканская] Фед[ерация] Труда была против этого проекта? Но в том-то и дело, что политика создает новые силы и вызывает перегруппировку старых сил. В этом смысле историческая роль Вельсов¹⁸, Браунов и Гильфердингов и заключалась в том, чтоб подготовить в Германии то соотношение сил, которое они и подготовили... Вот!

А сегодня мы видели новый фильм Истмена¹⁹: «От Царя к Ленину». Это монтаж репортажных съемок, сделанных в России сотней фотографов между 1914 и 1919 гг. На экране мелькали Троцкий, Каменев, Ленин, Керенский, Церетели, Скобелев, Чхеидзе, Шрейдер, Чернов, Авксентьев, Карахан, Зиновьев, – только Сталина не было видно. Фильм явно троцкистский, но очень интересный. Если будут давать его в Париже, не пропустите. И Ир[аклию] Георг[иевичу] скажите, чтобы непременно пошел посмотреть.

От Виляцера получили на днях письмо. Он занят собиранием долларов для «С[оциалистического] В[естника]» и готов приняться за сборы для издания трудов П[авла] Б[орисовича]. Но без особых надежд на успех.

Я уже сам не рад, что поднял вопрос о переписке с Даном. Лучше было вести дело, как предлагали Ир[аклий] Г[еоргиевич] и Николаевский. Послал ему новый проект письма. Но буду вполне удовлетворен,

¹⁸ Вельс (Wels) Отто (1873–1939) – правый немецкий социалист, один из председателей партии с 1919 г., член рейхстага до и после Первой мировой войны вплоть до 1933-го.

¹⁹ Истмен (Форрес Гер) Макс (1883–1969) – американский журналист, писатель, кинодокументалист, профессор Колумбийского университета.

если Вы этот проект забракуете и примете просто к сведению мой отказ от первоначального моего предложения.

С дружеским приветом всем Вам

Ваш *Вл. Войтинский*

№14

Вашингтон, 28 ноября 1937

Дорогие друзья!

Из нашего американского «далека» с интересом следим за тем, что творится у Вас. На прошлой неделе шли сообщения об авансах Гитлеру со стороны англичан²⁰, а сегодня узнали о новой победе «единого фронта» с коммунистами²¹. Здесь после провала Брюссельской конф[еренции]²² усилились настроения в пользу невмешательства в дела Старого Света.

Помимо этого, общественное внимание поглощено здесь экономическими вопросами. Налицо признаки сокращения хозяйственных оборотов («recession», как называют здесь этот процесс, в отличие от «depression»). Отчасти это результат пораженческих махинаций и пропаганды реакционных акул биржи, жел[езных] дорог и т.п. Но отрицать попятное движение невозможно. На очереди новый эксперимент выравнивания конъюнктуры. На этот раз хозяйственникам будут сделаны уступки (главным образом в вопросах налогов и гос[ударственного] бюджета), но в исторической перспективе это будет новым опытом обеспечения «бесконъюнктурного» хозяйства демократическими методами.

После трех месяцев весьма напряженной работы я понемногу выкарабкиваюсь. Из моего «герог'а» комитету получилось две книги неравной величины (одна на 200–250 стр., другая на 100–120 стр.). После тщательной обработки материал принял американски-читабельный облик. Это американизированное изложение было для меня всего труд-

²⁰ На переговорах Гитлера с лидером палаты лордов Великобритании Галифаксом в Бертехсгадене 19 ноября от имени английского правительства была предложена программа англо-германского экономического и политического сотрудничества, фактически сдвигающая препятствия перед германской экспансией на Восток.

²¹ Речь идет о новых законодательных инициативах французского правительства.

²² Брюссельская конференция 3–4 ноября рассматривала вопрос о японской агрессии в Китае, но никаких решений не приняла.

нее. Основные мысли обоих докладов были уже приняты соответствующими организациями, а мне все еще приходилось возиться с распределением материала, редактированием текста и т.п.

Теперь все это более или менее закончено. Но книги вряд ли выйдут из печати раньше весны.

Впрочем, это уже не моя забота. С завтрашнего дня принимаюсь вплотную за новый «project», как называют здесь научные исследования.

Здесь совсем, было, установилась зима. Но вчера налетел теплый ветер из Флориды и сегодня на дворе 20°, т.ч. и топить не надо.

Недавно в одном канадском журнале («Canadian Forum») мы прочли стихи, посвященные моей последней книге, выпущенной в Женеве. Т.к. это первая стихотворная рецензия, к[отор]ой я удостоился, то посылаю Вам копию. Просьба к Петруше: перевести на русский яз[ык] столь же звучными стихами и, если можно, поместить в «С[оциалистическом] В[естнике]». Стихи левые, т.ч. редакция должна заинтересоваться.

Последние дни получаем мы русскую газету из Чикаго²³. Орудует В. Лебедев²⁴, объединяя прогрессивную русскую общественность. Там и Слоним²⁵, и загробные письма Лазарева²⁶, и др. А стиль такой: «Вечер обещает быть исключительно удачным, благодаря любезному выступлению любителя публики актера такого-то». После № этой газеты прирешься за недочитанную с прошлого месяца дановщину, и кажется, будто она по-русски написана, да притом еще с умом и талантом.

Кстати, о Дане. Я получил от него ответную ноту, содержание коей, вероятно, Вам известно. Но, на всякий случай, посылаю ее Вам. Просьба: по прочтении передать Б.И. [Николаевскому] для приобщения к делу²⁷ («Товарищ, прочитай, передавай другим!»²⁸).

²³ *Скорей всего, речь идет о «Русском обозрении», еженедельной независимой, литературной и общественной газете. В Чикаго она выходила в 1930–1941 гг.*

²⁴ *Лебедев Владимир Иванович (1883–1956) – публицист, журналист, писатель, литературный критик, член партии социалистов-революционеров, в эмиграции с 1919 г.*

²⁵ *Слоним Марк Львович (1894–1976) – политический деятель (эсер, депутат Учредительного Собрания), публицист, литературный критик, переводчик. Россию покинул в 1919 г.*

²⁶ *Лазарев Иван Васильевич (1876–1929) – актер Московского Художественного театра.*

²⁷ *«Ответная нота» Ф.И.Дана не выявлена.*

²⁸ *Такой призыв регулярно публиковался на страницах «Социалистического Вестника».*

Думаю, что никакого нового письма от меня не требуется. Но, если надо, я напишу (по-русски писать для меня – раз плюнуть, не то, что по-американски).

Пишите, как живете, что поделываете.

С сердечным приветом всем Вам

Ваш *Вл. Войтинский*

№15

[Вашингтон], 4 ноября 1937

Дорогие друзья!

На днях просмотрел первую часть новой книги К. Каутского. Какую пропасть материала проработал старик, и как добросовестно, честно и ясно все это изложено. Не знаю, нужно ли это кому-либо, но К.К. внушает мне огромное уважение. Конечно, это человек из того же материала, что П[авел] Б[орисови]ч.

Как подвигается сборник П[авла] Б[орисови]ча? Мне крайне досадно, что я задержал издание.

На Бинштока²⁹ мы ничуть не сердимся и на днях его вспоминали, правда, по случайному и внешнему поводу (в зоологическом саду, перед клеткой австралийского марабу).

Поймал ли Петруша Дюрре и отобрал ли у него мою рукопись³⁰?

Я больше года не имел известий от Каффи³¹. Встречаете ли его? С интересом прочел в «СВ» фельетон Осокина. Кто он?

Будьте здоровы и веселы.

Ваш *Вл. Войтинский*

²⁹ *Биншток Григорий Осипович (1884–1954) – социал-демократ. До 1905 – большевик, затем меньшевик. С 1922 – эмигрант. В 1923–1929 – активный участник правой внутрипартийной группы семи. Кроме него, в нее входили: два члена ЗД – Г.Я.Аронсон, А.Кефали (М.С.Камермахер), Войтинский, Гарви, Ю.А.Гринфельд, А.Э.Дюбуа (см. о нем дальше). С 1929 - член социал-демократической партии Германии. После прихода к власти Гитлера проживал в Праге, затем бежал в Лондон, а с началом II мировой войны – в США. В какой-либо политической жизни более не участвовал.*

³⁰ *См.: Россия XXI. 2006. №2. Письмо №11. С.169.*

³¹ *Каффи А. – французский журналист, которому Войтинский хотел поручить перевод своей рукописи о событиях 1917 года в России.*

№16

Washington, D.C., 24 декабря 1937

Дорогие друзья!

Дановскую ноту я давно отослал Вам заказным письмом. Если письмо пропало, предъявлю почтовому управлению иск суммою в 5 сантимов (по совести, документ больше не стоит, а наживаться на нем я не хочу). На днях повидуюсь с Виляцером и пр[очими] нью-йоркскими товарищами и поговорю с ними о подготовке издания. Свою долю работы мы с Э[ммой] Сав[ельевной] тоже выполним, за нами задержки не будет.

Одновременно с Вашим последним письмом пришло очередное известие о расстрелах в СССР. Карахан³², Енукидзе³³, Ларин³⁴... (Кстати, какой это Ларин? Неужто Лурье³⁵?) Разделяю вполне Ваше отвращение и недоумение перед этими расстрелами. Но у меня не получается впечатления о непосредственном критическом положении в России. Скорее, наоборот, мне кажется, что эти казни связаны с послереволюционной консолидацией режима.

Конечно, это не бонапартизм. Бонапартизм требует Бонапарта, а у Сталина нет ни гения, ни блеска, ни великодушия Наполеона. Но сходство в том, что сталинский режим, как и Империя во Франции, пришел после революции и на смену революции. Такой режим, закрепляя результаты предшествовавшей ломки, вместе с тем становится альтернативой дальнейших изменений. Он не контрреволюционен, но консервативен и непримиримо враждебен продолжению революции.

³² Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889–1937) – социал-демократ с 1904 г., меньшевик, затем (с 1917) большевик, после октябрьского переворота – на дипломатической работе.

³³ Енукидзе Амель Сафронович (1877–1937) – участник революционного движения в России (с 1898), большевик, с 1918 г. – секретарь Президиума ВЦИК, в 1922–1935 гг. – секретарь Президиума ЦИК СССР.

³⁴ Ларин Ю. (Лурье Михаил Зальманович) (1882–1932) – социал-демократ, меньшевик, большевик с 1917 г., видный советский государственный деятель, экономист. Он умер до начала процессов, иначе точно был бы расстрелян, ибо дочь его, Анна Михайловна, жена Бухарина, была арестована и провела в лагерях да ссылках без малого 20 лет.

³⁵ Речь идет о расстрелянных по делу т.н. «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» двух членах Коммунистической партии Германии однофамильцах Лурье – профессоре Московского университета М.И.Лурье и главном враче зрелопункта Челябинского тракторного завода Н.Л.Лурье. Оба они приехали в СССР в 1932 г.

Этим ставится на очередь вопрос, в чем же сущность «революции». Я думаю, что «революция» – понятие чисто формальное, лишенное какого бы то ни было политического, социального и морального содержания. Это – переворот, разрыв непрерывности, смена одной легальности другой легальностью. В исторической перспективе «революции» отмечают точки бурного, ускоренного движения. Привходящие черты процесса объясняются именно возрастанием скорости. Отсюда и спиральность движения, и качание маятника, и пафос революционных эпох, и кровь и грязь, остающиеся за революционной колесницей.

Итак, после пафоса ломки, разрушения старых форм жизни, революционных темпов приходит новая полоса покоя, устойчивости быта, личного благополучия, возвращения к традициям. Без этой новой полосы те социально-политические процессы, к[отор]ые происходили в предшествующую «революционную» эпоху, не могут утвердиться. Но по своему духу новая эпоха непримиримо враждебна предыдущей. Вчерашние герои становятся преступниками, вредителями, предателями. Их физическое истребление является для народа доказательством того, что надоевшая всем «революция» кончилась и не возобновится. Но этим же символизируется и закрепление «завоеваний революции». В этом нет противоречия, ибо результаты переворота могут быть закреплены лишь устойчивостью нового равновесия.

И вот здесь сказывается различие между Сталиным и Наполеоном. Наполеон сумел сохранить своих бывших соратников якобинцев при помощи блестящего маскарада. Будучи головой выше их, он не боялся ни одного из них. Отблесками своей славы он осветил их так, что народ забыл в них «героев» 1793 г. А Сталин не способен на столь тонкую игру и выполняет свою историческую роль с прямолинейностью мясника. Есть много оснований полагать, что это не избавит его самого от общей участи. Погибнет и он, как другие. И так же будет ошельмован после смерти. Процесс зашел так далеко, что возврата уже нет.

А что из всего этого получится? Получится консолидация того, что есть. Плебейское тоталитарное государство, плебисцитарная диктатура, система государственного капитализма. Больше этого от «октября» не могло остаться. И потому я не вижу попятного движения ни в ликвидации словесной мишуры, к[отор]ой в течение ряда лет этот строй прикрывался, ни в ликвидации тех людей, к[отор]ые этот строй воздвигали на крови, насилии, обмане, развращении народных масс.

Письма опальных бояр, бежавших за литовский рубеж или решивших остаться за этим рубежом, ничего не доказывают. Их разоблачени-

ям и «революционной совести» я верю не больше, чем чистосердечным признаниям их менее притких товарищей. Если Дан мечтает разогреть свою фракционную похлебку подле этих огарков, это доказывает только, что горбатого могила исправит.

Вообще же я думаю, что самоликвидация большевиков, происходящая в настоящее время в России, далеко не самая тяжелая жертва, понесенная народом за последние 20 лет.

Вот, друзья мои, как представляются мне события. Впрочем, я за русскими газетами не слежу и многого не знаю. Ваша информация, конечно, полнее.

У нас все благополучно. Я принялся за новую работу. Пока раскачиваюсь, но уже наметился ряд очень любопытных проблем, как методологического, так и социологического характера (о резервах рабочей силы в стране и т.п.). На праздниках мы кутим. Поедем на конвенцию статистиков и экономистов, к[отор]ая собирается в Atlantic City, на берегу океана, а оттуда в Нью-Йорк, где встретим Новый Год на красно-крестовской вечеринке. В неизвестном отсутствии пробудем целую неделю. Зато после Нового Года работы предстоит куча, особенно Эмме Сав[ельевне] (я-то буду дальше раскачиваться).

У Ясных конъюнктура повернулась к лучшему. После двух лет без заработка (хотя и не совсем без работы) Н[аум] М[ихайлович] получил приглашение в научный институт в Калифорнии. Место временное, но работа интересная и открывающая кое-какие перспективы в дальнейшем. Он прямо воскрес, и мы очень рады за него. Теперь, вероятно, он сам Вам напишет. А если не напишет, то исключительно в силу предосудительных черт своего характера, а не по каким-либо еще другим причинам.

С дружеским приветом.

Ваш *Вл. Войтинский*.

P.S. Посылаю Вам пару газетных вырезок, иллюстрирующих отношение американской печати к советским выборам. Прибавлю, кстати, что в «единичных» кандидатах я не вижу никаких намеков на поражение Сталина³⁶. Это вполне логичное применение принципа плебисцита к карикатурному парламенту. Муссолини и Гитлер это давно поняли.

³⁶ *Первые (декабрьские 1937) выборы в Верховный Совет СССР по новой Конституции 1936 года. В них, наряду с делегатами, выдвигаемыми от правящей партии, выдвигались*

№17

[Вашингтон, без точной даты,
вторая половина января 1938]

Дорогие друзья!

Как живете? Что нового у Вас, дома и в парижской колонии?

У нас началась зима. Один день даже снег выпал! Погода стоит чудесная. Но много гулять не приходится, много скопилось работы, и у меня, и у Эммы Сав[ельевны]. Все же нашел время прочитать, от доски до доски, книжку Ст. Ивановича³⁷.

Предвижу, что Вы будете меня спрашивать, что я об этом произведении думаю. Прежде всего, она очень плохо написана, каким то неестественным языком, с вывертами, словечками. Слова неточные, сбивчивые, местами изложение неясное и прямо неграмотное. План книги тоже сбивчивый, не то биография, не то характеристика, не то воспоминания. Меньше всего, это «портрет». Образ А[лександра] Н[иколаевича] получается бледный, неубедительный и убийственно неинтересный. Выявлены всего две черты характера А[лександра] Н[иколаевича] – сильное национальное чувство и то, что Ст.И[ванович] называет «отъединенностью». Но обе черты относятся лишь к определенному периоду в жизни Ал[ександра] Н[иколаевича], и они не отражают всего человека. Лампадное масло страстно терпе-

и т.н. беспартийные, которых Войтинский называл «единичными». Сталин, как известно, видел в них «нерушимый блок беспартийных и коммунистов».

³⁷ Ст. Иванович – Португейс Семен Осипович (1880–1944) – юношей вступил в социал-демократическое движение. С 1903 – меньшевик. В 1904 г., после провала, бежал за границу. Принимал участие в работах «кружка отъезжающих», которым руководил П.Аксельрод. В 1905 вернулся в Россию, работал в Одессе, впервые выступив под псевдонимом «Ст. Иванович» (в память одного из основателей партии Степана Ивановича Радченко). После поражения первой российской революции, сторонник ликвидаторства. Во время войны оборонец, после февраля – активный сторонник А.Н.Потресова. После прихода большевиков к власти переезжает в Одессу, где входит в тамошний Союз Возрождения. В эмиграции (с 1922) издает журнал «Заря», выступая против официальной позиции РСДРП. С приездом за границу Потресова становится одним из сотрудников его журнала «Записки социал-демократа». Активно сотрудничал в «Современных Записках», газетах «День», «Новая Россия», «Последние Новости», «Крестьянская Россия», в которых руководство партии запрещало выступать социал-демократам. Книга, о которой ведет речь Войтинский: А.Н.Потресов. Опыт культурно-психологического портрета. Париж, 1938.

чества не спасает дела. В сухом, деловом рассказе Б[ориса] Ив[ановича], Потресов вырисовывался как большой человек, и все в нем казалось значительным и глубоким. А после влюбленного сюсюканья Ст. Ив[анови]ча как-то самая вера в значительность Потресова начинает колебаться. Как хорошо, что в свое время мы воспротивились идее сборника поминальных статей!

Впрочем, если отречься от характеристики Ал[ександра] Н[иколаевича], то в книжке Ст. Ив[анови]ча можно найти кое-что интересное. Лучше всего в ней личные воспоминания автора: «День», начало б[ольшевизма], заграничные эмигрантские дразги. «Партийная оппозиция» изображена достаточно выпукло, в натуральную величину и в естественных красках. Можно надеяться, что эта часть книги переживет прах прочих глав. Еще хорошо, что Ст. Ив[анови]ч помянул добрым словом Ингермана. А все прочее можно было и не печатать вовсе.

Напишите, какое впечатление произвела книжка на Вас, и какую реакцию вызвала она в наших кругах.

А если хотите прочитать по-настоящему хорошую книгу, дающую портрет большого человека, возьмите вышедшую недавно биографию М-me Curie, написанную ее дочерью³⁸. Какая это изумительная книга! Такой захватывающей биографии я давно не читал. Вот как писать надо!

В с[оциал]-д[емократической] колонии в Вашингтоне большие перемены. Колония, как Вы знаете, состоит из трех человек (мы с Эммой Сав[ельевной] да Ясный). В настоящее время она сократилась до двух чел[овек], т.к. Ясный на 7–8 месяцев переехал в Калифорнию. После двух лет безработицы и невезения, он, наконец, нашел хоть временную, но хорошую работу в научном институте. Да и климат тамошний для него лучше. Очень рады за него.

Шлем Вам сердечный привет

Ваш Вл. Войтинский

³⁸ Речь идет о книге Евы Кюри о своей матери физике и химике М-me Curie-Skłodowska. Скловдовская-Кюри Мария (1867–1934) вместе с мужем Пьером Кюри (1859–1906) была одной из первооткрывателей учения о радиоактивности веществ, собственно, именно она и ввела в научный оборот этот термин. Лауреат Нобелевской премии (1903) по физике (совместно с П.Кюри и А.Беккерелем), а также и химии (1911).

№18

[Вашингтон, без точной даты,
весна 1938]

Дорогие друзья!

Последнее время вести из Парижа стали реже. А из России мы совсем не имеем писем уже третий год.

«СВ» читаю без малейшего удовольствия. Полная беспомощность и растерянность, приправленная комичным самодовольствием. Союз с боярами, бегущими из Москвы от царского гнева, просто отвратителен. Для меня нет ни малейшего различия между Кривицким³⁹, Ягодой⁴⁰ и Ежовым⁴¹. Чистейшая случайность, кто кого из этой троицы расстрелял и кто от кого бежал. По существу же они все трое друг друга стоят. То же и Бутенки⁴².

³⁹ Кривицкий (Гинзбург Самуил Гершевич) Вальтер Германович (1899–1941) – чекист, резидент советской разведки в Западной Европе, в 1937 г. стал невозвращенцем (См.: Krivitsky W.G. I was Stalin's agent. L., 1939).

⁴⁰ Ягода Генрих (Енохом Гершелович) Генрихович (1891–1938) – большевик с 1907, неоднократно арестовывался и высылался под надзор полиции. В 1915 мобилизован, член военной организации РСДРП (б). В 1918–1919 – управляющий делами и заместитель председателя Высшей военной инспекции Красной Армии. В 1920 член Коллегии ВЧК, с осени того же года – управляющий делами. С 1922 – заместитель председателя Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР. В 1924–1934 – заместитель председателя ОГПУ при СНК СССР. С 1930 – кандидат в члены ЦК ВКП (б), с 1934 народный комиссар внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности. В марте 1937 объявлен участником т.н. «антисоветского право-троцкистского блока». 15 марта 1938 расстрелян. В посмертной реабилитации отказано (См. подробнее: Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов / Сост.: В.К.Виноградов, А.А.Зданович, В.И.Крылов, А.Л.Литвин, Я.Ф.Погоний, В.Н.Сафонов; Научн. ред. А.Л. Литвин. Казань, 1997).

⁴¹ Ежов Николай Иванович (1895–1940) – большевик с 1915. В 1919–1936 на партийной работе (секретарь Семипалатинского губкома РКП (б), с 1927 – в аппарате ЦК ВКП (б): секретарь ЦК, председатель комиссии партийного контроля, член Исполкома Коминтерна), с 1936 – народный комиссар внутренних дел, генеральный комиссар государственной безопасности, арестован в апреле 1939. Расстрелян 4 февраля 1940. В посмертной реабилитации отказано (См. подробнее: Полянский А.А. Ежов: история «железного» сталинского наркома. М., 2001; Starkov V. Narkom Ezhov // Stalinist Terror. New Perspectives. Cambridge University Press. 1993).

⁴² Бутенко Василий Феодосьевич (1894–1976) – офицер Добровольческой армии, участник Ледяного похода. В эмиграции с 1920 г. Закончил Загребский коммерческий институт.

Позиция Раппопорта⁴³ тоже меня не устраивает. Пока б[ольшеве]ки расстреливали крестьян, «буржуев», священников или истребляли интеллигенцию, Р[аппопорт] не протестовал. А заговорила у него совесть лишь тогда, когда очередь дошла до его личных друзей. Сталин был хорош, когда палачествовал над не большевиками. Он стал плох потому, что начал расправляться со вчерашними палачами. Этой двойной бухгалтерии я не приемлю. Московские процессы отвратительны, но то обстоятельство, что жертвами оказались вчерашние носители власти, ничуть не увеличивает безобразия этих процессов. Скорее наоборот. Мне кажется, что всякая иная оценка противоречила бы требованиям общечеловеческой морали.

М.б., это не по-марксистски, но многое в наше время делается не по Марксу... Впрочем, не буду углубляться в эту тему.

Желаю Петруше успехов в описании того, как есть пошла меньшевистская партия и что из этого вышло. Я думаю, что когда-нибудь это пригодится. Но у меня лично произошел странный отрыв от прошлого. Я как-то не чувствую больше преемственной связи с тем С. Петровым, к[отор]ый носился когда-то по заводам, организовывал безработных, сидел в тюрьме. Все это было так бесконечно давно, столько воды с тех пор утекло, так переменялись все ценности. С. Петров для меня почти такой же литературный образ, как Юрий Милославский или кузнец Вакула. Поэтому, между прочим, я весьма равнодушен к судьбе моих воспоминаний. Французское издательство расстроилось, конечно, что А.Каффи не приготовил перевода. Но вина целиком на мне, пункт 1-й – т.к. я навязал издателю своего переводчика, пункт 2-й – то, что я не хотел напоминать ему о переводе и предпочел похоронить дело. Впрочем, я не жалею об этом, т.к. не думаю, чтоб это издание доставило мне особое удовольствие. Прибавилась бы лишняя книжка на камине, вот и

Член ЦК партии «Крестьянская Россия» в Праге. В 30-х годах переехал во Францию. Его статьи Войтинский поминает как ту противоположность информации Кривицкого, которая его так же мало устраивала. После войны переехал в США, работал в «Новом Русском Слове», редактировал «Русский Вестник».

⁴³ *Раппопорт Шарль (1865–1941) – политический деятель, публицист. Член «Народной Воли». После покушения на Александра III бежал за границу. В 1897 защитил степень доктора философии в Бернском университете. Член Социалистической партии Франции, один из учредителей французской Коммунистической партии, соредатор «Юманите», одновременно – корреспондент московской газеты «Известия». В 1938 вышел из рядов Компартии Франции, отказавшейся осудить сталинский террор.*

все. Не заинтересован я и в издании моих воспоминаний о 1917 г. Ну их совсем...

У нас здесь стоит весна. Жары еще не начинались. Лучшее время года в Вашингтоне. Но много работы. Приходится заканчивать разные дела, чтобы со спокойной душой пуститься в странствие в конце июля. По расписанию я должен до отъезда выпустить мою книгу о Labor in the United States и сдать в типографию рукопись другой книги, на более специальную тему.

Теперь несколько слов о проекте постепенного переселения Гарвей и Гарвят в Америку. Отлично понимаю все трудности. Но мне кажется, что преимущества жизни в Америке для молодежи настолько несомненны, а положение в Европе настолько безнадежно, что надо решиться. М.б. будут временные затруднения, а, м.б., даже и затруднений – в смысле потери заработка – не будет. Я встречал здесь молодых людей примерно такого же возраста, как Юра или Сильвуша, перебравшихся в Америку. Поразительно, как быстро они привязались к этой стране и вошли в местную жизнь. Хороший пример – Бича⁴⁴, а еще лучше – молодые Minderhausen'ы⁴⁵. Между прочим, серьезно предупреждаю Сильвушу: если она не переберется в Америку, то есть опасность, что Minderhausen'ы если и не совсем вытеснят ее из наших симпатий, то во всяком случае создадут конкуренцию ей. Здесь молодые люди, подготовленные и желающие работать, не могут долго оставаться без дела. А при работе, естественно, получается избыток заработка, больше чем весь заработок по французскому масштабу. Конечно, это только одна сторона вопроса. Существенно то, что здесь нет «нежелательных иностранцев». Кто вступил на американскую почву и заявил о своем желании стать американцем, становится гражданином, получает все права, вплоть до права быть избранным в конгресс. Единственное ограничение: Президент должен быть сыном американских родителей. Но с этим ограничением можно примириться! Для меня главная суть «проекта» именно в этом: вырваться из атмосферы бесправия, унижений, безнадежности. А дальше – каждый получает здесь свой «шанс», и вступает в силу закон отбора. Одни всплывают, другие идут ко дну. Гарвят мы зовем в Америку, т.к. уверены, что они всплывут (если надо будет, мы им пособим). По отношению к людям моего возраста такой уверенности у меня нет. Поэтому старшему поколению рекомендуется последовать

⁴⁴ Дочка Г.Бинштока и Ю.Гринфельд.

⁴⁵ О ком идет речь, установить не удалось.

за молодыми пионерами немного позже, через пару лет, когда они обживутся и устроятся. Конечно, Вам с горы виднее, Вы и решать будете. Но с нашей стороны проект остается в силе.

Ну, дорогие друзья, желаю Вам всего хорошего, и до скорого свидания.

Ваш *Вл. Войтинский*

№19

*[Вашингтон, без точной даты,
первая половина июня 1938]*

Дорогие друзья!

На этих днях видел своими глазами человека, приехавшего из Парижа, и чуть ли не меньшевика по происхождению. Это Либерман⁴⁶ (лесопромышленник). Он показался мне очень толковым и интересным человеком. Говорили о положении во Франции, России, Германии, Чехословакии и др. странах. Послал через него поклон парижанам. Но что это за птица, собственно говоря, не знаю. Если знаете, напишите.

Еще встретился здесь с одним джентльменом, к[отор]ый 33 года тому назад вел со мной переговоры об объединении руководящих органов петербургского и московского университетов. Теперь он адвокатствует в Нью-Йорке.

А с этими двумя господами приехал в Вашингтон один молодой нью-йоркский экономист, отец к[отор]ого был арестован вместе с моим отцом в Териоках белыми.

Как мал, в конце концов, мир! Все со всеми встречаются!

От Либермана узнал об успехе Дюбуа⁴⁷ на выставке в Париже. Порадовался за него. Но почему Вы ничего не сообщили нам об этом собы-

⁴⁶ *Либерман Семен Исаевич (1883–1946) – специалист в области лесного хозяйства; в эмиграции после 1925 г.*

⁴⁷ *Дюбуа (псевдоним Горский) Анатолий Эдуардович (1882–1959) – участник социал-демократического движения с начала 1900-х, первоначально большевик, с 1906 – меньшевик, сторонник ликвидаторства. Активный участник профессионального рабочего движения. Сотрудник ряда меньшевистских изданий, член редакции «Наше Дело». Во время войны оборонец. В 1917 товарищ министра труда. После прихода к власти большевиков разделял позицию правых, но принимал активное участие в работе партийных организаций Петрограда и Москвы. Во время восстаний на Волге и в Сибири выезжал туда по*

тии? Следуя методу Вольского, заключаю, что Вы утаили от нас известие об успехе Анатолия ввиду его гойского происхождения⁴⁸.

Если конфликт с В[оль]ским дойдет до третейского разбирательства, можете вызвать меня в качестве свидетеля. Я под присягою покажу, что всегда считал Петрушу плохим евреем и не раз упрекал его за отсутствие национального чувства. Кроме того, я объясню третейским судьям, что тенденция Петруши заносить на скрижали истории еврейские имена меньшевиков, умалчивая о тех 2%, имена которых оканчиваются на «ов» и «ий», может проистекать не только из еврейского национализма, но и из прямо противоположного умонастроения.

Вообще говоря, я считаю, что евреи внесли в русскую культуру очень много ценного. Но, перечисляя все то, чем еврейство обогатило Россию, я никогда не начинаю с апрельских тезисов⁴⁹ и меньшевизма.

Переходя к более общим вопросам, здесь преобладает мнение, что опасность войны из-за вопроса о немцах в Чехословакии на ближайшее время устранена. Это считается как бы общепризнанным. Так ли расценивается положение в Париже? Или у вас ощущение затишья перед бурей?

В американских газетах писали, будто у немцев-судетов пропала охота воссоединиться с Германией, ввиду того разгрома (или погрома), к[отор]ый немцы учинили в воссоединившейся с ними Австрии. Похоже ли это на правду?

У нас был прохладный и дождливый май, и лето по-настоящему еще не установилось. Настраиваемся на летний лад, но на южное вашингтонское лето что-то не похоже.

распоряжению ЦК РСДРП. Арестовывался ВЧК в 1918 и 1921. В 1922–1923 находился в ссылке в Сибири. Затем выслан за границу. Участвовал в качестве представителя правых на партийном совещании (1924). С конца 30-х сторонник Дана. Дюбуа был довольно способным скульптором, его работы выставлялись на многих художественных выставках, в том числе и в Париже.

⁴⁸ Метод Вольского, который шутиливо поминает Войтинский, относится к его выводу о том, что в работах по истории меньшевизма фигурируют одни еврейские фамилии. Рукопись этой работы Вольский, со специальной препроводительной запиской, оставил осенью 1937 в почтовом ящике Гарви, с которым в Париже жил в одном доме. Ныне она хранится в одном из дел бокса 53 коллекции Б.И.Николаевского в архиве Гуверовского института. Видимо, в письме Войтинскому Гарви высказал по поводу рукописи нечто неслестное, что дало повод Владимиру Савельевичу спародировать возможность излюбленного в эмигрантской среде обращения к третейскому суду.

⁴⁹ Имеются в виду апрельские (1920) тезисы Ю.О.Мартова.

Печатание моей книги подвигается вперед очень медленно. Типография тянет с набором.

Последняя новость: Ясные переезжают в Бостон. Вероятно, Наум Мих[айлович] из Калифорнии прямо поедет туда, не заезжая в Вашингтон. Переезд связан с работой, к[тор]ую получила в Бостоне жена Ясного.

С сердечным приветом всем Вам, Гарвям и Гарвьятам.

Ваш *Вл. Войтинский*.

№20

*[Вашингтон, без точной даты,
июль 1938]*

Дорогие друзья!

У нас лето вступило в свои права. Заканчиваем работу, готовимся к поездке на Запад. Живем уединенно, но неожиданно-негаданно Эмма Сав[ельевна] встретила здесь своего брата⁵⁰, с к[отор]ым не виделась 35 лет. Конечно, он стал совершенным американцем, русский яз[ык] позабыл совершенно. Из русской публики встречаем здесь только берлинских Гольденвейзеров⁵¹.

В газетах пишут о необычайной засухе в Европе. Будто бы неурожай хлебов был одним из факторов сохранения мира в Европе, т.к. Германия и Италия не решаются драться на пустое брюхо. Выдумка ли это газетчиков? Или у Вас тоже так думают?

⁵⁰ Сводный брат от первого брака отца Эммы Савельевны.

⁵¹ Речь идет о семье Гольденвейзера Алексея Александровича (1890–1979) – юриста, выпускника Киевского университета Святого Владимира, где затем читал лекции по общей теории права. Работал помощником присяжного поверенного у своего отца, также известного юриста. В дни Февральской революции – член Исполнительного комитета общественных организаций Киева, в 1918 г. входил в состав Малой Рады, высшего законодательного органа Украины. В 1921 г. эмигрировал в Берлин, занимался защитой беженцев и был экспертом по беженским делам Нансеновского комитета при Лиге Наций. В 1937 г. переехал в США, первоначально жил в Вашингтоне. Там же жили его братья: Александр Александрович (1880–1940) и Эммануил Александрович (1883–1953), эмигрировавшие в США в начале 900-х. См.: Зейде А. Алексей Гольденвейзер: дневники и письма разных лет // *Ab Imperio*. 2005. №3.

Последний № «С[оциалистического] В[естника]»⁵², как мне кажется, побил все рекорды литературной и политической безвкусицы и пошлости. Давненько не приходилось мне читать подобных произведений печати. На 24 стр. 4 статьи Дана и 2 статьи о Дане. Удивительно, что малюсенький человечек может занимать больше места, чем какой-нибудь великан. Объяснения с Цилигой⁵³ по глубокомыслию и моральному пафосу стоят на уровне творений Фомы Опискина⁵⁴. Но лучше всего объяснения Дана с «тов. Дмитриевым»⁵⁵ по поводу того, что названный товарищ его, Дана, смазал не по тому уху, что Ежов, а с другой стороны. Когда я читал эту замечательную статью, я живо представлял себе дворового парня, получившего взбучку от господ и рассказывающего на кухне о случившемся: «Они меж собой больше спорили. Барыня кричит – ты, Федор – свинья! А барин спорит – Ты, мол, Федька с.с.! А я так понимаю, что раз с.с., так, значит, не свинья». Парень весьма доволен тем, что господа поспорили из-за него. Дворня одобрительно гогочет...

Короче, «СВ» докатился до такого уровня, что надо либо реформировать его путем привлечения новых сотрудников и ограничения числа столбцов для дановских литературных упражнений, либо просто прекращать издание. А тянуть издание в нынешнем виде, по-моему, просто стыдно.

Петрушина статья хороша, несмотря на неудачное заглавие⁵⁶. Статья Б[ориса] И[вановича] интересна как историческая справка⁵⁷. Но «борьба

⁵² См.: Дан Ф.И. Несколько слов по «своему» делу // Социалистический Вестник. 1938. №5.

⁵³ Цилига Антон Антонович – член Политбюро югославской компартии и Балканского бюро Коминтерна.

⁵⁴ Псевдоним писателя, драматурга, критика А.Т.Аверченко (1881–1925), автора юмористических журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон».

⁵⁵ Димитров Георгий (1882–1949) – с 1902 член Болгарской рабочей социал-демократической партии, с 1903 – партии т.н. «тесных» социалистов (тесняков), с 1919 – коммунистической партии Болгарии. Один из руководителей сентябрьского восстания в Болгарии 1923 года, затем – эмигрант. На сфальсифицированном нацистами в 1933 году Лейпцигском процессе обвинялся в поджоге рейхстага. С 1935 – генеральный секретарь Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. После Второй мировой войны – председатель Совета министров Народной Республики Болгария и генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии.

⁵⁶ См.: Гарви П. Агрессоры и капитулянты // Социалистический Вестник. 1938. №9–10.

⁵⁷ См.: Николаевский Б. О лозунге «борьба за легальность» и о лозунгах вообще // Там же.

за легальность» при нынешних условиях такой непросветимый и самоочевидный вздор, что об этом едва ли стоит рассуждать серьезно. Это тема для Кузьмы Пруtkова, а не для историка.

Вообще, друзья мои, «СВ» ведется так, что приходится иметь большой запас гражданского мужества, чтобы публично признать свою связь с политическим течением, представленным в этом издании.

Впрочем, ...Бог с ним. Мало ли дребедени печатается на свете?

Мы уже писали Вам о переезде Ясных в Бостон. Н[аум] Мих[айлович] в Калифорнии и сюда не вернется, жена его ликвидирует квартиру и уедет через пару дней. Нам будет не хватать этого талантливового и глубоко порядочного чудака. Что делать, он пришелся в Вашингтоне не ко двору. Надеемся, что в Бостоне, в Harvard'ском ун[иверсите]те, его лучше разглядят и оценят. По-видимому, и у него есть такая надежда, во всяком случае, он доволен переезду.

По делу Каутского⁵⁸ ничего нового. Einstein⁵⁹ ничего не ответил. По-видимому, мысль о награждении немецкого с[оциал]-д[емократа] ему несимпатична. А м.б., у него имеются другие соображения. Не знаю.

Пишите.

С дружеским приветом и лучшими пожеланиями.

Ваш В. Войтинский.

№22

Вашингтон, 2 октября 1938

Дорогие друзья!

Хотя в течение последних 2–3 недель мы наслушались вдоволь голосов из Европы, но ждем с нетерпением известий от Вас. Как оцениваете Вы то, что случилось⁶⁰, и чего ожидаете в ближайшем времени?

⁵⁸ Речь идет о выдвигении Карла Каутского номинантом на Нобелевскую премию.

⁵⁹ Эйнштейн (Einstein) Альберт (1879–1955) – физик-теоретик, один из основателей современной физики, лауреат Нобелевской премии (1921) за труды по теоретической физике, особенно за открытие законов фотоэффекта. В 1933 эмигрировал в США из Германии.

⁶⁰ ВМюнхене 29–30 сентября 1939 премьер-министры Великобритании и Франции – Невилл Чемберлен (1869–1940) и Эдуард Даладьё (1884–1970) подписали с фашистскими

Здесь общественное мнение единодушно в двух пунктах. Все рады тому, что не будет войны. Все согласны, что за мир – или отсрочку войны – Европа заплатила чудовищную цену. Дальше начинаются разногласия. Первое разногласие: Что получила Европа – длительный мир или кратковременную передышку? Второе разногласие: Что принесено в жертву – Чехословакия или самый принцип международных договоров и обязательств? Третье разногласие: Что приходит на смену существовавшей до сих пор системе границ и международных соглашений – новая система соглашений или диктатура бронированного кулака?

Органы печати, к[отор]ые и до кризиса интересовались международными проблемами, склонны к более пессимистической оценке положения, чем желтые газеты. Посылаем Вам пару вырезок, к[отор]ые могут считаться типичными для здешней, серьезной печати.

Отношение здешних демократических кругов к европейской демократии лучше всего выражается словами поэта: «Ликует враг, молчит в недоуменье вчерашний друг, поникнув головой...». Идея союза между американской и европейской демократиями нанесен тяжелый, б.м., смертельный удар. С кем союз? И во имя чего? И какой смысл может иметь союз после того, что случилось?

Для меня, лично, предварительные итоги того, что произошло в хронологических рамках от Берхтесгадена до Мюнхена, представляются в таком виде:

Гитлер, без единого выстрела, не потеряв ни одного солдата, получил реванш за войну 1914–18 гг. Он получил больше, чем Германия потеряла по Версальскому миру, разрушил военную и политическую машину Антанты, утвердил свою безраздельную гегемонию в Восточной Европе, расчистил себе путь для дальнейшего движения на Юг и на Восток. «Демократии», опять-таки без единого выстрела, без малейшего сопротивления, капитулировали, систематически предавая друг друга, не думая о дальнейшем развитии событий, следуя лишь инстинкту страха перед непосредственной опасностью. Разбили Чехословакию, рассы-

диктаторами Германии и Италии – Гитлером и Муссолини соглашение, которое предусматривало отторжение от Чехословакии Судетской области, передачу ее Германии, а также удовлетворяло территориальные претензии к Чехословакии со стороны правительств Венгрии и Польши.

пали Малую Антанту⁶¹, добились Лигу Наций⁶², порвали русско-французский союз⁶³.

Военный потенциал Берлинско-Римского блока теперь на 50% выше, чем был месяц тому назад. Военный потенциал демократии, наоборот, понизился на 50%. Если только месяц назад соотношение сил было, примерно 3 : 2 с перевесом в пользу демократий, то теперь это соотношение приближается к 1½ : 3, с перевесом в пользу фашизма. В международном масштабе повторилась история Германии 1932–33 гг. Мюнхен – это капитуляция Северинга⁶⁴ перед Папеном, капитуляция, продиктованная желанием избежать кровопролития (т.е. борьбы). Ворота открыты. Дальнейшее – вопрос времени.

Всего ужаснее для меня сознание, что исторически опять путь к фашизму прокладывается социалистическим пролетариатом. Блюм принял на себя полную ответственность за Берхтесгаден, а план нового соглашения приписывается здесь не то Фроссару⁶⁵, не то Полю Фору⁶⁶. Во всяком случае, какой-то социалистический Добчинский настойчиво пищит, что это он первый сказал: «Э!»

Что же? История знала примеры угасания великих наций, распадаения могущественных государств. Т.к. в эпоху упадка власть попадает

⁶¹ *Малая Антанта – в 1920–1938 гг. блок Чехословакии, Румынии и Югославии, главное звено в поддерживаемой Францией системе военно-политических союзов в Европе в 1920–30-х годах.*

⁶² *Лига Наций – международная организация, учрежденная в 1919 г., призванная, согласно уставу, содействовать развитию сотрудничества между народами, гарантируя им «мир и безопасность». В 1934 г. нацистская Германия и милитаристская Япония вышли из ее состава, открыто демонстрируя свои агрессивные намерения.*

⁶³ *Русско-французский союз – соглашение, по которому СССР обязан был выступить в защиту территориальной целостности Чехословакии в случае, если бы с просьбой об этом к нему обратилось бы правительство Франции.*

⁶⁴ *Северинг Карл – начальник полиции Пруссии, обеспечивший федеральному канцлеру Францу фон Папену возможность 20 июля 1932 отстранить от власти в Пруссии коалиционное правительство из представителей социал-демократов, демократов и партии Центра.*

⁶⁵ *Фроссар (Frossard) Людвиг Оскар – французский социалист, один из основателей коммунистической партии Франции, затем порвавший с коммунистическим движением.*

⁶⁶ *Фор (Faure) Поль (1878–1960) – французский социалист и бессменный секретарь французской социалистической партии с 1922 по 1940, когда он, примкнув к сторонникам коллаборационистского правительства, был исключен из ее рядов.*

обычно в руки слабых и ослепленных людей, многое из того, что они делают, представляется их потомкам актами самоубийства. Но история знает также примеры национального возрождения. На пороге гибели в народе просыпается инстинкт самосохранения коллектива, хотя бы ценой самопожертвования индивидуумов. Этот инстинкт может выразиться лишь в сильном национальном порыве. Франция, по-видимому, приближается к рубежу, когда только чудо может спасти ее. Но во французской истории «чудес» было много. Французы привыкли верить в чудо последнего часа, как русские привыкли полагаться на «авось». И вот я спрашиваю себя, в этот решительный час чуда, кому доверит Франция свою судьбу? Нет ли опасности, что народ будет искать себе вождей не по образу и подобию Блюма, а по образу и подобию Гитлера и Муссолини? Если это случится, Народный Фронт будет сметен в мусорный ящик истории, туда же, куда был сметен Железный фронт Вельсов и Северингов. Историческая тяжба, начатая под лозунгом «Демократия против фашизма!», будет продолжаться между двумя фашизмами различных национальных окрасок!...

Конечно, все это лишь предположения. Есть много вариантов, логически все они возможны. Различаются они лишь степенью вероятности...

Мне кажется, что события последних недель не уменьшили вероятность новой войны, но радикально изменили соотношение сил, как военных сил противоположных коалиций, так и политических сил внутри каждой коалиции, особенно внутри той коалиции, дело к[отор]ой обычно отождествляется с делом демократии.

Против своего обыкновения, написал политическое письмо. О личных делах писать не хочется. У нас все хорошо, чего и Вам от души желаем.

С искренним приветом

Ваш *Вл. Вотинский*

P.S. Пишите о том, что происходит у Вас. М.б., мы здесь чего-то не доглядели, чего-то не учли.

Дорогие друзья!

О больших политических вопросах писать на этот раз не буду. Я согласен с тем, что написала Эмма Сав[ельевна]⁶⁷.

Прибавлю лишь несколько соображений о позиции социалистов. Трагедия соц[иалистических] партий в том, что идеологически они готовы встретить всевозможные ситуации, кроме той, с к[отор]ой им действительно приходится иметь дело. Германские соц[иал]-дем[ократы] «сыграли» Веймарскую республику Гитлеру, т.к. в их книжках и программах не было предусмотрено, что делать, когда 40% рабочих оказываются в армии безработных. А теперь социалисты свободных стран развлекались пустословием о том, как будут они бороться за власть в случае войны, но забыли о том, что на них может лечь ответственность за то, какой ценой правительства их стран купят мир. Тут ничего не поделаешь. Эта игра продолжается. Вместо того чтобы думать о существенном, люди занимаются пустяками. Пример: история с 40-часовой неделей.

Чем больше я думаю о создавшемся положении, тем больше я склоняюсь к мысли, что Мюнхенское соглашение не отсрочило войну, а действительно устранило войну на значительный промежуток времени. При новом соотношении сил война, хотя и мыслима, но, весьма вероятна. «Союзники» по логике вещей должны все больше и больше уступать Гитлеру, и каждая новая уступка будет дальше изменять соотношение сил в пользу Германии, подготавливая необходимость дальнейших уступок и уменьшая вероятность войны. Зачем станет Гитлер воевать, если он и так может получить все, чего пожелает? Европа вступила в полосу длительного Рах Тектоника⁶⁸. И нечего говорить о том, как это укрепляет внутреннее положение Гитлера. Таково исходное положение. В свете этого положения девять десятых рассуждений в №-ре «Соц[иалистического] В[естника]» – непросветимая чепуха. Но я не уверен, что наши иностранные товарищи понимают стоящие перед ними проблемы многим лучше, чем наша ЗД. Вероятно, они точно так же ищут виновных на стороне, не замечая, что на них лежит вся ответст-

⁶⁷ Данное письмо Владимира Савельевича было приложено к письму его супруги.

⁶⁸ Рах Тектоника (греч.) – мировая подвижка.

венность за случившееся, т.к. они ничего не сделали, чтобы предотвратить то, что случилось.

Не знаю, впрочем, зачем я пишу или даже думаю об этом. Пора примириться с мыслью, что все, во что мы верили, отошло в область истории. Я давно знал, что страшно жить в стране, судьба которой зависит от мозговой коробочки Вельса. А теперь оказывается, что приходится расширить эту формулу.

Могу только пожелать Вам всего хорошего. Не читайте газет и берегите здоровье. А когда вода подойдет к горлу, пошлите детишек за океан, ... если поздно не будет.

Ваш *В.Войтинский*

№ 24

22 февраля 1939

Дорогие друзья!

Конечно, Вы ждете от меня политической информации. Не знаю, что из здешней политической хроники проникает в европейские газеты. Но предполагаю, что Вы знаете все о дебатах в конгрессе по поводу военных кредитов и, в особенности, по поводу продажи аэропланов Франции. В обоих случаях президент получил, в конце концов, полную поддержку обеих палат. Мне кажется, что позиция изоляционистов очень пошатнулась за последние месяцы. Последняя акция Института Общественного Мнения показала, что абсолютное б[ольшин]ство обывателей считает, что теперь можно будет избежать войны.

Оценивая «зигзаги» амер[иканской] внешней политики, имейте в виду, что США не только на бумаге, а и на самом деле демократическая страна. Пра[витель]ство исполняет волю народа, оно может оказывать влияние на общественное мнение (и ни один президент не сделал столько для политического воспитания страны, как Р[узвельт]), но оно не может навязывать народу своих взглядов. Поэтому и во внешней политике пра[витель]ство США не может идти дальше определенной черты. Чем ближе подвигается оно к этой черте, тем вероятнее, что ему придется делать успокоительные заявления, комментировать свои решения и т.п. Это не зигзаги, а последствия того, что страна управляется согласно с правилами демократии.

Что будет дальше, когда разразится война? Никто не знает. В деловых кругах серьезно считаются с возможностью войны, в политических

кругах, как мне кажется, преобладает мнение, что до осени едва ли произойдет что-либо серьезное. Вооружение и пр. – это, с одной стороны, страховка на всякий случай, а с другой стороны, попытка изменить реальное соотношение сил для переговоров.

Конец Испании – непередаваемый позор. Но т.к. это новое поражение демократий уже было учтено заранее политической биржей, то едва ли можно считать событием такого исторического значения, каким было, напр[имер], мюнхенское предательство.

С Петрушиным толкованием событий я не могу согласиться. У него выходит так, что рабочий класс защищает демократию, а буржуазия насаждает на него. А между тем Веймарскую республику разнесли в щепки безработные пролетарии; Чемберлен опирается не только на английское мещанство, но и на миллионы рабочих; мюнхенское соглашение апробировано французскими социалистами, Front Populaire войдет в историю с печатью удушения испанской революции. По-видимому, пролетарии-то бывают различные, как различны и буржуи. И вот именно тут и начинается неразбериха. Буржуазию-то мы научились сортировать: крупная, средняя, мелкая. А для пролетариата сита не придумали. Знаем только, что пролетариат бывает сознательный (это когда он идет за нами) или бессознательный (когда он норовит дать нам в морду). Кажется, то называется марксизмом. Но как мало объясняет это события.

Я, кажется, писал Вам, что на досуге принялся за Плутарха. Писатель поверхностный, болтливый, явно бьющий на сенсацию, но необыкновенно умный. И вот я попытался сравнить его историософию с тем, что мы знаем теперь. Сравнение получилось не в нашу пользу...

А народ сюда валом валит. Появляются уже беженцы из Англии. Спешат убраться подальше от греха на случай налетов немецких аэропланов на Лондон. Иные отправляют за море престарелых родителей, другие шлют детей, а есть и такие, что перебираются сюда со всеми чадами и домочадцами.

О России здесь ни слуха ни духа. Как будто «6-я часть Земного Шара» провалилась к черту. Даже посла Советы в Вашингтоне не имеют. А если раз в неделю в газетах телеграммка из Москвы, чаще всего это о каком-нибудь новом вредительском процессе.

На днях возвращается в Вашингтон Ясный. Жена его уже приехала и временно живет у нас (в Юриной комнате). У Ясного дела идут плохо, жалуется на немощи, работы нет.

У нас без перемен. У меня много работы, и на службе и дома. Но сегодня – нац[иональный] праздник, день рождения Вашингтона⁶⁹. Воспользовался случаем, чтобы побеседовать с Вами.

С дружеским приветом

Вл. Войтинский

№25

Вашингтон, 27 марта 1939

Дорогие друзья!

Разделяем вполне Вашу тревогу за завтрашний день Европы и Ваше возмущение концом испанской трагедии. Впрочем, то, что произошло до сегодняшнего дня, еще не конец. Падение будет еще глубже, еще больше будет и крови и предательства в Испании, пока маятник не начнет двигаться в обратном направлении.

Здесь, так же как и в Европе, все гадают, что принесет ближайшая неделя, ближайший месяц. Очень высоко расценивают успехи Гитлера, осуждают слабость, медлительность Чемберлена, как-то мало внимания уделяют второстепенным персонажам развивающейся драмы. Мне лично кажется, что дело идет к развязке между Германией и Россией. Этот вариант становится все более вероятным, но он включает две возможности: Россия, предоставленная самой себе, против Германии (с ее новыми вассалами) и Японии; или повторение, с небольшими изменениями, группировки 1914 г. В первом случае, победа Гитлера и конечный разгром демократической Европы неизбежны. Во втором случае, наиболее вероятным исходом борьбы представляется мне разгром Германии. Но, Боже мой, как не подготовлены социалисты в Европе к реалистическому пониманию дилеммы! Международную ситуацию в такое драматическое время нельзя понять иначе, как в политических терминах. Народно, их жизненные интересы, притягивания и отталкивания являются такими терминами. Но ведь слепые вожаки бедного пролетариата не знают, с чем это кушают, забывая головы рабочих трухой, лишенной всякого политического смысла, они делают их в странах всеобщего избирательного права такой же *quantite negligeable*, как в самодержавной монархии. Какую цену имеет политический вес французского рабочего класса, когда радикальные вожди его, по несказанной глупости и

⁶⁹ *Вашингтон Джордж (1732–1799) – первый президент США.*

близорукости, действуют как агенты Гитлера, а вожди другой фракции плетут кружево компромиссов, оговорок, оговорочек!

Вчера прочел последний № «С[оциалистического] В[естника]». Кроме чрезвычайно интересного фельетона, все остальное а *puster Blatt* (как говаривала моя тетушка из Либавы). Но заинтересовала меня статья о французской соц[иалистической] партии. Собственно, стал читать ее по ошибке, т.к. не знал, кто автор. Но был вознагражден вполне: подобного сконцентрированного 100% вздора, такой высокопарной болтовни давно не приходилось читать. Дочитав до вывода: «Франция нуждается в новом дискуссионном листке по вопросам социалистической тактики», я решил про автора – да он Форменный Дурак! Установив это, я принялся искать подпись и, к моему изумлению, заметил, что автор так и подписался – Ф.Д.

Конечно, и погромче нас были витии, а дураков не убыло в России. Но неужели, после всего что случилось и перед лицом всего того, что вплотную надвинулось на нас, французские соц[иалисты] все еще болтают (я чуть не написал по-тюремному: бôтают) о социально-революционном содержании *front populaire* и т.п.?

Конечно, демократия может ошибаться и в Америке так же, как в Германии, Франции и Афинах (я вспомнил Плутарха). Конечно, главный источник ее слабости всегда в неподготовленности, пассивности («несознательности») неимущего большинства. Всегда оказывается, что имущее меньшинство выдвигает лучших лидеров, вносит раскол в ряды противников и после ряда поражений выигрывает решительную битву (опять плутарховская версия исторического материализма). Но если это так, то единственная возможность выпрямить зигзаги истории – это улучшить имущественное положение неимущих, поднять их политическое сознание, сделать их носителями национальных традиций и идеалов, связать их с прогрессивными силами страны, предотвратить развитие в них того шкурничества (классовой сознательности тоже), к[отор]ое делает невозможным превращение их в руководящую силу а *la Longi*. Это и есть политическая стратегия Рузвельта.

Впрочем, будет о политике.

У нас начинается лето. Каникулы мы возьмем в этом году очень поздно, – вероятно, в Ноябре. Это значит, что самое жаркое время придется пропотеть в Вашингтоне. Идем на это испытание, т.к. хотим смотаться в Мексику, а там в Августе и еще в Сентябре сезон дождей. Собственно, дожди там не запойные, а более или менее упорядоченные: до обеда льет, а после обеда – гг. путешественники, – выходите погулять!

Поэтому в Мексику много ездят и летом, но при этом половина времени теряется. Приходится либо урезать программу, либо **пользоваться** [нрзб. – *А.Н.*] вместо автомобиля (что тоже сводится к урезыванию программы). Вот мы и решили пережить мексиканскую погоду. Надеемся, что лето будет не слишком жестокое.

Во всяком случае, советуем Юре ехать сюда, не теряя времени, лишь только он получит визу.

На днях вышла в свет моя новая статистическая книга (та самая книжка-лилипут, о к[отор]ой я писал Вам). Сильно подвинул свою третью работу для Committee on Social Security и уже подумываю о дальнейших планах.

Ясные в Вашингтоне, у них все неудачи, – у него не ладится с работой, она хворает. Поселились они довольно далеко от нас, т.ч. встречаемся мы редко, больше сносимся по телефону. У нас гостит дочь Гриневича⁷⁰ – Veer, очень симпатичная девушка. А на будущей неделе ждем Маршака⁷¹, к[отор]ый вот уже несколько месяцев странствует по Америке в качестве Рокфеллеровского Fellow. Под Новый Год я встретил его в Детройте, тогда он мечтал об окончательном переселении в США.

С дружеским приветом и лучшими пожеланиями всем Вам

Вл. Войтинский

⁷⁰ Коган (Гриневич) Михаил Григорьевич (1874–1942) – в социал-демократическом движении с середины 90-х годов XIX века, с 1903 – меньшевик, один из основателей профессионального движения в России, а также историк этого движения. Первый председатель Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов. Покинул Советскую Россию в начале 1922 г.

⁷¹ Маршак Яков (1898–1977) – с 1915 меньшевик-интернационалист. В 1916 – арестован, освобожден Февральской революцией. Член городского правительства Киева. После октябрьского переворота работал на Северном Кавказе. Вернувшись в Киев, изучал статистику в Институте экономики, затем учился в Германии. Окончив в 1922-м Гейдельбергский университет, работал сотрудником «Франкфуртер Цейтунг», затем в немецком центре по изучению политэкономии. В 1927 – сотрудник Фонда Рокфеллера в Великобритании, затем – Института мировой экономики в Киле. С 1930 – приват-доцент Гейдельбергского университета. После прихода Гитлера к власти эмигрировал в Великобританию. В 1935–1939 – директор Института статистики в Оксфорде. Перед Второй мировой войной переселился в США, работал в ряде крупнейших университетов Америки, с 1972 член Американской Академии наук, президент Американской экономической ассоциации.

[Вашигтон], 14 мая 1939

Дорогие друзья!

За мной недоимка: не ответил в свое время на вопросы Петруши.

Прежде всего, относительно изд[ания] сборника П[авла] [Борисовича] [Аксельрода]. Я не писал Борису Ив[ановичу] [Николаевскому], и правду говоря, не то, чтобы забыл написать, а считал себя не вправе производить на него, какое бы то ни было, давление. Мне кажется, что время теперь крайне неблагоприятное для изд[ания] сборника. Дело не в деньгах на изд[ание], а в том, что в данный момент сборник не отвечает – так мне кажется – никакой общественной потребности, и появление его прошло бы совершенно незамеченным. А на худший конец, сборник был бы использован парой борзописцев для целей, не имеющих ничего общего с намерениями П.Б. Я чувствую, что так отнесся бы к вопросу и П.Б., к[отор]ый очень чутко различал, когда определенное выступление полезно, а когда нет. Он никогда бы не принял в учет довод: «Средства есть, за чем же задержка?». М.б., я ошибаюсь, но я стараюсь стать на точку зрения П.Б. и не делать ничего, что он лично не одобрил бы. Прошу Петрушу показать это письмо Ир[аклию] Георг[иевичу]. Если он согласится с точкой зрения Петруши, я подчиняюсь их решению.

Второй вопрос Петруши, на к[отор]ый я не ответил, – адрес Андрея И[вановича]. Я не имею никаких известий от него уже больше 3 лет. В последний раз он написал мне вскоре после нашего приезда в Америку. Тогда он получил какую-то газетную работу, к[отор]ая давала ему возможность вернуться к старому его труду по истории эллинизма. На этом наша переписка оборвалась, не в первый раз за 30 л[ет] нашей дружбы. Но если буду в Париже, постараюсь разыскать его⁷².

Теперь другие новости. Сбор на Дана и Югова докатился и до Америки⁷³. Получили и мы чековую книжку и, само собой, разумеется, вернули ее по принадлежности. Подобное обращение к людям, заведомо не принадлежащим к кружку «СВ», представляется мне не очень тактичным. «СВ» за последние годы стал еще плоше, чем был раньше. Собственно, читать можно только статьи В. Александровой, все прочее скука мировая, не говоря уже о нелепо противоречивой «линии». Бедный

⁷² О ком идет речь – не установлено.

⁷³ В связи с грядущим 70-летием Дана была развернута кампания по подписке на страховку для него в качестве подарка.

пролетариат! Чего только не пишут и не вытворяют его именем, а он – безмолвствует.

А «ген[ерал]» Кривицкий – это особый №. Какие у него лампасы, из его писаний не видно. На настоящих генералов, каких я встречал на фронте⁷⁴, он что-то не похож. Но гороховое пальто⁷⁵ его видно за версту. Это просто вульгарный шпик, охранник, с соответственно проплеванной душой (и мордой). И если наш «Ф.Д.» пытается искать у него политического руководства и совета, это лишь подтверждает правильность моего толкования инициалов, украшающих страницы «СВ».

С Петрушиными замечаниями о правых вождях фр[анцузской] политики я согласен. Но я не могу забыть, что удушение респ[убликанской] Испании и предательство Чехословакии санкционировано Блюмом и скреплено печатью соц[иалистической] партии. О чем же говорить? Классовая узость, близорукость, трусость, шкурничество здесь и там. Я не валю всю ответственность на одну сторону. Но я очень остро чувствую, что в эти страшные годы социализм растратил до последнего сантима свой моральный капитал, к[отор]ый накапливался десятилетиями. Чтобы судить других, надо сперва прибрать свой собственный дом.

Я думаю, что Биншток во многом прав, подводя итоги своим исканиям. То, что Вы пишете о нем, в общем, порадовало меня⁷⁶.

У нас все хорошо. Ждем сюда Юру. Он прав, что не строит себе никаких иллюзий относительно того, что ожидает его здесь, но Америка

⁷⁴ В 1917 Войтинский был комиссаром Временного правительства на Северном фронте.

⁷⁵ На Гороховой в Санкт-Петербурге-Петрограде до революции располагалось охранное отделение, а с декабря 1917 – ВЧК.

⁷⁶ В письмах конца 1938 и первых месяцев 1939 из Лондона Биншток писал Гарви: «...Должен тебе сказать, что для меня Гитлер – это не только внешняя, грубая сила, к[отор]ую я ненавижу всеми фибрами души, но и нечто внутри нас. Я не могу отмахнуться от Гитлера, и еще меньше от Сталина... Для тебя имеется противоположение: демократия – фашизм – большевизм. А для меня и большевизм, и фашизм – дети демократии. Эволюция демократии в 19 и 20 ст[олетиях] привела к фашизму-большевизму». И в другом месте: «...Социализм и пацифизм провалились окончательно, страшно сказать, но надо смотреть истине в глаза. Старый мир идет к черту, к черту идет капитализм, а вместе с ним и родной его брат – социализм. Я остался антикапиталистом, ненавижу этот строй, как никогда еще не ненавидел, для того, чтобы понять, что это за грязь и лицемерие, надо тут пожить. Но социализм – это тоже не выход, вернее сказать, старый социализм, не сумевший разрешить ни одного из вопросов, в частности не разрешивший важнейшего вопроса об отношениях между обществом и личностью, между равенством и свободой» (См.: Hoover. Series 18. Box 53. Folder 1).

ему, наверное, полюбится. Еще сегодня я встретил здесь одного молодого профессора-экономиста из Лондона. Он – лейборист, блестящий ученый с большим международным именем. А пробыв здесь с полгода, он готов принять предложение преподавательской работы в любом амер[иканском] университете. Такое же настроение у Маршака. Повидимому, надо было, чтобы Гитлер опоганил пол-Европы и поверг другую ее половину в смертельный страх, чтобы европейцы открыли, как хороша Америка.

Во всяком случае, в моих подсчетах народонаселения США я включаю в счет всех Гарвят и Гарвей огулом. А подробнее напишет Вам об этом Эмма Сав[ельевна].

Ваш *Вл. Войтинский*.

№27

*[Вашингтон, без точной даты,
конец июня – начало июля 1939]*

Дорогие друзья!

Из дел парижской колонии, о к[отор]ых Вы пишете, больше всего волнует меня дело Мурика⁷⁷. Это не только трагедия погибшего мальчика и его семьи, но символ – символ испанской революции, а в более общем смысле и символ революции вообще. Вот теперь деятели испанской революции сводят счеты друг с другом, сторонники Кабаллеро⁷⁸ разоблачают сторонников Негрина⁷⁹, мало-помалу раскрываются интриги, предательства. Что правда, что ложь в этих разоблачениях, это дело истории. А пока ясно, что тысячи таких юношей, как Мурик, отдали свои жизни неведомо за что. И исторически Испанскую Революцию представляли не Мурики, а те, кто по команде «пли!» этих Муриков расстреливали. По злой иронии судьбы их пули залетели в среду, где

⁷⁷ Весной 1939 стало известно о гибели похищенного в Испании сына Р.А.Абрамовича.

⁷⁸ Кабальеро (Caballero) Франциско Ларго (1869–1946) – в 1918–1937 – генеральный секретарь Всеобщего союза трудящихся (ВСТ), в 1932–1935 – председатель испанской социалистической партии, в 1936–1937 – премьер-министр и военный министр правительства народного фронта в Испании.

⁷⁹ Негрин (Negrin) Хуан (1894–1956) – с 1929 – член испанской социалистической рабочей партии, премьер-министр республиканской Испании (с 1937), в 1939–1945 – глава республиканского правительства Испании в эмиграции.

привыкли употреблять ужасное слово «революция» на каждом шагу и по всякому поводу, не вдумываясь в его значение.

Мое отношение к событиям в Испании нимало не изменилось под влиянием новейших разоблачений. Но мне кажется, что революцион[ную] роль (без кавычек и большого «Р») играли в этих событиях банды ген[ерала] Франко и «Революционеры» – это логическая антитеза «лойялистов». Правда лойялистов была в том, что они защищали свободу против революции, которая стремилась эту свободу задушить. А затем на этом фоне пошли узоры международной политики, глупости, трусости, хитрости, шантаж. Боже мой, сколько вздора было написано за эти годы об испанских событиях! Особенно социалистами.

Ваше сообщение о том, что нашу ЗД выперли из Бюро Интернационала⁸⁰, искренне меня порадовало. Все же средний интеллектуальный уровень коллегии без Дана будет чуточку выше, чем с Даном. А помимо этого соображения, Интернационал не может подняться со дна, не освободившись от мертвого груза всевозможных фиктивных делегаций и бывших людей вроде Данов, Вельсов, Мазеп⁸¹, Ярблумов⁸², Гварджаладзе⁸³ и т.п. Мне кажется, что Интернационал может еще играть некоторую, конечно, весьма скромную роль. Но это при условии радикальной чистки, дефляции, большого такта и широкого использования услуг экспертов, к[отор]ые действительно могли бы помочь рабочим партиям разобраться в стоящих перед ними вопросах (не только экономических, но и международно-политических, военных и т.д.). Когда подумаешь,

⁸⁰ *Исполком РСИ 14–15 мая 1939 принял «регулирование прав и долгов партий стран без демократии», которое, резко сокращало представительство этих партий в органах и конгрессах РСИ. См.: L'Los et les Pays sans Démocratie. Information International Documents et Discussions. 24.V.1939.*

⁸¹ *Мазепа Исаак Прокопович (1884–1952) – с 1917 член ЦК Украинской социал-демократической партии. В эмиграции с 1920. Лидер заграничной делегации украинских социал-демократов. Их представитель в РСИ. См.: Mazepa J. Der Bolschewismus und die russische Okkupatione der Ukraine. Berlin, 1923.*

⁸² *Ярблум Марк – деятель еврейского сионистского социалистического движения, представитель партии «Поалей-Цион» в РСИ, защитник сионистских позиций против Бунда в международном социалистическом движении. Автор многих работ: The Socialist International and Zionism. N.Y., 1933; Le destin de la Palestine juive. De La declaration Balfur 1917 au Livre Blanc 1939. Paris, 1939.*

⁸³ *Гварджаладзе Константин – секретарь Заграничной Делегации грузинской социал-демократии и ее представитель в Исполкоме РСИ с 1930 г., сменивший ушедшего по собственному желанию И.Г.Цертели.*

что ныне решать эти вопросы берется коллегия из пары скандинавских моржей с дюжиной мазеп в придачу, невольно вспоминаешь Гоголя: «Скучно жить на свете, господа!».

Ну, довольно о большой политике. Здесь была у нас заездом «Леля» (так и не знаю ее фамилии⁸⁴). Но об ней напишет Вам Эмма Сав[ельевна]. Между прочим, она спрашивала нас, встречали ли мы здесь «американских американцев», т.е. не эмигрантов и не обамериканизировавшихся выходцев из России и Польши. Оказывается, в Нью-Йорке она только и видела настоящих американцев во время неприятностей с эмиграционной полицией, а дальше все время она двигалась в русско-польской и немецко-еврейской среде. Особенность Вашингтона та, что здесь этой среды нет вовсе. Мы встречаемся исключительно с американцами, говорим вне дома исключительно по-английски. Вероятно, именно поэтому в Вашингтоне легче войти в ам[ериканскую] жизнь, чем в Нью-Йорке. Постараемся помочь Юре устроится так, чтобы возможно быстрее сжиться с новой средой.

Из русских тов[арищей] встречаем здесь только Ясного. Вы спрашиваете, что с ним. Ему очень не повезло. Прежде всего, не повезло в смысле работы и заработка. Вот уже четвертый год, как он не может устроиться на постоянное место, перебивается случайными, грошовыми заработками, и впредь очень мало шансов на улучшение. Затем, подвело здоровье. Он долго хворал, затем поправился, но чувствовал себя инвалидом. Семья живет на заработки его жены, но и она слаба здоровьем и чувствует себя под вечной угрозой, что вот-вот свалится. Таня выросла славной, серьезной девушкой, но тоже не герой (не чета нашей Сильвусе). В сумме, все это создает очень тяжелую семейную атмосферу. А если принять во внимание, что сам Наум Мих[ихайлович] человек тяжелый, мрачный, неуживчивый и на взгляд постороннего наблюдателя просто неприятный, то понятно, что вокруг семьи установилась атмосфера отчужденности. Нам очень жаль Ясных, но проводить с ними время слишком утомительно, и мы не делаем особенных усилий, чтобы встречаться чаще, чем раз в неделю.

⁸⁴ Эстрина-Гинзбург Лиля (Леля) Яковлевна (1898–1981) – изучала право в Саратове и Москве, выехала из России с мужем, меньшевиком Самуилом Ефремовичем Эстриным (1893–1976). Работала в советском полпредстве в Берлине, в 30-х годах была секретарем Б.И.Николаевского в Парижской конторе Амстердамского Института социальной истории. В это время стала активной троцкисткой, ближайшей сотрудницей его сына – Льва Седова. Позже переехала в Америку.

У нас начинается лето (сегодня, пожалуй, первый влажно-знойный день). Мы предполагаем никуда из Вашингтона не выезжать до Октября, не знаю, выдержим ли. Последнее время у нас обоих было много работы. Я заканчиваю довольно сложную часть моего project. Никогда еще не приходилось пичкать в статистику столько математики, а главное, делаю это не для форса, а потому что иначе нельзя извлечь из цифри необходимые сведения. Хорошо, что не всю еще математику позабыл за последние 35 лет!

На этом кончаю. Обо всем прочем напишет Эмма Сав[ельевна].

Ваш *Вл. Войтинский*

№28

*[Вашингтон, без точной даты,
декабрь 1939]*

Дорогой Петруша!

Наши последние письма разошлись в пути. После возвращения в Вашингтон я писал Вам, как о летней нашей поездке, так и о настроениях в Ам[ерике]. Теперь еще несколько слов о политических настроениях.

Вам кажется, что если бы нейтральные страны с США во главе «твердо заявили о своей готовности» и т.п., то это заставило бы Гитлера капитулировать. Я не думаю, чтобы здесь было много людей, к[отор]ые разделяют такой взгляд на дело. И я лично не разделяю его. «Заявления» никто в наше время не верит. Словами борьба не решается. Дело не в «твердом заявлении», а в твердом действии, т.е. в активном вступлении в войну. Но где хоть бы малейшее оправдание для вступления в войну нейтральных стран, когда, по общему представлению, настоящая, большая война вообще еще не началась и все заботы прямых участников конфликта направлены на то, чтобы предупредить его распространение и обострение? Я не говорю, чтобы политика союзников была ошибочна... В дружественности ам[ериканского] общественного мнения нет никаких сомнений. Но если бы страна почувствовала, что администрация готовит почву для интервенции, это вызвало бы взрыв негодования и такую волну антибританских настроений, что Гитлер должен был бы благодарить небо за новый поворот ам[ериканской] политики. Для меня абсолютно ясно, что при данном положении в Европе и в

Америке, администрация не может идти дальше на пути оказания своих симпатий союзникам, нежели она это делает.

Эти дни был у нас Герц⁸⁵. Приехал в Вашингтон оживить личные связи (в очень скромном масштабе), провел у нас три дня. Впечатление оставил он двойственное. С одной стороны, конечно, честный, глубоко порядочный человек, к[отор]ый многое понял и, главное, не боится смотреть правде в глаза. А с другой стороны, когда подумаешь, что он один из вождей, один из немногих интеллигентов-руководителей движения, – так безнадежно уныло становится на душе. Много и искренне говорил Г[ерц] о своих детях и больше всего восхищался их бережливостью, умением считать центы, откладывать деньги и т.п. Это была неисчерпаемая тема его монологов (моно-логов, т.к. мы ни единым звуком не поддерживали его восхищения мещанской скарденностью ребят). Впрочем, это мелочь. Характерна она лишь тем, что Г[ерц] не просто один из лучших немецких геноссов, а один из самых лучших, один из немногих немцев с соц[иалистической] искоркой в душе. И все же, в конце концов, какие мещанские идеалы, какие узкие запросы, какой убогий запас знаний! Говорил я с ним по душам о крушении демократической Германии, во многом встречал полное согласие с его стороны, а про себя думал: «Да как же мог удержаться режим, при к[отор]ом ты казался орлом и героем?..»

...«Пос[ледних] Нов[остей]» я уже давно не видел. Фр[анцузских] мы не получаем. Но каждый день слушаем Париж по радио. От 6 ч[асов] 45 м[инут] до 7 ч[асов] вечера здесь идет программа из трех европейских столиц. Каждому корреспонденту дается 5 мин. Для сжатого резюме всего, что произошло на его глазах за последние сутки. Иногда корреспонденты болтают зря, но обычно сообщения очень хороши. Прекрасного обозревателя имеют здешние газеты в Берлине, и от него Ам[ерика] узнает такие черточки повседневной жизни в Германии, о к[отор]ых нацистские газеты, конечно, ничего не сообщают.

Осенью, во время нашего отсутствия⁸⁶, вышла (в литографированном виде) моя брошюра по довольно специальному вопросу. Хотя материя

⁸⁵ Герц (Hertz) Пауль (1888–1961) – немецкий социал-демократ, член рейхстага. После 1933 г. эмигрировал. Один из руководителей группы «*Neue Beginnen*». После 1945 г. вернулся в Германию и играл видную роль в муниципалитете Берлина. См.: *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Biographisches Lexikon. Berlin, 1970.*

⁸⁶ *Войтинские в ноябре 1939 г. ездили в Мексику. См. в данном номере письмо №25 от 27 марта.*

это скучная и Вы, конечно, читать ее не станете, посылаю ее Вам, для полноты коллекции. Еще вышла статья, написанная Эммой Сав[ельевной] и мной совместно (но главным образом – Эммой Сав[ельевной]) о развитии сельскохоз[яйственной] статистики от сотворения мира до наших дней в Европе, Азии и Африке (т.е. на всем свете, кроме Америки). Эту статью пришлем Вам, лишь только получим оттиски из журнала.

У нас все хорошо, как оно и полагается в этой счастливой стране.

Ваше возмущение по поводу гадостей в «СВ» разделяем. Но, ей Богу, эти гадости не хуже тех благоглупостей, к[отор]ые составляли с незапамятных времен платформу этого органа (имею в виду всю Дано-Бауэро-Адлеровскую концепцию нашей эпохи капитализма, демократии, Советов и пр.). Это одно к одному. Не виновата сорока, что, затвердив про Якова, твердит про всякого. На то она и сорока.

Пишите обо всем.

Ваш *В.Войтинский*

Наши авторы

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений
и внешней политики России МГИМО (Университет) МИД РФ

Левандовский Андрей Анатольевич

кандидат исторических наук,
доцент исторического факультета МГУ им. Ломоносова

Марына Валентина Владимировна

профессор, доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института славяноведения РАН

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
руководитель научного Центра историко-теоретических
исследований Института всеобщей истории РАН

Our authors

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian,
Professor of Moscow State Institute of International Relations
(University)

Levandovski Andrey Anatol'evich

Ph.D., historian, assistant Professor
of the History Department of Lomonosov Moscow State University

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D.Sci. in history, Professor,
head specialist of Slavic Studies RAS

Mal'kov Victor Leonidovich

D. Sci., historian, Professor, Merited Science Worker of Russia,
Head of Scientific Centre of Theoretical Research
of the Institute of World History of Russian Academy of Sciences

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Гелея», Нахимовский пр-т, д.51/21;

«Наталис», Вешенский пер., д.8/1 стр.2;

«Фаланстер», Б. Козихинский, д. 10;

магазины издательства «РОССПЭН»:

ул. Б. Дмитровка, д.15;

Нахимовский пр-т, д.51/21;

ул. Дм. Ульянова, д.19;

Книжная галерея «Нина», ул. Бахрушина, д.28;

магазины ОГИ:

ул. Б. Дмитровка, д.12 («Пирог»);

ул. Никольская, 19 («Пирог»);

Потаповский пер., 8/12;

Киоски МГУ (I и II гум. корп.), МГИМО, РУДН;

киоск в Институте востоковедения РАН

ул. Рождественка, д.12

в Санкт-Петербурге

Книжный салон Российской национальной библиотеки

«Дом Крылова», Садовая ул., д.20;

«Летний сад»:

Невский просп., д.3;

Фонтанка, 15;

Петроградская стор., Большой просп., д.82;

Книжный салон издательства СПбГУ

Менделеевская линия, д.5

(Исторический и философский ф-ты СПбГУ)

3. 2006 may-june

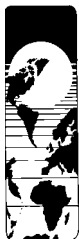
S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Does Pressure on Russia Increase? _____ **4**

Geopolitics and International Policy Issues

Vladimir Degoev

«Provincization» against Ethnocratism
(about Some Methodological Approaches to North
Caucasian Problems) _____ **56**

Pages of History

Andrey Levandovski

The Blasting Power of «Judicial Statutes» _____ **66**

European Parallels

Valentina Mar'ina

New Pages of the Soviet
Czechoslovakian Relations
in 1938–1940 _____ **84**

Viktor Mal'kov

The Baltic Knot. 1939–1940 ____ **122**

Topical Archive

Al' bert Nenarokov

V.S. Voitinskito Harvey and his
Offsprings. Letters, 1933–1939:
on the Time, Events and Politicians
(the end) _____ **152**